

ВОЗДУХ

ВОЗДУХ

журнал поэзии

4/08

Мария Степанова

Борис Херсонский
Сергей Завьялов
Светлана Иванова
Константин Кравцов
Николай Байтов

Скидан
о Кондратьеве
Драгомощенко
об Аристове

Поэт
в меняющемся мире

8 | 4 журнал поэзии

ВОЗДУХ

журнал поэзии

4/08

третий год выпуска

*Все стихи я делю на разрешенные и написанные без разрешения.
Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух.*

Мандельштам

проект арго

ISSN 1818-8486

Редактор Дмитрий Кузьмин

Художник Юрий Гордон

Журнал поэзии «ВОЗДУХ» издаётся 4 раза в год. Издатель — Проект Арго.

Материалы для публикации принимаются только по электронной почте: *info@vavilon.ru*

Редакция вступает или не вступает в переписку по собственному усмотрению.

По этому же адресу вы можете оставить заявку на экземпляры последующих выпусков журнала.

Электронная версия журнала находится по адресу:

<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/>

Все права на опубликованные тексты сохраняются за их авторами.

Изд-во АРГО-РИСК 117648 Москва, Сев.Чертаново, 8-833-218.

Типография Россельхозакадемии. Москва, ул. Ягодная, 15.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

К И С Л О Р О Д	
Марии Степановой / Елена Фанайлова	5
Г Л У Б О К О В Д О Х Н У Т Ь	
Мария Степанова	
Стихи	8
Интервью / Линор Горалик	17
Отзывы	22
Фаина Гримберг, Фёдор Сваровский, Анна Глазова, Константин Кравцов, Геннадий Каневский, Павел Гольдин	
Д Ы Ш А Т Ь	
Олег Петров	26
Николай Звягинцев	30
Светлана Иванова	32
Мария Галина	39
Аркадий Штыпель	42
Андрей Черкасов	44
Петя Птах	47
Георгий Геннис	54
П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е	
Николай Байтов	58
Д Ы Ш А Т Ь	
Настя Денисова	94
Наталия Боева	99
Анастасия Романова	102
Олег Асиновский	105
Константин Кравцов	109
Сергей Завьялов	114
Борис Херсонский	119
Н А О Д И Н В Д О Х	
Олег Ленцой	133
Александр Макаров-Кротков	135
Д А Л Ь Н И М В Е Т Р О М	
Ямарбер Марко / с албанского Андрей Сен-Сеньков	136
Василис Аманатидис	
/ с греческого Евгений Никитин и Олег Филиппов	138
Олесь Барлиг / с украинского Дмитрий Кузьмин	140
Йона Волах / с иврита Гали-Дана Зингер	144

З А П А С В О З Д У Х А

- Совпадение в пейзаже (о Василии Кондратьеве) / Александр Скидан 149
Василий Кондратьев. По развалинам: Стихи 1985-1988 годов
/ Публикация Глеба Морева 160

А Т М О С Ф Е Р Н Ы Й Ф Р О Н Т

- О неуместности: Речь при вручении Владимиру Аристову Премии Андрея Белого
/ Аркадий Драгомощенко 165

В Е Н Т И Л Я Т О Р

- Поэт в меняющемся мире 168
Бахыт Кенжеев, Татьяна Щербина, Григорий Кружков, Александр Скидан,
Леонид Шваб, Шамшад Абдуллаев, Александр Уланов, Ольга Мартынова,
Фаина Гримберг, Сергей Завьялов, Евгений Бунимович, Владимир Аристов,
Гали-Дана Зингер, Полина Барскова

С О С Т А В В О З Д У Х А

- Хроника поэтического книгоиздания под редакцией Данилы Давыдова 180
Алексей Верницкий, Аркадий Штыпель, Дарья Суховой, Кирилл Корчагин,
Владислав Поляковский, Мария Галина, Татьяна Щербина

- А В Т О Р Ы 202

К И С Л О Р О Д

Объяснение в любви

МАРИИ СТЕПАНОВОЙ

О поэзии Марии Степановой, о её балладах «Песни северных южан», «Прозе Ивана Сидорова» и «Второй прозе» написано так много, что, кажется, к опубликованному — в частности, к замечательным недавним разборам Марка Липовецкого в «Новом литературном обозрении» и Григория Дашевского в «Коммерсанте», — добавить практически нечего. Степанова — мастер эпического высказывания (сознательно опускаю здесь её лирическую поэзию, это материал для отдельного исследования), мастер поэмы и баллады, жанров, в которых современная поэзия проявляется редко и мало, одно время мне даже казалось, что это искусство если не вполне утрачено, то находится где-то на обочине поэтического письма. Я присоединяюсь к замечаниям о народных фольклорных и рафинированно-литературных истоках её работы, о театральности и кинематографичности, о завораживающем сюжетостроении, об использовании технологии волшебной сказки и народной страшилки. Наконец, мне близка мысль о том, что выход в медиа-пространство (появление глав «Сидорова» по мере их написания в ЖЖ под псевдонимом; публикация обеих поэм соответственно в журналах «Афиша» и «Русская жизнь», пространство которых не слишком приспособлено для стихов; постановка одной из поэм Русланом Маликовым, режиссёром «новой драмы», в театре «Практика») — это естественное продолжение медийного характера поэзии Степановой. Эта поэзия приобретает качество всеобщего языка (по крайней мере, в его целевой группе, группе не только филологической, но творческой интеллигенции, которая болеет за русские стихи и берёт на себя ответственность за их распространение по доступным ей каналам; я сейчас имею в виду конкретно руководство обоих журналов и театра). Возможно, Степановой не сравниться по популярности с сетевым поэтом Орлушей, ну так ведь она и не пишет про надутую Ксению Собчак. Однако у её поэзии есть качества, далеко выводящие её за пределы узкого круга специалистов, ценителей, ревнителей и проч.

Если бы я взялась рассуждать на эту тему, то есть об истоках и смысле восприятия стихов Степановой большим кругом людей как несомненно прекрасных, о распознавании их как насущно важных, то говорила бы сейчас не только о её стихостроительной виртуозности и мощном поэтическом аппарате, технологизирующем классическое русское письмо, и даже не вспоминала классификацию поэзии Т. С. Элиота, согласно которому эпический поэт выше лирического, а поэт-драматург вообще находится на вершине профессионального мастерства. Я выступала бы примерно с тем малонаучным, но соблазнительным операционным аппаратом, с которым когда-то о. Сергей Булгаков анализировал творчество Александра Блока или д-р Юнг рассуждал об искусстве при помощи выдуманных им архетипов. Я бы рискнула сказать, что одним из главных источников вдохновения и центральным образом поэзии

Степановой является самый древний универсальный женский архетип. Это Богоматерь, Дева Мария, верховное женское божество, которое проявлено в её балладах и поэмах в разных ипостасях. Как Небесная дочка, меняющая обличья и доводящая до сумасшествия бедного лётчика и его жену. Как inferнальная майор Кантария (Чёрная Дева) и трансцендентная Сама-Она, сошедшая в загробный мир и ставшая его покровительницей, и теперь её надо вызволить из тюрьмы, освободить её могущество, — в «Прозе Ивана Сидорова». Как Норма Джин (настоящее имя Мерилин Монро), воплощённая и мифологизированная экраном женственности, после смерти инкарнирующая в русской глубинке в теле продавщицы Нины и обладающая невероятными волшебными операционными возможностями, — во «Второй прозе».

Женский образ эпической поэзии Степановой — всегда спасательница, Спасительница. Я бы вспомнила здесь и первую, возможно, в творчестве Степановой, скрытую отсылку к имени Марии в «Двадцати сонетах к М.» (1998), цикле по канве Бродского, блистательном пастеше по мотивам «Двадцати сонетов к Марии Стюарт», и стихи «Мария Степанова, сборная России» — о баскетболистке, полной тёзке автора. И, наконец, в одном из последних текстов встречаем: «и называть себя Марией горько сердцу моему». Я убеждена, что Степанова отдаёт себе отчёт, чьё имя носит, и осознанно относится к этому сюжету.

Продолжая мысль Григория Дашевского, высказанную им в рецензии на «Прозу Ивана Сидорова», рискну ещё сказать, что тоска Блока по вечной женственности нашла почти через столетие своё зеркало в последних работах Степановой. В определённом смысле «Проза Ивана Сидорова», — при всём своём современном антураже и сюжете, который не скрывает своей связи с «Местом встречи», уходящая корнями в русскую романтическую прозу девятнадцатого века, — это наш ответ «Двенадцати», музыке революции (которая оказалась, по Блоку или по отцу Булгакову, дьявольской). Только вместо перевёрнутой Блоком в чёрную сторону евангельской притчи мы получаем женскую версию народного спасения, и, как всегда в женском варианте, это происходит через самоотречение и любовь. (Открою одну нестрашную профессиональную гендерную тайну: перед женщиной-поэтом довольно часто появляется вызов и соблазн ответить мужчине-поэту, мужскому рисунку мира, в поэзии выраженному. Это происходит как от приятия этого рисунка, так и от несогласия; главное, чтобы мужская позиция была артикулирована чётко. Мне лично всегда хотелось Блоку дать по шее.) Персонажи «Сидорова» травестированы с ещё большей, чем у Блока, силой, распознать их ещё труднее, но эта задача не является безнадёжной. Кстати, книга братьев Вайнеров, по которой поставлен знаменитый сериал, словно в насмешку называется «Эра милосердия».

Есть ещё один важный аспект популярности и терапевтичности поэзии Марии Степановой, здесь я снова продолжу Дашевского, который говорит, что её поэма (а я бы отнесла это и к балладам, и ко «Второй прозе») — «волшебная сказка, заместившая поэму о катастрофическом социальном опыте». Действие баллад и поэм Степановой происходит в пространстве, примерно напоминающем пространство романов о Дозорах Сергея Лукьяненко: персонажи и обстоятельства узнаваемы, имеют современные

черты, дело происходит вроде бы сейчас, но главный фокус в том, что не вполне здесь и не вполне обычными способами и средствами. Общая черта и приём «Ночного дозора» и двух поэм (или проз) Степановой — пристальное, совсем не фантастическое внимание к деталям и обстоятельствам места. Как в «Дозоре» я с чувством глубокого удовлетворения опознавала ночную затрапезную Москву в районе метро Рижская, описанную точно, как ни в одном реалистическом прозаическом произведении, так и в строках «Сидорова» и «Второй прозы» легко опознаётся провинциальная фактура и вечно непросушенная бытовая жизнь наших людей, готовых, однако, при помощи овеществлённой европейской предметности и русской литературной духовности воспарить над бытом. «Что на нём: пальто итальянского кроя, костюм спортивный, то и это сырое. Сумка с надписью, вижу я только das, но легко додумаю остальное... Осторожно окрашены тёмным заборы, и даже на площади ни мента» («Сидоров»). Или во «Второй прозе»: «А на младшей Нине — розовое мини. Ножки в сеточку, туфли лодочки, бусы крупные, гематит, и когда у ней просят водочки, она даже в глаза не глядит... И одеты мы все одинаково, а подойдишь к крыльцу покурить — сядет боком, откроет Булгакова, и куда с ней такой говорить?»

Вообще-то обе последние поэмы Степановой — о мире ещё не загробном, но и не видимом, о жизни после смерти, о взаимопроникновении мира живых и мёртвых. То есть, как и в современном фантастическом романе, русской постстругацкой версии science fiction (не путать с фэнтези), в пространстве поэзии Степановой читатель может переживать за героев, легко представляя на их месте себя, но наделённого магическими свойствами, способного через эту идентификацию изменить свою судьбу. И это новая для русской поэзии трансформация волшебного, уже не в символическом поле романтической баллады, страшных сказок Гоголя или обработок Афанасьева. Это трансформация, учитывающая опыт голливудского кино и опыт современного мира, в котором свинцовым мерзостям русской жизни, документальным ужасам кинохроники и кошмарам военных конфликтов, личной смерти и трагедии близких противопоставляется новая народная сказка о бессмертии. Степанова, по моему убеждению, самый гуманистичный поэт современности. За это и любима народом.

Елена Фанайлова

Г Л У Б О К О В Д О Х Н У Т Ь

Автор номера

Мария Степанова

СТИХИ

Из книги «Лирика, голос»

✦ ✦ ✦

Было, не осталось ничего подобного:
Сдобного-съедобного, скромного-стыдобного.
Чувства раздвигаются, голова поёт,
Грязно-белый самолёт делает полёт.

Ничего под праздники не осталось голого:
Ты держись за поручни, я держусь за голову,
У неё не ладятся дела с воротником,
И мигает левый глаз поворот-ни-ком.

(Горит золотая спица,
В ночи никому не спится.

— ЮКОС, ЮКОС,
Я Джордж Лукас.
Как вам теперь? покойно?
Что ваши жёны-детки?
Все ли звёздные войны
Видно в вечерней сетке?

Спилберг Стиви,
Что там у нас в активе?
Софья Коппола,
Где панорама купола?
Ларс фон Триер,
Хватит ли сил на триллер?)

Лётчица? наводчица; начинаю заново,
Забываю отчество, говорю: Чертаново,
Говорит Чертаново, Банный, как приём?
Маша и Степанова говорят: поём.

А я ни та, ни ся, — какие? я сижу в своём уму,
И называть себя Марией горько сердцу моему,
Я покупаю сигареты и сосу из них ментол,
Я себя, как взрывпакеты, на работе прячу в стол,

А как стану раздеваться у Садового кольца —
С нервным тиком, в свете тихом обручального кольца —
Слёзы умножаются, тьма стоит промеж,
Мама отражается,
Говорит: поешь.

✦ ✦ ✦

Банный день стеклу и шинам.
Юбки флагами с балконов.
Летний воздух с тихим шипом
Выпускают из баллонов,

Он линяет, всё меняет,
Он проёмы заполняет,
Человекоочертанья в нём, как шарики, висят —
Зоны мёртвого живого
Года с семьдесят второго,
Года с пятьдесят восьмого
Ни фига не отражают, а висят-не-голосят
Наподобие холодных магазинных поросят.

Эфтим супом я, бывало,
Наедалась до отвала,
В нём и плавала, и плакала-солила, и спала.
Плошка — новою была.

А когда в такой пробел заедешь локтем,
Попритронется к тебе прохладным когтем
Эта общая священная могила,
Лета всехнего бесхозное ложе,
Вороватая поддатая малина,
Социальная бесплатная одёжа.

Топлая младость,
Пузырями радость,
С прадедами-дедами равная скамья —
Лета, любовь моя.

† † †

Зелень-зелень, моя птица,
Хорошо ль тебе шумится,
Тополь, движимая медь,
Высоко ль тебе лететь?

Чадо вывозим, скарб собираем, лето на даче проведём...
Мы объявлений не читаем, мы ничего не ждём.
«Сдам славянам».
«Только приличным».
«Не больше трёх человек».
Нужен ужин, вечер нужен, нужен ночлег.

«Толпе не беспокоиться».
Как оно устроится?
На кров и кровать
Нельзя уповать.

Вот мы, толпа во три человека,
Ложнославянск и малоприлич,
В долине мёда и млека,
Где красный растёт кирпич.

Растёт и зреет в землице жирной,
Цветёт шлагбаум, поёт дежурный
И под лужёными небесами
Заборы светятся чудесами —

А там, над травой летая,
Где яблонная пыльца,
Собачка, как запятая,
Прокидывается с крыльца!

† † †

Каждая тварь в нашей округе
— Цветочна, древесна, кустова —
Стоит на ноге, в ледяной подпруге,
И выхода ждёт простова.

Сирень набирается пороху
И крупного синего праха,

И низко проносится — по́ руку —
Дыхание смертного страха.

Ива стоит растопыра,
Разбитая, как корыто:
Раззява и простодыра,
Но крестиками покрыта.

Вся дворовáя ботаника
Числится переселенцем,
Просит нелишнего пряника,
Спит под одним полотенцем.

Воздуха мало-мало,
Синь горяча, как сыпь.
...И как упоительно пахнет бензином, мама!
И как удвоительно пахнет бензином, сын.

✦ ✦ ✦

Ночь обливная —
Свежая отбивная,
Перевернёшь — и зашипит ужом.
Жизнь, какую не знаю,
За каждым запертым гаражом.
Холодно, да и ладно,
Давай считаться: первый-второй —
Я не буду железной дорогой,
Ты виноградником и горой.

Виноградники обмелели,
Палки в небо торчат.
Те леса, что не околели,
Скрывают своих волчат.
Я хотела бы, как хотела:
Раз и два на твоём веку
Применить своё человекотело
К южнонемецкому городку,

Который сверх-человечен —
Гора-голова, и река-рука,
И так тобою засвечен,
Что хватит на все века.

† † †

Что помяни,
Того несть.
Снедь — есть, нефть есть,
Кровельная жесьть есть,
Одичалая с подпалинами облачная шерсть.

Мне сосед сказал по пьянке,
Что в Москве видали танки:
Они старые, усталые, таких уже не носят —
То одышка, то испарина, то ржавчина, то просесть,

Ходят скромные —
Время тёмное.

Под Москвой,
Под землёй Москвы,
Тоже дома, водоёмы, остановочки и рвы.
Там целуются под ёлками
Подземельцы с подземёлками,
Львы подземные
Спят стозевные.

Над метро
Есть ещё метрей —
Много выше и устроено значительно хитрей —
С поездами многоконными, со стеклянными вагонами.
Там душа играет лещиком
И до раннего утра
По составам крутят Лещенко,
Льва меняя на Петра.

Ветры тихие
Липнут к кофточкам,
Но туда не всех пускают, а по карточкам.

Над Москвой,
По-над крышечкой,
Ездит всадник золотой с медной шишечкой,
Тычет копием вслед холопиям,
Конь пугается, фырчит, отодвигается.

Выше плечика,
Дальше плащика —

Небо русское:
Многим узкое.

✦ ✦ ✦

В каждом парчике, на всяком бульварчике
Девки-ласочки катают колясочки,
Ходят пары, выбирают подарочки,
Покупают каолиновые масочки.

А в составе каолина —
Глина, глина, глина, глина,
Клетки тела, вечный хлеб,
Очень общий отчий склеп.

У пруда над лаптопами скайперы
С третьим миром ведут разговорчики.
На Мясницкой по крышам снайперы,
Пляшут пальчики на затворчике.

К ин-агу (агу! агу!) — к ин-аугурации
Шелестят дежурные рации,
Горожане в обнимку с плакатами
Сжимаются стальными пикетами.

Ребёнок плачет, агу, агу,
Светила светят, нутро мурлычет,
Москва стоит, ярославна кычет,
Иду, куплю творогу.

Сегодня больно богатый выбор,
Как будто город доел и вымер.

✦ ✦ ✦

Памятник-помятник, сколько тебе дён?
Только что построен, только возведён.

Под ногою нежное, под другою нужное,
Сто четыре станции в глубину земли —
Брестская-Литовская, Трудовая-Южная,
А одну-последнюю только провели.

Там в футбол играют, скрипочки пилят,
 Радоваться, радоваться
 Всякому велят.

Золотые идолы
 Разные на вид —
 Один евровиден,
 Другой зверовит.

Стены зелёныя, в них тархун-вода,
 Очень популярная в старые года —
 Караси гуляют, блещут газыри,
 Разовые дамочки пускают пузыри.

Лаковая плазма
 Светит до оргазма —
 Ночи напролёт
 Вести выдаёт.

Новости культурные, кулинарные, физкультурные,
 Красные, голубые.
 Выбирай любые.

✦ ✦ ✦

Суббота и воскресенье горят, как звезды.
 Шипит и пенится бузина.
 У железнодорожного переезда
 Общественная стена.
 За нею плит сырые во мгле холсты
 И лунная вишенка
 И мелко-мелко ставимые кресты
 Теснее, чем вышивка.
 Сюда собакам жёлтым легко трусить,
 Старухам чесать песок,
 Огромным женщинам биться и голосить
 И в камень втирать висок.
 Но это дни, одинаковые, как пни,
 Как пара моих колен:
 Одно глазеет на солнце, второе лежит в тени,
 И то, и другое — тлен.
 Но это ночи, когда посреди оград
 Рятует народ крапив
 И ласковый май заходит в свой вертоград,

Слезой его окропив.
А между ночью и днём, рукой и рукой
Тысячесвечный, нечеловечный, вечный
Покой.

✦ ✦ ✦

В небе праздничном, безразличном, фольговом,
В небе жгучем, незапамятном, фольгучем
Видно лестницу, приставленную к тучам,
Сверху донизу исхоженную словом.

И одно семенит,
А другое голосит,
А моё на перекладине качается-висит,

Еле держится,
Скоро сверзится.

Побегут к нему товарищи с расспросами,
Безъязыкими, равно — разноголосыми,
С клёкотом, с крякотом:
Как оно? как там?

А в ответ, как колокол, мычат без языка:
— С пятой перекладины такая ммузыка!

✦ ✦ ✦

Тополиный пух наберёт крыло и давай в зенит,
Нарастит когтей — и карабкаться в вертикаль.
Он ворона вороной, но в ухе его звенит,
Как будильник, обезумевший нахтигаль.

А ещё самолёт-самоед набирает лёт.
Очевидны ему облаков твоих вороха,
Под крылом его — виноградом отвесный лёд
И приморская степь не менее лопуха.

Выбираешь точку — ставь перпендикуляр,
Под высокие вольты, словно монтер, залазь —
Хорошо ли гудит чугуи и сидит школяр,
Пробивается завязь, наживку берёт язь?

Далеко в поднебесье ноге говорит нога:
Послужили с тобой — и отправлены на юга.
А ещё повыше рука говорит руке:
Подержи мои пальцы в своём ледяном мешке.

А над ними, ухо и ухо соединя,
Заслоняет лицо улыбка седьмого дня.

ИНТЕРВЬЮ

Как у вас устроены отношения между «я», «я-автором» и «я-персонажем» (по текстам кажется, что это очень важная тема)? Есть и «Мария Степанова, член сборной России», и прозаик Иван Сидоров, и частное лицо Мария Степанова, чьи биографические, вплоть до топографических, детали жизни играют в текстах очень значительную роль, и куда менее вычлененные, не названные впрямую, но явно различные сущности, чья речь звучит у вас в стихах. Кто они? Как решается вопрос о выборе нарратора, о том, кто из поименованных или непоименованных сущностей будет автором следующего текста, следующей книги?

Спасибо вам за вопросы. Попробую отвечать на них «вообще», так, чтобы ответ исходил не только из той календарной точки, где я сейчас с грехом пополам себя нахожу и которая отличается от прежних родом и видом, так скажем, экзистенциального неуютя. Сразу оговорюсь — ни с чем бытовым/биографическим это дело не связано, боль ведь — подручный способ познания, точный прибор, позволяющий определить, где ты и что ты. Болит — значит, живой; иногда только так себя и можно обнаружить на карте. Так вот, для того, чтобы отвечать не в режиме «де профундис», надо очень постараться перевернуть карту, выйти из собственной системы координат до такой степени, чтобы вместо «себя» описывать сорт бумаги и степень её потёртости. Похожим образом, кажется, у меня устроены отношения с «я» в стихах: все Степановы и Сидоровы, которые там разговаривают, — что-то вроде фигур (фигурок скорее) дистанцирования. Важно здесь то, от чего приходится отстраняться в каждом конкретном случае; и тип письма, и голос рассказчика определяются углом отталкивания, что ли; быть-этим приходится, чтобы не-быть-вот-тем. Иногда (хотя совсем редко, если не ошибаюсь) одной из фигурок приходится притворяться первоисточником, носителем прямого высказывания, как-бы-автором. Случаев настоящей прямизны я за своими текстами знаю совсем немного, два, кажется, или три — и каждый раз это было ответом, быстрой реакцией на внешний источник боли. И, надо сказать, во всех этих случаях я не вполне довольна результатом.

И потом. Ведь стихи — это коробочки (консервы) с общим опытом: бери и ешь. Персональная часть здесь связана скорее с упаковкой: конфигурацией банки, наклейкой, логотипом, манерой составлять слова. То, что в моих книжках *моего*, неразделённого и нераздельного, при чтении со стороны не опознаётся и не имеет отношения ни к биографии, ни к топографии, как слово «эсь?» в одной из сидоровских поэм. Это знание — лишнее,

избыточное; и держатся такие вещи на булавках, которые видны исключительно автору.

В чём-то этот вопрос связан, наверное, с предыдущим: говорилось когда-то, что Мария Степанова с каждой новой книгой являет как бы нового, принципиально отличного от прежней себя, поэта. Так ли вы ощущаете собственную творческую динамику? Действительно ли это развитие так скачкообразно, недискретно, — или для вас, изнутри процесса, ситуация выглядит иначе?

И да, и нет. Я ведь пишу об одном и том же, перед лицом одной неподвижной идеи (перед ним и живу, собственно). Она не меняется от книжки к книжке (я меняюсь, да, во многом благодаря её присутствию), и вся эта динамика так называемая — круги, которые наворачиваются вокруг неотменяемого центра. Подходишь ближе, отходишь дальше, меняешь угол зрения, угол наклона, язык описания, себя-описателя (хрестоматийное рильковское «ты должен изменить свою жизнь»). Это слегка похоже на то, как смотрят картины, — только для точности надо сказать, что картина живая и не стоит на месте.

Другое дело, что те моментальные копии, которые изготавливаются мною с картины для своих, вполне частных нужд, свою функцию слишком быстро исчерпывают, а в ней-то для меня всё дело. Мне трудно, скажем, читать вслух свои старые тексты, именно трудно — это что-то вроде повторного надувания воздушного шара. Это ведь работа по восстановлению логики, весь смысл которой когда-то заключался в наведении моментальных мостов между собой и объектом, в стрельбе по движущейся мишени. Ландшафт изменился, объект вырос, затем съёжился, ушёл под землю, «превратился <...> в слово караганда», как в стихах Зельченко. Чтобы сохранять его в поле зрения, нужно перемещаться с той же скоростью, постоянно выпрыгивать из себя и как можно дальше.

Тема семьи, родства, сродства, поисков близнечной души постоянно присутствует в ваших текстах и интервью, — укорененность в родовом прошлом, создание родового будущего. Существует ли для вас с такой же остротой тема родства в поэзии, тема наследования и продолжения, тема, быть может, поиска близнеца и здесь тоже?

Коротко говоря — нет; и не потому, что родовое родней, а потому, что оно прямой относится к той самой зоне болевого. Те избирательные связи, что предлагает поэзия, дают утешение без сознания вины (кроме вины базовой, не разбирающей лица, перед которой все едины и каждого жалко, — но и она для стихов скорее воздух, чем жало в плоть).

Поясню: так дело обстоит для меня, это моя частная история: я вся повязана-перевязана виной, стыдом, долгом, обязательствами и обязанностями. Это то, что делает меня человеком. Стихи же — то, что на короткий промежуток (вдох, выдох) даёт свободу, открывает форточку, которая и не пытается притвориться выходом, даже аварийным. Такая их природа, такое вещество — нечеловеческое («быстрый холод»). Внутри стихотворения ты можешь сопротивляться холоду, сплясать там, надышать, но отступишь на шаг — лет на 70, — и они уже сияют безличным блеском. Они незтичны, внеэтичны. Ещё и поэтому к ним надо относиться трезво: человеческое в них вписываем только мы. Сама поэзия — это просто дар, неожиданное наследство во всей своей чистоте и незаслуженности. Но я-то животное, ушибленное этикой: пускай стихи для меня территория чистой свободы, я слишком хорошо понимаю, как и чем она ограничена. Это как в семье, как в сказ-

ке: сперва накорми, напои, затопи баньку, уложи спать — а потом уже пой, ласточка, пой. Стихи необязательны, они просто весть о существовании иного. Род, семья, близость — каменоломни, на которых мы работаем всю жизнь (можно любить каждый камень в тачке, можно ненавидеть, но перевернуть её не удастся при всём желании). Моя надежда, моя вина, мои попытки сохранить достоинство впряжены в эту тачку; они её и делают неподъёмной.

Стихи выживают, люди нет. Стихи присутствуют одновременно в настоящем и будущем (опережение — главное свойство стиховой материи), перемещаются гигантскими скачками; люди (по крайней мере до физической смерти) принадлежат прошлому куда больше, чем будущему. Каждый из нас стоит на вершущке пирамиды, на родовом Мамаевом кургане, на чужих плечах и головах («Семейный архив» Бориса Херсонского с предельной наглядностью показывает, как это устроено). Скорость, с которой перемалывается в муку всё, кроме несгораемого, заставляет бунтовать против самой идеи избирательности, качества, деления на важное-неважное, когда речь идёт о памяти. И то, что сопротивление бесполезно, дела не меняет.

Вопросы о «признанности» всегда звучат неловко, и отвечать на них неловко, но очень хочется спросить: вы оказались среди тех единичных авторов, кого признают, публикуют и очень высоко ценят представители самых разных школ и проповедники самых разных поэтических взглядов. У такой ситуации наверняка есть плюсы, но извне кажется, что её минусом непременно оказывается тяжёлый груз ожиданий, очень пристальное внимание ко всему, что вы делаете (неволью опять вспоминается «Мария Степанова, сборная России»). Страшно?

Как-то глупо отрешиваться; нет, не очень страшно, мои большие страхи выстроены по другой, что ли, линии.

На самом-то деле я не стала бы переоценивать ситуацию, которую вы описываете. Все эти школы и взгляды размещены в очень узком пространстве, которое я опознаю как «своё», — но даже там очевидна случайность, частность любого согласия. В сегодняшней литературе сосуществует множество параллельных систем, лестниц без общих площадок (и даже подъезды другие) — и в то, что вокруг того или иного имени возможно какое-то пространство неслучайных совпадений, общего выбора, я не верю, слишком иллюзорна эта общность. Когда именем консенсусного автора (Гандлевского, например), клянутся одновременно X и Y, мы понимаем, что речь идёт о разных Гандлевских — и они, возможно, друг с другом даже не знакомы. Это нормально в ситуации, когда любое высказывание обеспечивается исключительно личным вкусом, — но находить здесь какие-то закономерности, точки общей солидарности довольно рискованно. В отсутствие критического цеха (а критики как института у нас нет) любая топ-десятка или пятёрка — просто парад частных пристрастий, ничем иным и не притворяется.

Есть другие параметры, по которым можно судить о «признанности» того или иного автора, — другое дело, что ко мне они отношения не имеют. Есть, например, консенсус читательский, его демонстрирует (на определённой выборке) рейтинг автора в блогах (и мы видим, что в эту условную топ-десятку попадают фигуры самые разные — и с благодарностью усвоенные «высокой словесностью», и ею заслуженно не замеченные).

Есть ещё второй вариант: вертикальная преемственность, способ думать/гово-

ритель, который можно передать и применить. В актуальной поэзии есть ряд авторов, что называется, системообразующих (скажем, Цветков для одних или Фанайлова — для других), предложивших логику существования в литературе, которая оказывается рабочей, определяющей и для соседей по цеху. Но и это тоже не я: писать «как я», мне кажется, смысла нет: повторяюсь, я решаю частные задачи; это значит, что — в лучшем случае и если повезёт — результат может оказаться кому-то полезным. Но решать по моей схеме другие уравнения вряд ли получится.

В своих текстах вы трепетно внимательны к вопросам пространства, — часто кажется, что оно («город Эм», например) неприятно вам велико и вы пытаетесь расчленить его на меньшие куски (хоть на переулки, лучше — на квартиры, ещё лучше — на комнаты, балконы и подоконники, ещё лучше — сузить до одного кресла) и хоть как-то о-сво-ить, сделать своим — маленьким, безопасным, тесным. И та же аналогия невольно возникает, когда наблюдаешь, как вы работаете с пространством языка, — переиначивая его под себя на уровне слов, синтагм, оборотов, словно пытаетесь сузить этот язык и тем самым обезопасить. Как устроены ваши отношения с языком на самом деле, что даёт эта почти детская в своей смелости потребность его п е р е - с в о я ч и в а т ь ?

Жизнь в предложенном пространстве вроде как подразумевает его переустройство, осознанную или неосознанную работу — то самое пере-своичивание. Всё дело в методике, а она (и в стихах, и рядом со стихами) — дело недобровольное, «не могу иначе», а не «хочу так». Это как у Тредьяковского: «Поступка автора безмерно сходствует с цветом его волос, с движением очес, с обращением языка, с биением сердца». Мне, правда, кажется что в моём случае речь идёт не о сужении пространства, сворачивании его на себя и закукливании в складках, а о выпрямлении, расправлении этих складок по длине, что ли, дыхания. Насколько эта перестройка насильственна — не знаю; в наши дни любая попытка существования в заданной топографии слегка напоминает вселенцев в барских квартирах, воздвижение фанерных перегородок поперёк каминных залов. Или насильственное наведение анфилады в расселённой коммуналке. С другой стороны — наши отношения с языком, с классическим наследием, с новой и неновой историей поневоле окрашены в цвета насилия, это, так сказать, неизбежное обстоятельство места, с которым приходится считаться. Но переустройство старого дома силами новых жильцов неизбежно, просто выглядеть оно может по-разному. Если и после ремонта *жизнь жительствоует* — а это всегда очевидно, — всё хорошо и всё оправдано. Мне, кстати, нравится идея анфилады, разумной последовательности освоенных, приручённых пространств, которая к тому же ведёт *куда-то* или *к чему-то*. Мне кажется, то же и с языком: я его не сужаю, а — расталкиваю, что ли, разнашиваю, как обувь, расширяю, как коридор: под собственные нужды и под свой речевой обиход.

Возвращаясь к теме пространства вообще и «города Эм» в частности: а возможно ли для вас (во внутреннем, персональном смысле) жить не здесь? А если на уровне страны, — не здесь, не в этой стране? Как бы это было? Что бы стало?

«Жить не здесь» сейчас, кажется, пока что не звучит в режиме необратимости, крупного и окончательного выбора. Пока это остаётся проблемой не этической, а быто-

вой, — всё крайне просто. Жить (писать), кажется, я могла бы где угодно (и хотела бы, наверное, в этом «где угодно» пожить) — другое дело, что представить себе это легче, чем осуществить.

Что значит для вас работа с порталом OpenSpace.ru, в какой мере это ваш личный проект? Как главный редактор OpenSpace.ru Мария Степанова взаимодействует с поэтом Марией Степановой, в каких отношениях они состоят?

Понимаю, что этот вопрос вроде как напрашивается; всё, что могу, — коротко сказать о том, как у меня эти вещи уравновешены. Я много лет стараюсь устроить жизнь так, чтобы мои тексты и мой способ добывать свой хлеб не пересекались, оставались несообщающимися сосудами. Для меня это по многим причинам принципиально; вот и сейчас я не хотела бы смешивать два эти ремесла — ни в разговоре о стихах, ни в собственной голове.

Что тяжелее и противнее всего даётся в писании текстов? Что вызывает ощущение (если такое ощущение вообще бывает, конечно): «Да шло бы к чёртовой матери это занятие»? И чем это ощущение компенсируется?

Я очень редко пишу: книгами, раз в полтора-два года, так что тяжесть и противность этого дела, видимо, не успевают дойти до сознания. Есть какой-то набор проблем, связанных скорее со спецификой этого занятия (или с обстоятельствами «здесь и сейчас»), чем с моей персональной практикой. Они понятные; главная — то, что в последние два года состав воздуха, с которым приходится иметь дело, изменился до полной неузнаваемости. С этим, новым, надо как-то по-новому обращаться — и ещё вообще неизвестно, насколько он пригоден для речи. Здесь выстроены в ряд несколько задачек: о социальной функции поэзии, о необходимости/возможности политической ангажированности поэтического текста, о той самой прямоте, которую мы уже поминали лихом в начале разговора, о перспективе (ещё одного, и уже окончательного) выпадения из мирового контекста, в который русские стихи толком не успели впасть. Все задачки нерешённые, и что делать с ними, пока не знаю.

Вопросы задавала Линор Горалик

ОТЗЫВЫ

Фаина Гримберг

Попытаюсь ответить на вопрос попросту, незатейливо. Мне нравятся стихи Марии Степановой, они хорошо написаны. Мне интересно видеть в этих стихах ясное выражение важных свойств личности современной женщины. Самая важная, на мой взгляд, черта — уверенно-скептическое отношение к миру, к жизни окружающей. Это очень мне любопытно, потому что это — выраженное так ясно в стихах Степановой — характерно и для других ярких современных поэтесс; например, для Анастасии Афанасьевой или для Полины Андрукович. Позиция уверенного скептика закономерно привела её на сегодняшний день к созданию очень живого стихотворного цикла, написанного от лица вымышленного мужского персонажа. Мне очень нравится этот цикл. А ещё мне нравится баллада о девушке Маше — невесте Водяного...

Фёдор Сваровский

Особенно важным для меня событием стала публикация «Прозы Ивана Сидорова». Конечно, кто-то может заметить, что этот роман в стихах мне особенно приятен из-за некоторой близости поэтики (раешник, приблизительные рифмы, смена размера). Близость поэтики, эстетики я не отрицаю. Мне близка поэтика «Прозы». Но главное для меня то, что это одно из немногих поэтических произведений последних 50 лет, которое вызвало у меня такие сильные и такие комплексные переживания, когда эмоциональное возникает одновременно с эстетическим. Именно такие системные переживания вызывают у меня желание назвать произведение правдой, той правдой, которую может передавать лишь искусство.

Мне не нравятся рассуждения о поэтической табели о рангах, но не могу удержаться от того, чтобы не назвать Марию Степанову современным классиком. И если бы она написала даже одну лишь «Прозу Ивана Сидорова», думаю, она бы всё равно была бы достойна такого звания.

Анна Глазова

«Проза Ивана Сидорова» — это поэзия Марии Степановой. Её материал — проза в том смысле, в котором говорят о «прозе жизни», те зубные щётки и дырявые носки, ко-

торым, вроде бы, не место в поэзии. Такую прозу имел в виду Вилье де Лиль, когда сказал, что жизнь за нас могли бы прожить слуги. В «Прозе Ивана Сидорова» эту обыденную жизнь живут за нас не слуги и даже не фигуры, а слова: маршрутка, безналичка, девятиэтажка, перцовая. Прозаические вещи приобретают некий магический налёт — намагниченные поэзией, они почти талисманы. На время чтения мы словно оказываемся в перевёрнутой ситуации. Обыденная жизнь существует перед нами на странице, мы словно покинуты вдруг заявившими о своей самостоятельности вещами, как несчастная Федора из самой страшной сказки детства. Прочитав эту «прозу», нужно трудом и потом возвращать себе обыденность, забывать о том, что каждая вещь может быть тотемом. Приходится начинать с пустого места, с простых вещей и слов. Командуешь себе: «носок», «зубная щётка». «Пятно на обоях».

Константин Кравцов

Песни калик переходящих... Строго говоря, так называемая «духовная поэзия» — это именно они, всё прочее — литература. И литература не очень-то заботит Марию Степанову, как не заботит она (литература) калик и юродивых, занятых, собственно, тем же, что вменяется в обязанность духовенству, то есть — «сеющих слово Божие». Сеющих, само собой, совершенно иным способом — возможно, и не зная о том, что они сеют именно его, что их слово — Его слово. Больше всего это похоже на детскую игру, при которой обыгрывается всё, что услышано и увидено. Например, слышит калика, стоя в церкви, Евангелие или слышит, как поют на Пасху «придите, пиво пием новое», и, выходя, не может удержаться, чтобы не пропеть про это пиво на свой лад:

Вычерпать свою голову
Ложкой столовска олова,

Чтобы в неё налили нового пива
И доливали снова после отстоя,
Чтобы она, словно та олива,
Не зимовала сизою и пустою.

Та же проповедь, но насколько живей, насколько веселей той, которой обучают на уроках гомилетики! Разница здесь в том, что такие стихи говорят о христианстве как о «веселии неисчерпаемом», что с апостольских времён как-то прочно подзабылось и о чём напомнить, может быть, важнее, чем призывать в стотысячный раз к «плачу о грехах» (который и сам оказывается грехом, если он — не слёзы благодарной радости о прощении).

Или притча о блудном сыне, то есть о колобке, с которым говорит его собственное тело — говорит словами Отца:

Мне пора, я домой
Со страны далече,
Если, тело, ты слегка поослабишь плечи.

Тело же в ответ: милый сын,
Как тогда, всегда: ай лав ю.
Вот тебе нетленной красы
Перстень дедовский —
На руку мою.

А, собственно, почему бы телу и не говорить от имени Отца, его давшего? Акцент на кровном, плотском родстве только подчёркивает родство иного порядка. Так художественный текст оказывается богословским, что и естественно в случае Степановой — поэта, при всей головокружительной яркости и пестроте, фантастической щедрости поэтики на редкость глубокого и трезвого. Вот пример такой трезвости — по уже упомянутому отношению к литературе, которая занимает в иерархии ценностей Степановой (иерархии вполне ортодоксальной, к слову сказать) далеко не первое место: «Мне самой интересны (насущны) разве что спасение души да деторождение. И первое, и второе имеет дело с реальными возможностями, главное — возможностью *выхода*. Один выход расположен по горизонтали, второй по вертикали; можно, впрочем, надеяться на оба. Но литературе (как и современному искусству вместе с несовременным; как и другим разновидностям досуга) сойти за выход уже не удастся; она и не пытается, хорошо понимая, что вся, от первой до последней буквы, пишется на стенках камеры. И мы об этом вроде как догадываемся. Но читать/писать не перестаём» («Литература не должна интересоваться» — интервью, «Критическая масса», 2005, №3-4). Подход прямо противоположный «романтическому» (модернистскому). Но в этом случае возникает вопрос об онтологической ценности литературы (разумеется, «написанной без разрешения», с «разрешённой» давно всё ясно): зачем она нужна, зачем мы читаем/пишем, полагая главным спасение души? Только ли забавы для и только ли это наше «частное дело»? Думается, что, сознаём мы это или нет, мы занимаемся всей этой ерундой потому, что строки на стене камеры самим фактом своего существования заставляют забыть о камере и свидетельствуют о свободе (или, говоря словами Степановой, *выходе*), не будь которого — не было бы и строк. Заставляют не только пишущего, но и читающего. Иными словами, благовествуют. И, пожалуй, куда лучшим, куда более действенным образом, чем проповеди «профессионалов», будь то с амвона, будь то в богословских сочинениях, на уроках основ православной культуры или посредством нормативной для церковных издательств книжной продукции. В сущности, случай Марии Степановой подтверждает, что — да, поэт в России таки больше чем поэт: он — юродивый, калика переходный, чьи песни интересней литературы. В том числе — «церковной». Душеспасительней. По моему скромному мнению.

Геннадий Каневский

Мне кажется, что в степановских текстах как ни у одного из современных авторов, молодых и не очень молодых, очень чётко даётся ощущение тончайшей плёнки, отделяющей наш упорядоченный и структурированный мир от тотального хаоса и ужаса. Царапнешь эту плёнку, случайно проделаешь тонкое отверстие — и вот хаос и ужас рядом с тобой. В тот момент, когда ты и не предполагал. Будучи настоящим мастером, Степанова заставляет работать на это ощущение буквально всё. Поэтому баллады её — только от-

части баллады, «сапфические» тексты из сборника «Счастье» — только отчасти сапфические, фольклорные мотивы — не совсем фольклорные. Сперва можно подумать, что всё это — литературная игра, но всё очень серьёзно. И странным образом именно они, эти же тексты, и формируют эту самую плёнку, работают на её прочность. У Степановой много как горячих поклонников, так и непримиримых оппонентов. Мне кажется, что последние как раз и боятся этого хаоса, не ощущая, как сами стихи Марии выстраивают защиту.

И ещё. «Проза Ивана Сидорова» вызвала множество заслуженных похвал. Но тот, кто не слышал, как сама Мария читает этот текст, красивый, сложный, очень мощный, тот не получил от него полного впечатления. Мне — посчастливилось.

Павел Гольдин

Для Марии Степановой, как мне представляется, стихи — это инструмент познания окружающей среды, отчетливо осознаваемый в этом качестве. Главным объектом познания при этом служит жизнь как явление природы — и, соответственно, исследованию в первую очередь подлежат пределы жизни — рождение, смерть, жизнь после смерти, смерть при жизни (включая безумие), жизнь вечная и т.д. — ситуации, в которых жизнь сталкивается с не-жизнью. Именно этот подход (писательство как исследование, как решение задачи) и этот объект (жизнь и её границы) — общий элемент, объединяющий баллады «Песен северных южан», длинные стихотворения «Рыба», «Гостья», «Сын», стихи из книги «Физиология и малая история» (название которой впрямую отсылает к соответствующим дисциплинам!), стихи «О» и, наконец, две поэмы, названные автором «прозами», — то есть все или большую часть длинных стихотворений Степановой. То есть, я полагаю, для неё письмо определённно имеет некую скрываемую от читателя цель, и эта цель последовательно реализуется посредством поэтапного решения неких стратегических задач. Возможно, рано или поздно мы увидим, как книги Марии сходятся в одну гигантскую «человеческую комедию» в стихах.

В ходе решения этих стратегических задач автор решает и тактические — формальные — задачи. Разнообразие этих задач велико и может быть предметом долгого разговора. Особого упоминания стоит попытка написать авантюрный роман в стихах («Проза Ивана Сидорова»). Получился не роман, а повесть, но тем интереснее — в конце концов, роман в стихах у нас уже есть.

Обычно идеи такого рода остаются нереализованными, поскольку приходят в голову не тем людям. Однако иногда... — собственно, современниками этого «иногда» мы и имеем счастье быть.

Да, оставляя в стороне исторические аналогии, отмечу, что, на мой взгляд, наличие Марии Степановой ненавязчиво напоминает публике, что великие поэты по-прежнему существуют — по крайней мере, наряду с русалками, зомби и Мэрилин Монро.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Олег Петров

ОХРАННАЯ ТЯЖЕСТЬ

NOTHINGALE

И собачка и кошка говорят: уйди,
воздух в осадок хлопьями на земли,
стволы тополей и осиновый кол в пыли,
и счастье ходить копытами по грибы.

И чашка, и мышка, и сам паровоз-государь,
вези меня и тебя в золотой сарай,
откуда глаза баба в своём лице
и тварь неживая себя же снесла в яйцо,
а в небе небесном звёздочка чинит рай.

Нога, ступая по мёртвым хлопьям дышать,
пока другие обдумывают предмет,
ища себе тело, чтоб на лету держать,
что белый свет как твоя молодая стать
в японской яме, откуда прими привет
с сиротской ёлкой и бабочкой во цвету.
Самокрылатый ястреб, летя в нетя,
тебя, дитя, утешает размахом тоски,
утопленник машет собой из щедрот реки,
с тобою как с омулем из головы шутя,
с тобой, о которой врут, что даёт на бис.

Всё, что ты видишь, видит тебя вдвойне.

И мишка, и чушка, и все приводные ремни,
и я безударной гласной пошёл пройтись,
я вышел, повсюду вишня цвела в отброс,
под вишнями, где клешнёю меня помани,
в азотнокислый сюрприз зарой с головой,
зане это правое дело и не вопрос.

Чёткие волны парков. Такси, урча.
Чёткость, раздаренная как с чужого плеча.

Ты вышла из-под асфальта кривой травой,
когда заря всходила, как пулемёт,
чуя карманы, полные ничевой,
чтоб в Воркуте пейзаж угробил лимит
вышки над головой в разгар посевной, —
вот тебе, девушка, всуе простой ламент,
праздничный обморок и межпланетный отбой.

Долгое время нам кажет себя с лихвой,
долгое время об нас разбивает льды,
тужит во льдах, как белая вещь на пруду
среди узкоглазых сосен — приди, приди! —
к тебе, о которой письменно и в бреду:

всё, что ты слышишь, слышит тебя насквозь.

Вот лайнер американский, а вот и я,
вот бурый медведь с нагайкой, а ты легка,
когда в дренажный отсек уплывает ночь
для синего моря и храброго челнока.
И месяц над нею светится полынья,
и стража от первых дней погибает зря
в блестящей кабинке, из коей выносят прочь
и жалко приставить как гвоздь во упор виска.

А там посему и движется круг небес,
что в чёрной пластине сыграет твой перестук
с другими, нездешней силой, подземный друг,
объятами, как партизаном помятый лес,
и, если хочешь, бери, как оно и есть —
с дурой-лошадкой, задравшей крашенный круп,
с пеной усталости у ядовитых губ
заводного солдата, пока, отверзая есмь,
он улыбает рот, отъинуды песнь.

ПАРИЖСКИЙ СПЛИН

Гренадёр шевелит костяной ногой
под арабской весёлой луной,
в то же время в фонтане сидит другой,
но его сейчас увезут.

Гренадёр достаёт из кармана вот,
на котором роскошный бант,
но в него уже целится третий, тот,
кто расплавлен в речной воде.

Кто конкретно расплавлен в воде ручной?
Это знает рыбак чумной.
Это в лунном луче лучевая кость
пробивает тебя насквозь.

Не затем ли вставала с пустой свечой
и ждала огня от него,
что четвёртый никто во грехе течёт
под весёлым мостом Мирабо?

✚ ✚ ✚

Гляди на лес сирен, протяжным строем
бредущих как под створкой пулемёта
среди сквозных овчарок, меж пробоин,
отвоевавших чёрный полдень лета.
Клавиатура сохранила пальцы,
чтобы ощупать свежий пот на скулах
в тот час, когда лишь дымчатое сердце
тебя горой накрыло и уснуло.

Гляди, как хвойный лес сирен вчерашних
стоит плечо к плечу в гептильной луже
и раздаёт пинки дурак раёшный
на ядовитых пашнях оружейных;
чуть рыжей рыбой слух таранит берег,
как всё, что ей в добычу достаётся, —
нечистый голос и паденье денег
со скрежетом на чеках иностранца.

Сирен бескостных лес, дрова, бумага,
исчерпанная, смолотая в сечку,
когда лилась из-под ногтей отвага
и упускать людей вошло в привычку, —
одна из них не лучше, чем другая,
и бьёт хвостом, вытягивая губы,
с продажной силою оберегая
труд монитора и ночные трубы.

Искусственные, родовые твари
за ней не признавали поколенья,
пока стояла в солнечном ударе,
тяжёлая, узнавшая давление
толщ именных — любого поимённо,
кто выводил её с экранной пены
на проливные пажити и склоны,
и полдень падал с тяжестью охранной.

Николай Звягинцев**КОРАБЛИ И КАПУСТА**

1.

Слезая с мотоцикла, она говорила,
Что это самый лучший в мире ожог.
Но вот уже рука легла на перила,
Вот яблоко спешит за фруктовым ножом.

Вот книжечка про то, как успеть удивиться,
Как сверху аварийный спешит комиссар,
А снизу наблюдает смешная девица,
Поймавшая созвездье своего колеса.

Там будет отражение дома и леса,
Сбывающийся запах, бумажный почти,
А может, это кошка на горячем железе,
Бегущие по зеркалу шальные зрачки.

Когда ещё душа сидит одесную,
Когда уже цепляет крючок за губу,
Проплыли корабли в своё накануне,
У всех незагорелый парус на лбу.

2.

Тебя забыли в песке на пляже.
Твои три звёздочки на фюзеляже.
Глаза закроешь, когда стрелять.

Хозяин твой с нестриженной чёлкой
Ещё ни разу тебя не щёлкал.
Тебя не пустят в ручную кладь.

Ты дуешь на молоко и воду,
Ждёшь телеграфного перевода,
Ловишь воду наискосок.

Сестра, ты крашенная блондинка,
Тебя подденут носком ботинка,
И будет мелкий такой песок,

Подобие мелового круга,
Где можно было касаться друг друга,
Прогуливаться на одном поводке.

А тот, которого и в помине, —
Легко ли ему носить алюминий,
Бояться полки на потолке.

3.

Он плыл за кошкным письмом,
Лаская девочкин живот.
Надежда с пальцами в замок,
Наверно, за морем живёт.

А к ней спешат из-за кулис,
Несут случайную лапшу —
На каждом пальце корабли,
На каждой нитке парашют.

Скользит по лестнице Дега,
В метро спускается Бальзак.
Ты видишь ниже сапога
Здравших голову пейзаж?

Давай вперёд и наугад,
Сквозь весь её курящий зал.

Вот будет небо по ногам,
Вот будет небо по глазам.

Светлана Иванова

ТИХАЯ КНИГА

† † †

Пять месяцев спустя
семь градусов тепла,
волшебная гора
запретного родства
со всей листвою земли,
пускающей в плач.

Большие корабли
во тьме живой воды
идут, куда глаза,
несут свои дары
дарёному коню,
небесному огню,
сквозь светлые двory
несут свои дары.

† † †

Это был на редкость нелепый шаг,
затяжной прыжок,
бездной отзывающийся в ушах
жадной крови ток.
Это были красные облака,
голубой декабрь глазного белка,
то, что каждый охотник желал бы знать,
да нельзя никак.
По ту сторону принципа пустоты,
по другую — тьмы, —
никому не дающиеся взаймы

буквы тишины.
Это было слово, что не уловить,
не поймать, как ртуть,
а тому, кто предполагает жить, —
навсегда забудь.

✦ ✦ ✦

Всё сущее в мире
пора поместить
в книгу, тюрьму, чемодан.
Но такой, как я видела смерть,
я её никому не отдам.
Едва ли кто-то другой
пристальнее смотрел —

ангела ли профиль во тьме мелькнёт,
бликом листвы слепя,
быстрой плывя рекой,

дерево ли говорит:
— Подожди, не горит,
книгу ещё не всю
съел Иоанн Богослов,
око его на весу,
как птица в певчем лесу... —

тихую книгу для
твоего мартабря,
розового мая
курочка хромая.

✦ ✦ ✦

Деревьев хит-парад
поёт
о временах простых и грубых,
где, как позднее лето, темны,
мы зелёное тратили, пили цветное —
золотое, простое —
всё подряд.

Сквозь сон, по красному метро,
с его подземными садами,

с Семирамидою во льду —
куда глаза идти ко дну
уснувшему к утру.

Бог, конвертирующий всё,
здесь рассыпает по-любому
монетки, сорное стекло,
ключи от брошенного дома.
Зачем их блеск меня тревожит?
Кого собою назову,
среди загазованных жасминов
в распахнутую полночь сгинув?

Кого увижу наяву
там, за цыганским краем сна,
где горяча, как одеяло,
тьма тьмущая,
 что всех спасала,
но ни сердечка ни спасла?

ПАМЯТИ М. Л.

В переулках, перекрашенных
из коробки карандашной
это месиво ли, крошево,
шевелиющееся заживо
праздником позавчерашним
по бульварам, кипящим листвою
над рекой Трубой,
чтобы с ямой воздушной играл в дурака
человек из песка.

И мелькают, рябя, как на шосткинской плёнке,
Сретенки тени, извивы Таганки,
и клокочет, и хочет на свет
раскалённое вырваться слово
на закатном крыльце золотом,
на балу крысолова.

✦ ✦ ✦

Как соловей на своих фортепьянах
скользким фальцетом, медовым фонтаном
горло полощет,

подкидываем льнёт,
тянет-потянет,
поймает, поймёт
лиственной гущи тенистое море —
карее, сумеречное, золотое...

Тереби, береги,
по складам прочти,
это вечнозелёное, розовое почти
пронзи сквозняком,
трамвайным звонком,
быстрым облаком,
прорастающим в горле цветком,
голубизною простуженных глаз...

Кто ты такой, чтобы себе не лгать?

✚ ✚ ✚

Музыки —
зыккой, зыбовской —
позывные, позвонки,
пасмурные бочки,
коробочки, сундуки
на расстоянии вытянутой руки,
нашей реки.

Здесь возможно падение
льда и снега,
возможно цветение,
тьень сирени,
возможно упасть на колени
с разбега...
Спи, спи,
жизнь свою заново перелепи.

✚ ✚ ✚

Эта весна затем,
чтобы по ней скучать,
чтобы любить, обнять,
чтобы разбить и склеить,
чтобы мучиться, но мерить —
то мало, то велико... —

чтобы всюду понадкусано,
чтобы закатилась бусина,
и её никто и никогда,
ни одна душа на свете —
словно летняя вода,
словно пуля в пистолете.

✦ ✦ ✦

Зритель зрелищ
сумеречных, нежных,
я в себе не утаю
лугов потешных,
небес кромешных
у бездны на краю.

Уснуть тебя внутри —
вынь, посмотри.

ПЕТЕРБУРГ

Бог проходит по солнечной стороне,
опасной вдвойне,
сквозь военные растения,
сквозь тени
ромашки, и чертополоха,
и дикого клевера
у гранитной воды,
до самой последней черты,
до не востребованной тайны,
где смерти ждут носатые кариатиды,
но не слышны их горькие тирады,
где в детство впадает Обводный канал
и падает сердце, как с парты пенал.

✦ ✦ ✦

Весь этот пух,
этот прах,
этот, на руку легóк,
нежный дурак...
Твои катера и яхты,
твои адреса, явки,

бухты твои, барахты,
облака из-за Охты
зыбкой бабочки слюной
склею за твоей спиной.

Бабочка, вывернутая наизнанку,
уходящая в несознанку, —
эту солнечную ранку
залечи сама собой.

Лети, лети лепестком,
ракиновым кустом,
грохочущим мостом,
швами наружу.
Кому сказатёнки —
тёмные ступеньки
всё ближе, ближе.

† † †

В пятнах теней стена, что твой Головин, что твой
Сомов.

Глаза закрой —
монетку, потерянную вчера,
отыщешь позавчера.
Уксусом
подворотни дыхнёт дыра,
мускусом
подмышечных впадин...

Киферея, увы,
разлюбил я голос, улыбку,
кожи узор,
дрожи небесной скрипку,
даже нежного уха улитку, —
словно бы стал бесплотен.
Словно бы чистотел
я в траве отыскал —
неуязвим, пустотел,
божьей дудочкой стал —

в анатомическом театре на островах,
на роковых на невских рукавах,
где так долго мы падали вниз головой —
ты — жарким жаворонком,
я — бессонной совой.

Мария Галина

НЕУЗНАННАЯ ЗВЕЗДА

ИЗ ТЕННИСОНА

Вот кракен прячется в бездне вод,
он светится бледным светом — и ждёт,
когда океан вскипит
*(а кто наверх его призовет,
Тот выше царей сидит)*

Тогда он, страшный, всплывёт со дна
и будет плясать в багряных волнах,
при свете багряных звезд
*(торпедоносцы уходят на
норд-норд-вест)*

Он есть последний в своём роду,
он ест беспомощную еду,
и руки его белы
*(и он увидит Польшу-Звезду
среди пламени и золы)*

Он будет дрыхнуть в своём гробу,
покуда не изотрут резьбу
машины небесных сфер...
*(вот, поднимает к губам трубу
гипсовый пионер)*

✦ ✦ ✦

Что-то мы никак не можем добраться до моря,
Куда ни едем — кругом равнины и горы,
Какие-то срединные земли,
Небо заворачивается, как свиток,

Синяя туча навалилась тяжёлым брюхом,
На полях жгут костры, закат огромен...
По этим полям ходят чужие люди,
Неуклюжие большеголовые великаны,
Ноги у них, точно стволы деревьев,
В бурой коросте.
Стопы их попирают мокрую землю,
Между пальцами жирная грязь проступает,
Мы не сойдём здесь — это чужие люди,
Они даже здасьте сказать по-нашему не умеют.
Всё едем и едем, уже совсем стемнело,
За чёрным окном ничего — лишь наши лица
В сыром воздухе подпрыгивают и трясутся,
Сейчас придёт проводница, предложит чаю...
Море где-то за ближайшим поворотом,
За следующим переулком, за тем угловым домом,
Но с утра за окном большеголовые великаны
Ходят и тычут в стекло курицей и огурцами...
Наверное, мы проехали его, когда спали,
Наверное, мы проехали всё, когда спали...

✚ ✚ ✚

Кто рыщет в ночи по садам,
как будто какой-то Саддам,
кто прячется здесь под мостом
как будто бы Гитлер с хвостом,
кто в окна ночные стучит,
кто ухает страшно из тьмы,
кто страшной ногою сучит?
Но не испугаемся мы.
Вот Фёдор стоит с топором,
вот Коля сидит за столом,
и баба идёт по двору,
похожая на кенгуру.

✚ ✚ ✚

Вечереет, горят на полях огни,
На охоту летит сова,
Человечек зелёный стоит в тени,
Светится бледная голова,
Он свалился с неба и жив едва,
Ничего не понятно, куда ни ткни.

Отчего был день, а потом потух,
Отчего кричит на дворе петух,
Что за баба в резиновых сапогах
Через двор шагает на двух ногах,
Кто сидит в тепле, кто не спит в дупле,
Что тут делается на земле.

Он в зелёных ручках несёт дары,
Он летел мимо самой чёрной дыры,
Он прошёл сквозь огонь и мрак,
На соседнем подворье жиреет хряк,
Чей-то тельник светится, будто флаг,
Дядя Петя упал в овраг.

Что-то там сокрыто в его ларце,
Бледный свет лежит на его лице,
Третий глаз под его челом,
Подступают сумерки, как вода,
И никем не узнанная звезда
Загорается над селом.

Аркадий Штыпель

ОПТИКА ОБЛАКА

† † †

купы вётел

вечер светел
да невесел

каплет с вёсел

циркуль капель

озеро
розово
на нём позолотка

скользи-скользи лодка!

песка
зерно
слегка
черно

† † †

а вот и мы
едим синие груши
холодные синие груши
на холсте художника
после дождика

где радуга в левом углу
со стороны зрителя

† † †

размытая оптика облака

запах
воды
дыма

масляная живопись заката
краплак
кадмий

плоские камни
низкого берега
по
которым
вы-
шагивает
оловянная ворона

ко-
рона
бурь-
яна
ли-
лова

† † †

вот он вот он человек
рожица премилая

ручки
ножки
огуречик

имя отчество
фамилия

беден беден небогат
глядит в оба
но не увидит
другой земли и другого неба

лишь пароходик на реке
вдалеке
ту-у-у
ту-у-у
кто на-а-а
мосту-у-у

Андрей Черкасов

ПРЯМОХОЖДЕНИЕ

ЗАПОМНИЛИ ГОД

когда возвращались пешком домой
через городской сад
с некоторым трудом

голуби сами затыгивались за спиной

настоящие мужчины
говорили в караоке
свои спрятанные имена

ПРЯМОХОЖДЕНИЕ

*бумага подряд
главная улица
на сгибе:*

правильно выбранный
глагол говорения
как спасательная служба
как вертолёт с волшебником внутри

—

не относится

люби меня
если я двигаюсь
не в ту сторону

люби меня
в роуминге
за небольшие деньги

—

не относится

*подо мной
переворачивает дорогу
пока я несу
пломбир*

(или в песне
было другое
мороженое?)

или давай выбирать
наклонение и лицо?)

—

**не соотносится
не со о**

РАСХОДИТСЯ

в любое утро за окном
ландшафтное дитя
 ландшафтное дети — будем говорить зрение

моё объяснение — оборотень длиной
горизонт засмеётся — только моргни
книжки можно читать только в душе вслух
от пристального царапины на ладонях

вечером проверяем:
на детской площадке — полые железные трубки
 на ландшафтной площадке — фьорды фьорды
холмы холмы

ДАЛЬ

живые составители словарей
боятся открывать рот
боятся играть в слова
у каждого пластиковая литера в рукаве
молчание за щекой
смутная догадка о том
что в слове «rechargeable»
корень «речь»
а в стенных розетках зима
служит помощником прокурора

в звании чапаева
в области ульянова
+ бесформенный конь сколько хватает глаз

ср. вор. кур.

ляшина, ляда, лядина

пустошь, заросль, покинутая и заросшая лесом земля

ненужное спрятать
нужное подчеркнуть

Петя Птах

СТРАШНОЕ РОЖДАЕТСЯ БЕЗМЯТЕЖНЫМ

ЭЛЕГИЯ

М.

...пока строка себе не скажет «стоп!»

о, как ложатся тени на экран!

о, как дрожат икринки на стекле!

о, как томится жалобная ртуть!

благословен светящийся планктон

в конце концов — родник или фонтан?

иронизирует, бросается, цветёт

о, как бурлит и пенится фонтан!

я за́ ухом ношу твой мокрый шёпот

что в новолунья обращается совой

как жемчуг в жемчуг обращает белый пепел

как небо в небо целится мечетью

как серебро стирают в порошок

твои слова — разносчики болезней

повадки игуан — культурный шок

вот головастики — из их полуголов
родятся не лягушки и не жабы,
а демоны — крикливою ордой
они из илистого омута взлетают
торпедами на гору Абу-Тор
дразнить, бесясь, на близком небе звёзды

мы огорчаемся — неистовые силы!
а их уже давно и след простыл...

моллюск неповоротлив и ребрист

зато легки и трепетны глисты

а вот улитки — я зову их «дети»

(не говори — пророчество сбылось)

о, как загадочно и тихо! как в лесу

повсюду солнце, а в аквариуме ночь

о, как светло пылает птичий корм!

о, как вибрирует под нами вечный ямб!

что нам ещё готовит этот вечер?

я в зоомагазине, но не весь

природа мне мила, но не любая

нарядный мезозой — вот это да!

слюна-строительница ото рта к фонтану
и сразу вспять по лезвию ножа

усов истоки — волосы в носу

как изощрён, как смел, как эlegantен!

свирепствует меркурий-ретроград

слизь аксолотля будто на востоке

на касе и на аистах роса

я убеждён — чудесное бессвязно
блажены двое, оборотень прав —

естествознание, алхимия-мегера —

о, ветреные перлы волдырей!

о, карамель миниатюрных штолен!

спасение неистово, чрезмерно —
чем заслужить его и как его осилить?

кто разоренью своему равновелик?

лишай облизывает розовый бетон

мускулатурой хвастается кремний

у мрамора до жопы жил и жён

гранит впустую не растрчивает время

чудесный факт — война бодрит хрусталь
в его и так вполне ритмичном росте
(везёт же хрусталу — сейчас как раз война!)

янтарь лелеет пленное дыханье

тяжёлый мёд вобрал тигровый глаз
и грозный блик на дне его мерцает

нефрит и сера, соль и бирюза

все тайники лабораторных недр
их дупла-инкубаторы и копи
азартно соревнуясь в древних рóдах

тебе выращивают камень для кольца

и всё хотят предупредить мой выбор

как будто веря что приняв моё кольцо
ты воссияешь надо мною и над ними
светилом тройственным, свою простёрши негу

над новым, просветлённым языком
и над преображённой природой,
впервые вдруг созревшей для любви

(я, если честно, тоже в это верил)

об пол с досадою и в печь — отвержен дар

дурной сюрприз, непопадание в звоночек

нам это зло диктует календарь

его закон вдевает звёзды в даты

и вот не развязать его узла

тритон заглатывает горькую червягу

закладывает уши, гибнет грязь

и минералы покидают кинозал

и червоточина командует из центра

аквариум, творение, кошмар!

я, разумеется, бегу к своим стихам
искать подмоги — заклинания, рецепта
куда там! лучшие из них обречены —
их свитки словно пыльные тюлени
неповоротливы в своём свеченье сытом,
слова торчат в своей судьбе застряв
своим былым парализованы значеньем —

ни зачеркнуть, ни перепосвятить...

зачем твой нежный корень заколдован?

так грустно, что сейчас меня стошнит

и фактам-чудесам ужасно грустно

самим метаморфозам неприятно

(хотя по книге им должно быть всё приятно)

со всех сторон один последний опыт
мир опозоренный обманом божества
где вера в верующем проедает дыры
где мессианский корень заколдован
где миг спасения был у меня отобран
где сформулировав кощунственный подлог
ты с детским вызовом стоишь передо мною
красивая, в футболке цвета губ
дабы через мгновение исчезнуть
во тьме вещей за хлопнувшей дверью.
ад опыта, а ты ему не верь

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПЕСНЯ

всё время встаёт вопрос —
почему ты ослеп?
горло, скажи нам правду —
зачем ты поёшь?
почему ты ослеп,
повторяю,
откуда пришёл?

нам интересно —
скажи нам скорее:
о чём идёт речь
в твоей песне,
чем была твоя песня,
когда мы спали
(рифмы нас охраняли,
как добрые звери,
звуки сладко кружили —
волшебные птицы)
скажи наконец-то честно,
откуда ты взялся?

горло, поведай нам правду —
давно ли незряче,
давно ли даришь по сёлам
последние вещи?
мы у тебя в мешке,
расскажи нам всё о себе,
но только иди осторожно
пожалуйста,
не урони нас в реку

† † †

страшное рождается безмятежным
ранняя осень
тут меня вносят
ты подбегаешь и шепчешь
мой милый, мой нежный
теперь я сделаю всё, что только попросишь

я сделаю всё, о чём ты всегда мечтал
обернись волчицей,
директором банка, тремя голубыми
я и не знаю с чего начать
я вся тебе в дар
возьми к себе хоть на час
хоть разок назови каким-нибудь новым именем

не говори, что не время тискаться
если чума просвещает толпы,
торжественно крутит дули....
а я вот уже пред тобою —
беспальный, бесполоый
отвечаю плохими стихами из чёрной люльки:

твой позор — моя справедливость
но твоё тело ещё моя вера
ты никогда не увидишь меня счастливым
не назовёшь своим первым

чёрными гроздьями вызрело поздним летом
право на дар и парад твоего позора
ты никогда не узнаешь, зачем мне таблетки
но выйдешь за ними в ночь и вернёшься скоро

страшное рождается вот уже
повстречай-ка его вне меня, без меня
забери у кормилицы на вокзале
утешь погремушкой и сразу кидай под колёса

пусть чума остаётся для нас безымянной
пусть у чумы отныне не будет няни
пусть это страшное безмятежно
уходит от нас неназванным
а потом возвращается только ещё один раз
только поздравить нас с праздником

Георгий Геннис

УСКОРИТЕЛЬ БРАТСТВА

СУПЕРПАСТ

По дороге домой я зашёл в *Суперпаст*
В светлом
со стеклянным куполом
зале
как обычно толпились люди
Они разглядывали выставленные образцы прошлого

В одном из отсеков я заметил сидевшего на стуле
умершего отца
Он был бескровно бледным
таким каким я видел его в день смерти
Только пахло от него шампунем и свежестью
Я постоял посмотрел
стараясь лучше его запомнить
за отдельную плату снял на видео

Отец раз от раза менялся
Месяц назад в *Суперпасте*
его показывали в пижаме
небритым
с всклокоченными волосами
У меня даже был неприятный разговор с администрацией:
посетители ведь могли подумать
что за моим отцом при жизни не было должного ухода

А год назад его выставили на кровати
Он лежал в пижаме
и тихо дышал во сне
вытянув руки вдоль туловища
Где-то журчала вода
пробежали тени от облаков

шумели деревья
Птицы
кормились у тела отца
раскрывшего пригоршни зёрен

✦ ✦ ✦

И воскресли однажды все когда-либо жившие
и стали они воевать с тогдашними жильцами
за место под солнцем
за крышу над головой
за соль
за спички
за нефть

И в этой великой битве воскресших
и единосмертных
победили воскресшие
И стали они сбрасывать побеждённых
в оголодавшие глотки раскрытых могил
и насытили их

И установили тогда бессмертие
для себя и своих близких
ибо не для того были призваны
чтобы пройдя сквозь горнило
умереть заново
будто какие лузеры

УСКОРИТЕЛЬ БРАТСТВА

Им предложили залезть в железные изогнутые трубы
и улечься на спину
друг за другом
вереницей
так чтобы ноги каждого следующего упирались в плечи предыдущего

Люди были хорошо одетые
разговорчивые
Они радовались возможности участвовать в научном эксперименте
и оживлённо гудели

Когда приглашённые устроились поудобнее
и затихли в ожидании будущего

трубы опустили в траншею
соединили в кольцо
приварив стыки
потом засыпали землёй

Все наконец расслабились в подземном мраке
но скоро почувствовали как их тела наливаются тяжестью
разгоняются
несутся куда-то сквозь мглу
хотя вроде бы и остаются на месте
Их обдавало вихрем скорости
какими-то брызгами
пылью
крупинками мусора
Ускоритель набирал всё более головокружительные обороты
пока подопытные не стали ощущать себя единым телом замысла
веселящим душу братством

Только Кроткер барахтался
сопротивляясь натиску сплочения
и в отчаянии пинал ногами чью-то голову
обожжённую пылом знойного ветра

ЯРОСТЬ СОЛНЦА

Кроткер лежал в ручье
опьянённый запахом
лесной сырости
Ручей обнимал голову
струился вдоль туловища
пенился на кончиках ступней
Голое тело Кроткера щекотали водоросли
Было весело и легко
покачиваться на спине

Ручей увлекал за собой беглые листья
тени облаков
прохладу наступающей осени
Только Кроткер оставался на месте
предусмотрительно привязанный Борхом
к ветвям склонённой ивы

К вечеру мимо пронеслась Клюффа
сопровождаемая россыпью случайного мусора
и нервных водомеров

Кроткеру показалось что в её глазах
блеснула ярость
умирающего солнца
Он проводил жену взглядом
и когда она скрылась за поворотом
ощутил на губах
внезапные слёзы
жалости

ЛИБИДОМОБИЛЬ

Кроткер бежал вниз по шоссе
подгоняемый ветром
и лихорадочным ощущением погони
Его уже настигал *либидомобиль*
с широким раструбом на капоте
напоминающим граммофон
Оттуда доносились сладострастные стоны
и всхлипы

Либидомобиль ударил Кроткера в спину
Он покатился по асфальту как выпавший из кузова свёрток
Машина пронеслась над ним
вихрем скорости овеяв голову
Рёв бушующего внутри салона секса
на мгновение придавил тело Кроткера к земле
затем наступило блаженство бессилия

Волна сладкого ужаса затихала вдали
глухими толчками соитий

АЗБУКА

Времени кровеносный убыток
она исторгла из устья
Срамные губы возлюбленной
сраму не имут
подумалось Кроткеру

Анечка Клеть поднатужась
вытолкнула чёрные буквы
Он разложил их на простыне
и стал наблюдать
когда сложится смысл

П Е Р Е В Е С Т И Д Ы Х А Н И Е

Проза на грани стиха

Николай Байтов

КУСОК ОРБИТЫ

с 17 января (больше полугода)

(1)

Во вторник второго августа назовём вещи своими именами. Нет смысла тебя грузить. Назовём их твоими именами. У тебя их много? По меньшей мере страница крупным шрифтом. Нравится «Вавила Текст» и «Валетка Вист». И ещё Витта Свекла́. Назови меня стрекоза. Этот шмель не летит, он исполняет «полёт шмеля». Разве ты читал Дионисия Ареопагита «О божественных именах»? Читал, но забыл. А может, и не читал. Важно то, что имя не называет сущность, а умалчивает о ней. Даже специально скрывает. Как-то так. Хоровод имён вокруг не называемого центра. Где твоя невеста, в чём она одета, как её зовут? Назови меня как-нибудь. Отпусти меня ко мне. Костик оставил Муре свою фамилию после развода. Она была Пшенишняк, а потом она была Журбицкая — по Костику. Она умрёт, как звук печальный. И действительно, так и случилось. А её дочка Ида стала Ирой во время немецкой оккупации. Училась в художественной школе, потом в институте. Тоже, наверное, умерла от туберкулёза, «непризнанная маэстро».

Что бы она делала теперь на биеннале у Гельмана? Ты меня спрашиваешь? Спроси у Хейдиз, она уже много лет старается. До чего ж трудно художнику пробиться в наше время на какое-то заметное место. Она труднолюбивая, она пробьётся. Там опять все эти Каллимы, Синие Носы, Синие Супы — целая гирлянда. А ты чего, пишешь, что ли? Конечно, надо об этом писать. Это не хуже критических статей. А ещё лучше — придумать группу «Синие Труссы». Не морочь мне голову своими трусами.

Чего там на улице, мороз сильный? Я из лесу вышел. Да? А мы собирались в лес идти. Потепление обещали к пятнице. Складываем рюкзак и уходим, как сказал когда-то Сухотин. Думать нечего. Уайтспирита полбутылки хватит на всю пиротехнику. «Мы были не группой, а, скорее, труппой», — так он сказал, из-за чего они и поссорились. Поездки за город. Там соберутся «Синие Трупы», «Синие Губы». Бодиарт. Губы ещё означают грибы в некоторых диалектах. А у меня какое-то недоверие к твоему деверю.

Капусту в грибной суп? А я думал, ты спрашиваешь про лавровый лист. Доширак — кроме овощного: он отвратный вкус имеет. Какие шашлычки овощные были. Суперские. Теперь нигде не попробуешь такие печёные овощи. А пончики остынут, пока мы костёр разожжём — на таком-то морозе. Конечно, можно за курами, но неохота туда переться, к метро. Поеду до Пушкино, сгори это Фрязево. А там разница всего несколько минут. Там контра, что ли? — видишь: побежали. Мамонт — это не слон, а имя. Мамень-

кин сынок. Порождение матери. Если похож на мать, называли Мамонт — только и всего. А почему слона называли? Они в диковинку у нас. Назови хоть как-нибудь. Они понятны лишь сперва, потом значенья их туманны. Онт — это сущность, а не порождение. Порождение будет — ген. Генезис. Ох уж мне эти эллины, этот язык! Язык сломаешь. «Внимание: переезд». А нам-то что? Это фонограмма для машиниста. Она почему-то транслировалась на вагон. А дальше уже Заветы. Я всегда беру Микояновского комбината. От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича чтобы прожить. А паркинсонизм? Противно, но не так опасно.

Если б мы курочку водрузили, она бы нам жирком накапала в костёр. Неужели восемь? А впрочем... Водичка с водочкой. А этот вкус должен изображать Старого Полковника? Да, немного терпкий. У тебя есть среди знакомых полковники? — Ты уже спрашивала об этом. Я не спросила, а напонила. Не помню никого, кроме двоюродного деда, покойного. Он пишет книги более отчётливо, чем ты. Есть такой Женя. А ты ещё более? — Да, ещё более, и отчётливо, в том числе. А он если муж твоей любовницы, то почему книги тогда? Целые очень толстые книги. Что на это возразить? Если ты Коперник, то это ещё не значит, что ты хороший любовник. Женя Харитонов был отличный писатель. Нина Садур, потом Катя. Маковский вообще умер, пропал без вести. И могилы нет. Женя Иорданский ездил — не нашёл. Он — не этот. Короче, если тот Женя — муж твоей любовницы, то почему, почему? *Мне с тобой об этом говорить не с кем.* Так Пушкин сказал Дантесу. Лось либо бежит от тебя, либо он бежит на тебя. От Пушкино до Мытищ без остановок. В Лосиноостровской, поди, заперли калитку уже. Поедем до Северянина.

(2)

Самое трудное для меня — это шея и ключицы. Грудино-ключично-сосцевидная мышца. *Musculus sternocleidomastoideus*. Это надо специально изучать, наблюдать. При разных поворотах головы они по-разному напрягаются. То выпирают, то нет. Надо внимательно смотреть всякие ракурсы. Ты любишь слова, я люблю изображения. Эти девочки, они общезначимые. Ничего красивого Пентхауз не показал. Оставил его в Зверев-пункте, пусть сторожа смотрят. Мне назначает Мулен Руж по ночам рандеву. И я прошу вас, не стучите, я вам не открою. Запрокинул усы — и спишь. Ещё скрести руки на груди, как покойник. Дин-дон, дин-дон — три раза. А в восемь хорошо бы уже встать. Ещё скрести руками в бороде и просыпаться. И умоляю, не звоните, я шнур оборву.

А родители тут ни при чём. Не их вина, что родился именно я. Мог родиться кто угодно. Мало ли людей рождается ежечасно. Ну и рождались бы и жили. А тут вдруг я. «Я, — он начал, — из бедной, но честной семьи». Нет, это не родители, это другое. Присутствие, а не жизнь. Не жилец, а пришлец.

[Тушинский Икс — ни шут], ни вор. [Ни школьника кинь, Локшин!] У меня абонентов твоих имена. Живые журналы, живые картины — всё автоматизировано. Дескать, он прикажет ей: «помножь-ка мне 25 на 10 с одной сотой!» — и сидит потом, болтает ножками, сам сачкует, а она работает. Смотрит сны в ночном Интернете. Суч буизнес. А регионы реагируют. Такая вот (кукольная) петрушка.

Более двухсот наименований. От названия сразу какая-то плёнка. Эффект «пластиковая упаковка». Блестящее, а может, и жирное. У тебя имён на целую страницу, хоть и крупным кеглем. Не имели имён ни Катя Якубени, ни Тамара Волобуева. Вон как

графиня Носова по Фрязину идёт! Поеду в Пушкино, сгори это Фрязево. Я бывал в Апрелевке ещё несколько раз, но по другому делу. Даже не смотрел на правую сторону. Я знал, где её дом. «Эта Танюшка, она немного престарелая. Ну, ничего. Зато о-опытная!» Без горечи, но с язвой явной. Она труднолюбимая, она пробьётся. Что ж, появишься, пожалуй, на биеннале, хотя б в тусовке. Да я сам не пойду. Я видела рекламку по телевизору, — такое фуфло. Всё то же самое: стёб — и стёб, и стёб, — и больше ничего. Последняя открытка — детским почерком: «Дорогие Коля и Тамара! Поздравляю вас с Новым годом». С каким? С 80-м, видимо. Из открытки я адрес и узнал. Таковы страсти поворотного пункта. Да, большая часть улетучилась. Стоящее посреди кухни ведро и высыпаемый из него рядом на пол мусор символизировали поиск. Верней, анализ. Дневальный, почему мусор на плацу! Мальчик такой счастливым: он ковыряет в носу. Как сказал бы сейчас старина Балабон — говорю вам по первому разу. Мальчик такой серьёзный: он вынимает занозу. Внимательно выковыривает из пятки. Он — чемпион. Чем он не чемпион? Не надо толкать так бестолково. Там настоящая толпавская битва. Прошёл шестой уровень, потерял пароль. В кэше он вряд ли сохранился.

Око как око. Тут как тут. Tet-a-tet. [Кэш как шэк]. Того и гляди: [зуб за збуз], а за глаз залг. Скоро, скоро всё это случится: и зубы, и глаз. Этой ночью от тебя полетят ключья. Ключья музыки показывают, что она была тонкой, изящной, экономной. Почти анонимной. Почти нет двойных нот у инструментов. Прозрачная фактура, лёгкий, часто невесомый штрих. Непонятно, почему Шостакович сжёг эту рукопись. Нет особых звуковых эффектов, хотя в расположении аккордов второй темы, с находящейся вверху виолончелью, есть своеобразный изыск. Ты имеешь в виду девятый квартет? Я забыла номер.

Звон струны неизвестного инструмента. У него и названия нет. Только понятно, что струна. Не духовой. Звяк даже. Спросить у Серёжи. Да он довольно однообразен, сколько лет уже. Может, кому в новинку велеречивые позвонки. Нехорошие мальчишки на разбитом пианино. Пела, пела, а потом легла с Никольским. Капитанская дочка. Мы встретились в театре на Таганке. Должен был идти Марат-Сад. Но дальше подъезда наша встреча не описана. Большая часть улетучилась. Таковы страсти поворотного пункта.

Небесный свет в неё проник. Золотой дождь. Она зачала? — я не помню. Ну, наверное. Иначе к чему всё. А потом Олимпия. Лимонов о ней хорошо написал в тюрьме. *В тюрьме?* Манэ тоже полезно было бы посидеть в тюрьме. Не типа *Бренера*, а типа *Селина*. Так многие считают. СчитаЛИ. А как бы она смотрелась у Гельмана на близлежащем биеннале! Типа Дубоссарского. Небесный свод в неё пролит. Ты так думаешь? Я всё время плачу. Уехал на дачу и плачу. Я не понимаю, что со мною. Хочешь обратно деньги — вот изволь получить с нуля.

Они называют себя интеллектуалами. Осмоловский осмысляет мусульман. Назови меня как-нибудь. А того, дурень, не понимает, что след от него по мягкой тундре совсем лживый. Как от какого-нибудь Вилли Мельникова. Наклейка «sport» на лыжной палке должная, видимо, означать, что лыжи принадлежат спорту как категории. Но остаётся загадкой — зачем это обозначать и для кого? — Для поддержания привычки, чтобы категория не распалась. Но кому это нужно, кого это заботит? Распалась бы — и чёрт бы с ней! Или это есть такие категории, которые кому-то нужно искусственно поддерживать зачем-то? Вот и загадка, повторяю: кому и зачем?

Мост, состоящий из общих мест. Эта излучина картографами ещё не изучена. Плывём по абрису. Здесь также водится заяц, сиречь *тушкан*. Надо же, какие заядливые. В такой мороз играют в шахматы. Две-три пары самых заядливых. Они считают себя интеллектуалами. А доминошники не вышли. Замерзаю я от этой туготы. Укуталась так — со страху-то, — только хуже. Рукам и плечикам дам лучшие наряды.

(3)

Паровозов было два. То есть ретроспекция назад. Чепуха, — вперёд разве бывает ретроспекция? Паровозов уже не бывает. Там говорится «пароходов»? — Их тоже нет. Пусть, скажем: «вертолётов было два». Или три — не суть. Фраза-то как организована? Где здесь подлежащее — можешь сказать? А? Вот тут-то и призадумайся. Прикольно, но ноль.

В общем, она права: стёб — и стёб, и стёб, — и ничто другое давно не катит. Ну-ка давай сразу выпьем, не откладывая в долгий ящик. Письмо, характерное для алкоголиков. Выпьют — и им придёт что-нибудь необычное. Но коротко. Надолго не хватает. Выстроить далеко идущий сюжет — это нет. Или развёрнутую концепцию. А наркоманы? Не знаю. Мы — другая культура. Об этом хорошо написал Лимонов в тюрьме. *В тюрьме?* Культура травы — это восток. Ну, сейчас давно и Запад. Сколько понаписано. Не читал, не скажу. А по сути, жизнь их полна драматизма. Это всё, что я могу сказать по этой тематике.

[Кирилл Лирик] любил сидеть целыми днями в [кафе «Фак»]. Писал на салфеткаФ как факт. Кафе — это место, где можно сойти с ума, совершить преступление. Но можно и написать шедевр. Так, понемногу, был им создан [роман «Амор»]. Некоторые его читали — в рукописи. Отзывы разноречивы до краёв спектра. Ещё ему приписывается ода «Дао». Типа — до кучи. Но это ошибка, ибо анаграмматическое письмо за ним никогда не водилось (не замечалось). Он пишет более отчётливо, чем ты. По-любому, хорошо, но. Скорей уж он мог написать вместо Саши Соколова ту четвертую прозу, которая у него сгорела. «Главный смогист» был как раз не Губанов, а Батшев. Он-то первый и загремел. Дела давно минувших дней. Кстати, он, говорят, живёт преспокойно себе в Германии. Чего-то там издаёт. То есть он ещё ого-го. Это мы здесь ничего не знаем. Притом непонятно, куда Веня дел рукопись «Шостаковича». Пропил, проспал. Что непонятного? Проиграл в карты Лёну? Фантастическое (гоголевское) предположение. Нет особых звуковых эффектов — анаграмм, рифм, каламбуров, — только в расположении второй темы с нисходящим комментарием можно углядеть некий изыск.

То есть, с их точки зрения, поэт выделяется? Да ни хрена я не выделяюсь. Это они выделяются, мудаки: делают свои инсталляции и видео-проекты — общезначимыми. Причёмсывают под западную гребёнку. Считают себя снобами. Западно-ориентированный снобизм, — по-твоему, это называется словом «попса». А по-моему? *Ориентироваться* — это значит: «знать, где восток». Ну, не так уж совсем. Есть французские философы. Которые, да, — они, конечно, все снобы. Но глаза б мои на них не глядели, мозги б мои их не читали. Я б блеванул. Ты когда блевал последний раз, лет в 26? Нет, позже, уже после сорока.

Сейчас попробую вспомнить одну фразу, но я её всё равно перевру. «Я хочу найти формулу между качеством материала, качеством живописи и её стоимостью. Когда най-

дешь, тогда и приходи». Вообще не очень интересная фраза. Не вижу связи между теми или иными действиями героев и художественной ценностью произведения. Дорогие мои, никогда не занимайтесь психоанализом бесплатно, а то профессиональная ассоциация психоаналитиков засудит вас за демпинг.

Надо узнать хотя бы имя. А лучше и отчество. Обращаться к незнакомому человеку — это невежливо. А мне плевать, кто вы такой. Но вы, говорит, ведёте себя как трикстер, и я вас окорочу. Так и сказал? Или проучу. Конкурс фокстерьеров по экстерьерам. Ещё провокаций нам не хватает — при нашей-то малорадостной жизни. Тебе хочется позидеваться — только и всего. Великие писатели жалели людей, а не издевались над ними. Даже Гоголь лил невидимые миру слёзы.

Скажите мне, вы боитесь власти? Власть боится вас? При обнаружении агрессивно настроенных групп граждан, в том числе несовершеннолетних. А вот душа, она не может. Небесный свет в неё пролит. Власть проецирует свою паранойю на ей подвластных, — так, кажется, об этом сказано. По трубам подземки передаётся сигнал смертельной опасности: её разносят, как заразу, *люди в пачкающей одежде*. И лишь душа неколебима: в грязи чиста, в беде честна. Напоминаем, что в московском метрополитене запрещается без крайней надобности наносить оскорбления. Уехал на дачу и плачу. Слёзы так и текут, я не понимаю, что со мною. Надо настраивать. Две струны спустили у гитары — от мороза, наверное. Было 20 градусов. Потепление наступит к пятнице, передавали. «Если хочешь не бояться власти, делай добро — и получишь похвалу от неё». Так учил апостол Павел. Вот так мы и снялись с Сашей Барашом в Кейсариин, в шортах. Было +25.

Да, но дикость. Она растёт, как энтропия, как вы считаете? Вы, может быть, не получили достаточного воспитания? Бедный юноша, вы сирота? У вас, возможно, не было родителей, чтобы внушить вам, что разговаривать громко — неприлично. Или жевать резинку. Взгляните на девушку, жующую резинку, — и вы сблюёте. Вы давно блевали последний раз? В 26 лет. А вам всего 20. Так-то вот. Мамы и папы не было. Вы, пожалуй, воспитывались в детдоме. Или не было только папы. Мама всё время на работе. Я понимаю. Ей тоже нужна жизнь. Я приходил, утешал её, как мог. В общем, она была довольна. Было счастье. Ты хочешь сказать... Я сказал то, что сказал. А 2 августа мы будем называть вещи своими именами. И вы не горячитесь. Было счастье. Нет, ты хочешь сказать... Боже, как вы недостаточно воспитаны! Вам в детдоме не постарались объяснить, что ездить на личной машине — это хамство? Или жевать резинку. В Америке? Да, ну вот пример. Америка — как раз страна сплошных хамов. И хотят это самодовольное хамство навязать всему миру как эталон. Об этом иной разговор. Суч буизнес. Вам, юноша, между нами, хочется непременно быть богатым? Да? Тогда советую сделать вам это со своим сверстником. А то со стариком будет не то. Ладно? Он ещё будет гнать пургу про личный автотранспорт. А вы и не знаете песен, кроме «Чёрного бумера». Ну вот и так. Цитат стало меньше, ты заметил? Словечки там, выхваченные из. Уже сейчас меньше? Кто заметил? Давай навтыкаем. Чтобы никто ничего. Как ты любишь всякие слова, потом словечки! Их протирают, как стекло. А я люблю изображения. Таков я есть. Есмь. Со словами не в ладах? Я даже не знаю, что ты такое умеешь придумывать. А кто, собственно, ты? Ты одна мне несказанный свет.

О, нищета! Я плачу, но не могу ни о чём думать. У меня нет слов. Улетай всё дымом в трубу. Ничего не буду записывать. Ничего не знаю и не хочу знать. Нет ничего достойного. Или наоборот — всё подряд. Нет никакого различия на важное и ничтожное.

Так пусть всё летит и забывается. Это нормально. Даже лучше, чем если б что-то застревало.

(4)

Поймаем козу — сделаем азу. Поймаем овцу — сделаем мацу. Не морочь мне голову. Час просидела в поликлинике, но я ехала в церковь. Я получила сегодня письмо от папы, полное тревог и волнений. Я получила сегодня от папы душераздирающее письмо. Я как-то стелю газетку на стол. Записать, что ли? Ну конечно. Майками протирать чужими. Совсем не уважаешь моё тело. Как помойка какая-то. Воровка никогда не станет прачкой. Трусами ничего не вытирал? Раздеться пришлось совсем — ради какого-то слабого поцелуйчика, равнодушного. Десятка два родинок-отчизнок. Образовались вместо загара, да так и остались. Это еврейские веснушки. Лётчик Бабушкин совершил вынужденную посадку на аэродроме Внуково. Как Матиас Руст. Смотри: у Германии орёл держит в руках серп и молот. Точно не знаю, но где-то начало 20-х годов. Пора бы уже потопрапливаться. А наш орёл ничего не держит. Наш мальчик терпит. Ну-ка давай сразу выпьем, чтоб не отказывать себе в добром здравии.

Я просто ему пообещал на эти темы при нём больше не разговаривать. Не хочу больше возникать. Идея проста. Но люди настолько погрязли. Что произойдёт в этот момент, я не знаю, честно тебе скажу. Господь — не фраер, как говорят. Он ничего никому не скажет. Просто люди не влезают в это, — и правильно, может быть, делают, кстати сказать. А надо как-то себя совокupлять. И рад бы с тобой поспорить, но слишком плотно шею мою обжимает этот зелёный шарф. Мне кажется, это единственная вещь. Да, конечно. Одна из единственных. Шарм. У меня тоже шарф — но бежевый. Тебе идёт. Тебе сидит. А те дорогие. Чёрт их знает. И потом они без конца кончаются. Покупаешь — выбрасываешь, покупаешь — выбрасываешь. Эти хоть иногда пишут время от времени, потом перестают.

Какой-то пьяный человек доказывал, что грех смеяться там, где нам всем не смешно. Даже Гоголь лил невидимые слёзы. Лишь ворона порой прокричит о былом. Тоже мне — кара Господня! Растревожит сердце. Мне вспоминается карась. По пьяни мужики, смеясь. Ну, давай выпьем. Виски, да ещё что-то. Да, было, было...

Цель близка, о сограждане, очень близка! Все поёжились, как от мороза. Ты знаешь, что тост — он сбивает разговор, сбивает тебя самого с мысли. Прокурор о родине, кок о кокотках. Он при ордене. Она — плутовка в колготках. Шарм. У меня нет такой мечты, я не могу соответствовать. Разглядывая его товарный знак. Только оголи пред ним ножку, он тут же узяпит. Не хочет уходить. Не мытьём — так кнутом и пряником. [Модем с мёдом]. У нас система штрафов. Нет, это мне не подходит. Я сам готов штрафовать кого угодно, лишь бы денег надобать.

Нищета тщета. Что дальше? Никто ничему меня не научил зарабатывать. Так и живу понемногу. Более менее, — или, Светочь, ты более менее залезешь в долги. Это нормально. Не морочь мне голову. Болят зубы — и вся челюсть. Неправильно выдержнули. Это ужасно. Будут гулять, пьянствовать, упиваться, нас с тобою и не вспомнят. Никакая Ольга Рейх не спросит: а где, мол, Байтов и Света? Сами виноваты: склиси. Энергетики мало. Да к тому же низкий гемоглобин. Нет денег. Но Хейдиз-то кропотливая, — вот молодец. Как это говорится? — кто на слуху, тот и ху-ху.

Старик Хвостенко сидит на фотографии, свесив руку на гитару. Перед носом микрофон. Но он смотрит в сторону. Глаза умные. Какие у нас преимущества перед покойниками? Есть. Но у них тоже есть свои. Всякий статус по-своему уважаем. Поэты бывают лишь двух видов: *молодые* и *мёртвые*. Нельзя полностью сравнивать музыканта с поэтом. Меня иногда это начинает бесить. Ну, потому что он относится по-другому к игре слов. Кто-то присутствовал при смерти Леонардо да Винчи. Он умирал же во Франции. Какой-то обожатель его, меценат, — он это описывает. Ну, там приукрашено. Мне было тогда двадцать с чем-то лет. Он умирал очень плохо. Как мне сдаётся, важен дух: что ты делаешь. Я думаю, и в нашей жизни есть суть, а не размеры этой сути. Почему одиночество называют «гордым»? Полковнику никто не пишет.

Я ж тебе всё равно всегда сделаю, независимо от того, обещал я или не обещал. Фотохудожник должен иметь глаз селёдки. У тебя были знакомые полковники? — Один раз. Дядька моего отца. Дядя Шура. Я, — он начал, — из бедной, но честной семьи... Дядя Шура был рыбак. Лось либо бежит *от* тебя, либо он бежит *на* тебя, — так он говаривал. Лосось? Да нет, проедем до Северянина. На Лосиноостровской уже, поди, калитка закрыта — в такое-то время. Ну что ж.

Адвокатский сын в бобылях. Иные в Пыжах, иные на Болвановке. А регионы реагируют. Сокол, кречет, — это же близкие птицы? Или нет? «Ребята, — сказал, обратясь к прихожанам отец Николай Соколов. — Мы рядом с Пыжами, метро между нами, и много горячих голов». А что ты думаешь? Эти графоманы, они потом начнут физическое уничтожение всех нас. Когда захватят власть. Это они до поры до времени благодумствуют, используют всяких лукомниковых. А потом. Время добреньких ермолаевых и алёхиных пройдёт. Мы ещё увидим при нашей жизни. Какой-нибудь Малкин — он что, не устроит террор? — Ого-го!...

Порет она вас, конечно, неправильно. Зверски талантливая Натали. Она вас бьёт языком, а вас, девчонки, нужно бить резиновым приводом от машинки «Зингер». Бумага нужна не офсетная, а газетная. Кого там? Гора Чахала они считают современным поэтом. Или Вознесенского пусть превозносят. Да, чихал, но гор он не видал. Равно и звёзд с неба не хватал, как своих ушей. Выше гор могут быть только звёзды. А, вот это другое дело. Или отдай свои стихи — и ты останешься без очереди. Ну, она хочет себе какое-то литературное имя. А получается кулинарное. Делает нужное количество прыжков, батманов, обдавая педагога потом и сорванным дыханием. А на сцене выглядит как старательный усталый человек. Ну, не «высунув язык», конечно. О языке что мы можем сказать? Нам следовало читать не Витгенштейна, а переписку Бора и Эйнштейна. Об этом можно сказать двояко. Мне с тобой об этом и говорить не с кем. Мои канцоны сунули в бессонные евроящички. Забыться, закружиться, затеряться. Уснуть и видеть сны. Вот и ответ. И снится нам не рокот космодрома. Запрокинул усы и спишь. Ещё скрести на груди руки, как покойник. «*Банзай!!!*» — вскричал штабс-капитан Рыбников, мечась по подушкам. Эти девчушки, они — общезначимые. А частное порно почему-то ещё менее интересно.

Ну и я такая же. Только мои вопросы, наоборот, считают заумными. Более тысячи наименований. Есть премиленькие. Они в кринолинах стоят на коленях. Это всё платье её. А это вот ноги — из-под платья. За ширмой стоит человек эпохи Реставрации. Он всё время движим какими-то сложными политическими соображениями. Причём ему кажется, что он стоит обнажённый. На самом деле он стоит без трусов. На ощупь эти брюки неприятные. Трусы были синие. Мои кальсоны сунули в какие-то бездонные ящики и ото-

слали. Я не уследил. При евроремонте и европереезде. Забыться, закружиться, затеряться. Тридцать восемь тюков он на пристань привёз, и на каждом свой номер и вес. Рваные паруса. Что тебе остаётся на бессонницу? Рваные простыни и пододеяльники. Натягивай — трещат. Однако, вот уж и в домике укромном. Подтянул колени. Почти не тошнит.

Ну а накануне Надин день рождения. Преподобного Серафима Саровского. И на Ильин день всё будет кончено. Занимайте места, господа вояжёры. Я ваш новый форейтор, а кто не согласен — вот Бог, вот порог. Хочешь обратно деньги? — вот изволь получить с меня. Купил книгу в магазине, а возвращаешь автору. Бумага офсетная. Печать тоже офсетная.

(5)

Эта улица прямо Проспект мира какая-то стала — не перейдёшь. Как Крещатик. Адвокатский сын в Николо-Снегирях? Чушь. Это дело не стоит выеденного соловьиного яйца. Зачем занялись политикой? — Чтобы выйти из затхлой ситуации постмодерна. По-видимому, так. Не только художники, но и Лимонов, например. Да, но дикость. Как вы считаете? Целую ночь соловей нам насвистывал. А дикие наседали. Я приехал, покрутился там. Город молчал, и молчали дома. Меня попросили из зала суда в коридор. Ну что ж. Женщина, на вас смотреть страшно. Вам нравится, когда вас боятся? Он с гиенами шутки себе позволял, взглядом пробуя их укорить. Бочком, бочком, стараясь не встретиться глазами. Женщина, и вы православная? Да. И русская к тому же. А Чаплин-то, а? — Это подонки, циники, с которыми и разговаривать-то не о чем. У них святого ничего нет — так какая может быть дискуссия. Во как! Грустно? Да пошёл он на фиг. Даже не страшно. Нелепо поп о поползновеньях искусства судит. Погоди, ещё будем трястись по углу, как при советской власти. Ну что ж. Изыди — так изыди. Кто не исповедуется и не причащается, тот из института отчисляется.

Я говорю: «Во! Какие люди! А чем я, как говорится, заслужил посещение столь высоких особ?» — «Это не важно. Ты же, — говорит, — жертва. К сожалению, ничего смешного и ничего печального нет». — Он сказал: «Это уже не имеет значения». Вот видишь. У меня нет слов. А при чём же тут *посещение*?

«Ориентироваться» — значит знать, где находится восток. А мне палец в рот не суй — заблудиться. Потому что у меня ориентация. А в школе-то я понял, что солнце встаёт на востоке. Короче, я так перепутал! Я прошёл 15 километров! Это же не 500 метров. Бог ты мой! Это действительно было необъяснимо ужасно. Меня женщина завела в дом. «Выпей молока. А теперь иди». Я пошёл.

...И тогда найти меня будет непросто. Никто меня не найдёт. Я менял города, я менял имена. Вон скачет неуловимый Билл. Да что ты говоришь! Так уж прямо и поймать его невозможно? Шихуанди хвастался, что в его царствование, в отличие от его предшественников, все вещи получили названия, которые им подобают. Называние есть уловление, не так ли? Связывание.

На домике написано «шахматы», а они играют в домино. Как будто нет рядом другой беседки, совершенно свободной. Да, но на ней ничего не написано. И хорошо — значит, можно играть во что угодно. В домино, однако ж, а не в преферанс. Как только шахматисты их допускают? Сказали бы: «идите, дескать, в свою беседку». Да шахматистов-то сегодня нет. Они считают себя интеллектуалами. Пусто-пусто в сердце

моём. А что называется «гитлер»? Уже не помню. Шесть-шесть, может быть. Как-то это связано с числом Зверя, нет? Я обещал на эти темы при нём больше не разговаривать.

Проблемы, которые он ставит передо мной, они далеко выходят за рамки любви и нелюбви. Ну, люди любят, чтоб кто-то кого-то ударил. Мне этого НЕ нужно, честно сказать. Я могу уничтожить любого человека. Тебе это что-нибудь нужно? Когда найдёшь, тогда и приходи. Я не собираюсь в этом мире никого уничтожать. Это не моего ума дело. Ты пойми, что никто же уже отвечать за свои поступки не может. Потому что люди тупы абсолютно. Бьют только один раз, одним ударом, бывают такие случаи. Он всегда говорил: «Серёга, пошёл ты в жопу!» Так его Господь и забрал, не смирившегося. Так устроена жизнь: ты здесь ни при чём, и я тоже. [Я отстой отстоя]. Гм! Легко ли говорить, когда жизнь вот так существует?

Но это всё такие пустяки. У тебя жил дома сверчок когда-нибудь? — Только в детстве, в Черёмушках. Нет, ещё в Николо-Кузнецях жил домашний на кухне. В какое-то лето они в Звереве расплодились. В саду, в галерее, в офисе — всюду трещали. Но мелкие. В общем, несерьёзные. С домашними не сравнить. В сравнении со смертью и любовью.

Ну что же стоишь, не меня ли жалеешь? А может сама ты боишься сказать. Тогда подойди, мы друг друга согреем. Не зная себя, не жалея себя. Ну, вот тут как раз о сне. Называется «Реальность». Уже не сон, но недопробужденье. 76-й год. Гармонии рваная боль. И дуют ветры. Несутся времена года. Год каждый — как всегда. Хлам прошлогодний срывает с времени вода. Невежество, презренье, насмешки, улыбка снисхожденья и дитя. Ногами вверх и к небу головой.

Она умерла, а он уже больше месяца лежал в морге. [Во хер орехов]ый! Я, на самом деле, даже и не хочу каламбурить. То есть... Ну, то есть «то есть» есть? Да, всё современное искусство становится искусством каламбура. Это моя фраза. Но мне бы хотелось, как дадаисты, говорить словами, которых никто раньше не употреблял. А кто мешает? Вон, почитай Кононова. Серьёзный человек, ничего не скажешь.

Я забыла, в какой директории этот черновик. Теперь не могу найти. Все художники почему-то думают, что они гениальные поэты, и готовы часами в упоении декламировать свои беспомощные бледные вирши. Потеряла пароль, забыла, в какой директории я его сохраняла. Там за ширмой стоит человек эпохи Директории. Причём ему кажется, что он стоит в костюме должностного лица. Есть такие костюмы. Были, — во всяком случае, в ту эпоху. Я не знаю, как они выглядели. Нет, это его иллюстрация к маркизу де Саду. Судья у них вроде благосклонный, всё понимающий. Да приговор-то вряд ли от него зависит. Какой ему скажут, такой и вынесет. Быть может, старая тюрьма центральная. Нет, не на нары. Условно, понял, условно, понял, условно. Пусть в его взгляде проглядывает всегда любовь к правде и милосердие, чтобы не думали, что его решения вынесены под влиянием алчности и жестокости.

Так вот, насчёт инквизиции. В надежде, что репутация относительной кротости, которой славились францисканцы, смягчит отвращение населения к новому учреждению. *Misericordia et justitia*. Хотя их первоначальное самоотречение было добродетелью весьма редкой и весьма хрупкой. А что — доминиканцы? Эта ненависть началась давно, и обе стороны лишь искали случая удовлетворить её. Не стеснясь в средствах. Что, как ты понимаешь, грозило церкви. Скандалом и большой опасностью. Он тщательно выискивал еретиков, скрывавшихся во мраке своих заблуждений. Но Григорий ответил, что его рев-

ность идёт по ложному пути, так как он, в основном, карает своих врагов. Еретики, конечно, с удовольствием любовались картиной, как их преследователи жгут друг друга.

Леночка побаловала нас бананами. Прикольно, но ноль. Адвокатский сын в Спасо-Нетопырях. Племянник, говоришь? Ну, пусть. Нет банана на нанайца. А чего они хотели? Чего хотели, то и получили. Всё это мало интересно. Стёб, стёб и стёб — и ничего больше. А митрополит-то Кирилл, а? Это *лока* тебя не касается. До поры до времени. А то ещё скоро за порно начнут судить. Порно — спорно. А им-то что? У них пассионарность. Засудят. Да полно. Их страсть также не стоит перепелиного яйца. Нет её. Не столько национальное, сколько позиционное. Лишь в политических видах хладнокровно манипулируют они упёртыми недоумками. Разжигают при помощи простых, всем известных технологий. А у меня искры гаснут на лету. Да ладно тебе.

Не ори. А говоришь — не касается. Society, кого спасаете? SOS! Не ссыте. А пососать не хотите? Чего? Колокольню Ивана Великого. Хорошая фотка, да? Коллаж. Смотри, губы. Нет, самое трудное для меня — это шея и ключицы, я уже говорил. Поэтому не будем повторяться. Фотохудожник должен иметь глаза черепахи. Нет, пассионарность — не страсть. Разные вещи. Историческая энергия, власть, уверенность. Вы боитесь власти? [Мы ссыим]. [Ад, ужас, самомассаж уда!]

Он напился и орал мне на каком-то вернисаже, предлагая орать ему. Наташа Шмелькова тоже в него плюнула, из солидарности. Или ты забыла кресла вернисажа? Где вернисаж — там эпатаж. Но, взглянув на пейзаж, приуныл экипаж: всюду скалы, провалы и бездны. Ну, это же искусство, contemporary art. Вам что, жалко кроссовок обоссанных? Конечно. Ещё бы. Вещь всё-таки. Покупаешь — выбрасываешь, покупаешь — выбрасываешь. А какими подвигами славен сам Олег? Он себя распял на андреевском кресте и теперь скрывается в Болгарии от преследований русской церкви. Да, как видно, перформанс — искусство не для слабоверных. Остался только его дружок — император Вавá. Вот такая информация. Медали раздавал на АртКлязьме. Из чего можно сделать недорогую медаль, не знаешь? Отражение солнечного дня накладывается на книжные полки.

(6)

И тогда найти меня будет непросто. Я там плачу о тебе, о себе, о Муре. О необоримой сладкой ничтожности. И не нужно её обарывать зачем-то, как это делают глупцы. Нет, люди, *не отдающие себе отчёта*. У которых это не вызывает ничего, кроме раздражения. Или презрения, — если они думают, что прекрасно понимают.

Непонятно, какими путями будет шествовать, где лежать, прятаться. Где обнаружится. Выйдет куда? наружу? — вот это странно. Кто в осеннюю ночь, кто, скажи мне на милость, — и т.п. и т.д., — *кто* развернёт на столе образец твоей прозы?.. И зачем он это сделает. Мурины письма? И что с ним должно произойти после этого? С «ним» или с «ними»? Но обычным любителям наш темп выдержать трудно. Мы загнали немало таких поклонников.

Не лыжня, а фигня. Вся в колдобинах. Ходят по ней и проваливаются. В марте и феврале все дни недели по тем же числам. Это каждый год, если только не високосный. Что там пилить сейчас? Там пурга. Засосёт снег и выйдет из строя болгарка. На фиг это нужно. Не надо толкать так бестолково. Смотри, кто это бегал? Маленькие какие-то, ко-

торые не проваливались. Ворона так бы не могла ходить по насту. Да не будут они хлеб. Им семечки подавай. И в снегу они не найдут. Синицы и лазоревки — это один вид? Почему-то вместе летают. Совсем разная форма головы и цвет. Да им-то что. Вот и называй после этого. Думаешь, они не видят или обращают внимание на *другое*? Самоидентификация — это страшилище. Блаженны, кто её не знает. Собственно, мы даём имена не предметам, а кластерам.

А рандомизацию поэт не применяет? Очень жаль. Если угодно знать, это такая процедура. Нет, не понимаю я этих людей. А ты попробуй целый день одни апельсинчики и яблочки — знаешь, как вкусно покажется! Горечь горячая. Но находить в этом удовольствии не всякий может. Тогда хоть чистотел. Полчашки отвара натошак. Всё равно — нет у меня доверия к твоему деверю.

Несла в оскаленных зубах божественную знаменитость. После нескольких глотков воды прислушивается к продолжительным шорохам и скрипам внутри тела. Следи внимательней, вратарь, за криком, топотом и бегом. Я пришёл-сяду сюда, и мне не очень важно, где пришёл ты. Моя задача — делать всё возможное, чтобы меня заметили. Кто на слуху — тот и ху-ху. Она срезает крышу, выскребает всю мякоть. И эту мякоть перемешивает с кремом и клубникой — свежайшей, с огорода. Всё это уминает внутрь, покрывает крышу. Сверху мажет кремом и ещё несколько клубничин кладёт.

Прежде чем называть вещи какими-либо именами, поэту следовало бы применить к ним процедуру рандомизации. Или «рэндомизации» — так тоже говорят. Да разве ей кто-нибудь это скажет? Папа Римский благословил её написание стихов. На писание. Он, впрочем, на гробовом пороге. Сделали какую-то операцию, да не одну. Благословить может на что угодно. Вряд ли он читал, что она прислала. Секретари. Формальная отписка — «пиши, Эллочка, пиши». Нам это не канает. Послала б нашему Патриарху — шиш бы получила, даже от секретаря Чаплина. Мы — православные, нам Римский папа не авторитет насчёт её письма. И вообще. Ведёт себя, как дура надутая, на этом сайте. Хейдиз-то, гляди, всё-таки добилась участия в биеннале, вот упорная. Каких трудов ей это стоило! Плутовка в fishnets. Небесный свод в неё провис. Посмотри, трусы видно?

Всякой маленькой галерее нужно большое имя. Чёрный квадрат — это повод, чтобы дальше жизнь была. Рядом с авангардистами 20-х годов висят наши эти все придурки. Когда человек не имеет никаких для себя позиций и врубается в каждое фуфло. Это нормально. Бордачёв имел для себя позицию, здесь он её не имеет. Есть настоящие, излом. Но — тошнилровка излом его. Чувственные ситуации, они рано или поздно приходят к тоске, на мизинец маленький или указательный палец. Беда знаешь в чём, — что это не доказано. И это неумёха, и Колька над этим работает.

Подавляющее большинство людей безграмотно эстетически. Они не знают, что красиво, что безобразно. То есть не так, неправильно, — они вообще не размышляют в этом аспекте. Думают о чём-то совершенно другом — и оказываются полностью беззащитными перед любым фуфлом и идиотством, которые норовят в них внедриться. Я готов плакать над их судьбой. О, идиотство-то как раз и находит в них отклик, по преимуществу. Так почему-то получается. Мальчик с гармошкой, почему ты поёшь такие тошнотворные песенки? А потому что, дядя, за них больше бросают копеечек. — Ну уж нет, я-то тебе ничего за них не дам! — Так и шёл бы ты на хуй. Однако слово «хуй», я вижу, подчёркивается сразу красной волнистой линией. Значит, его нет в вордовском словаре, даже в двухтысячной версии. А что? Его и не будет никогда, ни в какой версии. Это железно. Думаешь?

Я на крыше паровоза ехал в город Уфалей, чтобы тамошним бакланам дать конкретных пиздюлей. Но снегу навалило! Полметра слой. Внизу, конечно, более плотный. Надо на крыше чистить, а то протечёт. Возле трубы там щели. Не у паровоза, а у дома. Прошлый год залило в кухне, у печки. Потолок там теперь в зеленоватых разводах.

С этой точки я уже рисовал. Забор, сбегаящий с косогора на луг, почернел. Гляжу, поднимается медленно в гору. Он был ярко-красный. За два года постарел, осунулся. Венедикт Март, футурист расстрелянный, пришёл и смотрит. Там за углом, за углом света. Морозы сменяются, сменяются сыростью. Боря, у тебя нельзя будет снять дачу? — Посмотрим. — Люся, ты имей в виду, если Боря или ещё кто-то будет сдавать. Но снегу-то навалило, а? Там за углом, за углом дня. Ты знаешь, что это лучшее стихотворение XX века? — Нет, я отнюдь как бы не компетентен. А кто это сказал? Сосна так считает. Понимаю, сосен здесь много, ты сам всё время сажаешь, я знаю. Подсаживаю. Ты знаешь, я люблю деревья больше, чем цветы и огороды. Сажаю и выращиваю. Но у меня много гибнет. Две секвойи погибли в том году. Они заплесневели зимой под горшками. И после не оклемались. Я плакал о них.

Ветер какой-то северо-восточный — дует со всех сторон. А на рынке ветра нет — так там мороз. Потепление обещали к субботе. А вы чего в Петербурге поделываете? Там просто знакомая одна, она куратор площадей. У Пяти углов. Я вам могу обратно сбросить на e-mail. У меня есть юридическое лицо. Ну, эта вот Маша. Есть сайт. Увидимся. Какой-то контакт. [Мой ник — Шишкин. Йом?] Да, довольно ёмко. Получил по морде Саша Соколов. Сокол, кречет — это же близкие птицы, или нет? Кречет, значит, получил по юридической морде. Этакая категория людей, вечно озабоченных тем, что они очень умные. Постоянно удивляются своему уму? Как Брюсов — постоянно радуются своей фамилии. Удивляются и гордятся. Но это лучше, чем гордиться своим идиотизмом. Почему, кто? Ну, вообще распространено сейчас. Даже навязывается молодёжи как стиль жизни. Посмотри телевизор. Не хочу.

Сколько раз, покупая очки, думал, что надо тут же купить запасные. Но это всегда так и оставалось лишь благим намерением. Смысл этой травмы — чтоб меньше глазел на образы, больше думал о словах. Пока только предупреждение наполовину. Придёт время — и весь обратишься в слух. Вот уж чего бы никак не хотелось. Всем этим вологжанинам, никольским, бийским, куперштейнам нужно лишь одно: слушать и слушать фон, — всякий звук и разговорную болтовню. Мне ж это ни к чему не нужно. Я выключаю радио — они снова включают. Каждый раз. Они для меня — монстры. Ужасаюсь и прячусь в пещеру. Пожиратели мусора — вместо того чтобы питаться тишиной. А образы думать не мешают, — наоборот. И не успел трёх раз моргнуть наш, прямо скажем, Вася. «Шемяка, ты дал мне средство к покаянию». — Вряд ли. Гордость слышится. Снова — уязвить, подколоть.

Мальчик с гармошкой, а ты не боишься, что если ты опять запоёшь про то, как ты хочешь, хочешь опять по крышам бегать, голубей гонять, то я сойду с ума и вдруг сверну тебе шею? — Нет, не боюсь. Потому что ты, дядя, здравомыслящий и с ума сойти не можешь. Будешь слушать и терпеть. — Ну, не я — другой кто-нибудь. Мало ли кругом психов. — А другим всем по хую.

Воцарилась тишь, доносилось лишь. Картина со словом связана, от этого никуда не деться. Название подписывается почти всегда. А если нет, зритель чувствует подвох и дискомфорт. Нет названия — тоже не просто так, а с какой-то зловредной целью. *Грачи*

прилетели? — Не ждали! Зачем? Совсем не факт, что это их имена. Комментарий, по-видимому. Образ отбрасывает словесную тень. И чем в самом образе меньше наррации, тем эта тень длинней. Минималисты приложили к своим объектам тома интерпретаций.

Названия вещей лишь воздух сотрясают. Как? Виньетка ложной сути. Опять сейчас будет скрипеть шарманка про логоцентризм. Или фоно-... — как бишь его. Глядя одним глазом. Попугай вытягивает билетик. Кто-то и тебя потом с шарманкою сравнит, в которой что-то.

(7)

И потом, очки с маленькими стёклами — они же злые! Зачем такая глупая мода. Или я чего-то не понимаю? Ты ничего не понимаешь. Не злые, а деловые. Живёшь, как в чужой стране. Мне плевать, евреи или русские. Живёшь, как Дант, — в изгнании каком-то. Кругом — ну просто папуасы. Чужая ментальность, чужой язык. Ни одного соотечественника. Умом Папуа-НовуюГвинею не понять. Вот это, наверное, и есть ад. Указатель, метафора.

Прибывая на станцию «Варшавская», счёл нужным просигналить. Кто его разберёт, что ему взбрело. Жертвы будут. Рано или поздно между «Автозаводской» и «Коломенской» мост будет взорван, и поезд проходящий метро рухнет в воду. А сверху сползут оставшиеся вагоны. Чем этот мир хуже, чем иной? Да ничем.

Нет, не сяду. Там сидит какая-то вонючая старушка, от которой все разбегаются. Будешь проходить — посмотри, как отполированы у собаки морда и лапа. До сияния. На «Площади Революции». Ей молятся. Наверное, среди приезжих возникло поверье, что она приносит удачу. Проходят и трогают за морду и лапу. Только одна — где с «Театральной» выходишь на платформу в сторону «Бауманской».

Я ждал, но она так и не появилась. Не вышла из магазина. Тогда я подумал, что она каким-то образом вышла раньше меня и уехала. Тут подошла электричка, и я сел. Через остановку сошёл, но не узнал станции. Я подумал, что случайно сел не в ту сторону. Стал перебираться на противоположную платформу. Я думал, это Удельная, а оказалось — Раменское. То есть я ехал правильно, только проехал. В электричке вдруг встречаю Алёшу. Это меня ещё больше насторожило: «А в Кратове будет остановка?» — «Нет, конечно, — сказал он. — Сейчас сойдём». И добавил: «Она тоже не доехала до Кратова. Она вообще так и не появилась». Тогда я понял, что реальность как-то сломалась и теперь мне в Кратово не попасть: буду бесконечно промахиваться, потому что оказался в другом измерении, где её нет. Т.е. в этом смысле я сам исчез. Но мне не было ни обидно, ни страшно. Не было жаль ни себя, ни её. «Ну, буду ездить. Чем-то всё равно это должно закончиться», — подумал я равнодушно.

На Лосе можно пролезть в дырку, а оттуда на автобусе. Казалось: коза — лось. Помнишь, когда от Соминского шли — там есть дырка. Почему-то люди, когда ссорятся, начинают употреблять иностранные слова. Как-то это акцентирует натянутость отношений в их представлении. Адью, гуд бай, данке шён. Он мне написал «ауфвидерзейн». Ну, это уже совсем разрыв. Я уж тебе много тут говорила всего. Меня Телишев научил, что нужно покупать ручки фирмы ВИС. Хватает надолго и без всяких фокусов. А те дорогие. И потом, чёрт их знает, они всё время кончаются. Покупаешь — выбрасываешь, покупа-

ешь — выбрасываешь.

Дедуся появился где-то у Суходола и тут же начал обеспокоено разыскивать глазами свою утерянную старуху. Её усадили на кондукторское место. Если бы — в наушниках! Всюду гремит какая-то идиотская музыка. Толпы хамов затолкли своими автомобилями всё пространство. И воздух. Мне дышать нечем, а им хоть бы хны. Не понимают, никто им не объяснил, что пердеть в нос проходим — неприлично. Культурочки не хватает. Абсолютно чужие. Иностранцы. Они — непонятно чем озабочены и непонятно чему смеются. Откуда они взялись так вдруг или постепенно? Ведь в нашей молодости было не совсем так. Всё же как-то было кругом роднее. Ты помнишь, как мы встретились с тобой? Я этого никогда не забуду. Может, теперь это за счёт приезжих? Да, низкое легче становится эталоном, чем высокое. Уровень снижается, идиотизм и дикость растут. Это понятно: простой человек ведётся, не думая. Ему не приходит в голову, что нужно всегда противостоять или, по крайней мере, быть осторожным. Чтобы не потерять себя. Да у него и нет никакого такого «себя».

Ну, чужак в аду. Ведь это знаешь что? — *Moses say*: пусть Мои люди уйдут! Пам-па-папапа-пам. Мой *народ*. Да разве я — народ? В том и проблема. В Папуа-Новую Гвинею можно только верить.

К холоду привыкнуть нельзя, — сказал Амундсен в интервью Ильфу. Я так ещё никогда не мёрз. Главное — ноги. Потепление обещали к 20-му марта. То есть мы будем уже на боку орбиты. Пьёшь, пьёшь портвейн, а всё без толку. Может, подогреть его? В печке спалил уже кучу дров. Нет, не кубометр, меньше. Но какая жара! Вот натопил! Баню прямо устроил. Хоть в прорубь иди бросайся, на Кратовское озеро. Лёд разбил ногой и ушёл под лёд, ни с тобой и ни с кем не простившись. Дядя Женя, это ты? В Москву собрался? — Да я дров, понимаешь, мало заготовил. Теперь ночевать уж не могу. — А у меня не больше кубометра сгорает за зиму. — Ты понимаешь, собаки. Я к ним приезжаю. — Вот так откликается. Нет, обычно мы гуляем в Измайлово. Вон лампочка горит у них в беседке. Похоже, они играют не в домино, а в лото. Вон там и женщины — одна, две. Выкликают цифры. А шахматисты давно ушли. В такой-то мороз. И музыка уже доносится с танцплощадки. На снегу стая нас негустая. Дядя Женя, когда ты последний раз танцевал? Пела Шульженко? — Ты понимаешь, собаки. А я дрова все пожёг. Две сухие ёлки спилил осенью — думал, хватит. Не рассчитал. Теперь в Москву езжу ночевать.

Лечит от беснования. Она — внукиня инокини Марии. Тоска — это тоже вид беснования. А нищета? Фарисей же величаешься, вопия: Боже, благодарю Тя, и прочия безумные глаголы. Не юродствуй. Нищета должна быть тихой и опрятной. Юродство тоже — не вид ли беснования? С этим разбирались на Руси митрополичьи приказы. Нищета и тишина — две сестры, любимые мною. Вот, например, тишина. Только ходят по крыше галереи — одна или две? — пара всё-таки этих *кар Господних*.

Шампанское, налитое в фаянсовую чашку, шипит недолго. Две или три секунды. Выпьешь бутылку — и делать больше нечего. Слов нет. Походишь-походишь — опять шорохи. И ветер подвывает. Оттепель. Сосулек понаросло. Иногда с низкой крыши с грохотом съезжает лавина снега.

Нищета оцетинилась. Суетня отовсюду. 50 евро. Разве это деньги — на четверых-то? Нищета ощущается. Очень даже. Ни куда-нибудь поехать. Ни — зубы болят — полечить. Вырвали, теперь умираю. Ты молись, ты умеешь. А то останусь без челюсти, вся сгниёт. Вся я сгнию. Молись о своей любви, да?

Рэндомизация — это легко: вырви листы и перетасуй, как делал Улитин. Однако. Это надо делать с умом. А кто сказал, что без ума? Надо, чтобы красота возрастала. Так это не рэндом, а просто планомерное действие художника. Ну, не планомерное — вдохновенное, так? В общем, согласен. Вот тут рэндом и разворачивается во всей красе, тут-то ему и лафа, где вдохновение.

Деррида — дерьмо. Я сейчас читаю Жоржа Батая. И ещё Корчинского «Революция от Кутюра». Кáрчинский? А хуй его знает. А он знаешь что предлагает? Да это долго рассказывать. Ну, понятно.

Все слова принадлежат всем. Длинные сочетания слов принадлежат некоторым. Минималистам не принадлежит почти ничего. Сочетание слов «*ой, полна*» принадлежит Некрасову. Николаю, а не Всеволоду. А такие сочетания как «*эх, полна*» или «*ой, полнѐй*» или совсем уж нелепое «*эх, полнѐй*» — не принадлежат никому. То есть опять-таки всем. Это одно и то же, как мы знаем из опыта социализма. Искусство *принадлежит* народу? Здесь можно сказать двояко. Во-первых, в смысле эпоса там, фольклора. А во-вторых? Ну, то, что усваивается, а лучше — и присваивается. Когда фонарики качаются ночные. Вот, примерно, принадлежит. Интересный эпизод рассказывает в своих мемуарах Городницкий — по поводу песни «От злой тоски»... Ну, не буду пересказывать своими приблизительными словами. Ссылка дана — можно посмотреть.

Дядя с шарманкой, а ты не боишься, что если ты ещё раз заведёшь своё про вторник второе августа и про «хочешь обратно деньги», то кто-нибудь не выдержит и свернёт тебе шею? Мало ли кругом психов. — Нет, не боюсь. Потому что, возможно, это входит в мою художественную стратегию. — Да не пизди ты.

Let My people go. А то загребёшь по полную макушку. Нет, ты понял? Казни египетские. Никто не понял. Не let. Вот они и тут, эти казни. Никто опять ничего не понял. Надо, Moses, понятнее говорить. Не через своего братишку-заику, а внятно, то есть, артикулировать. Нет, Господь не фраер, Он ничего не объяснит, не надейся. Даже в *той* жизни. Так сказал профессор Морозов, генетик. А он знает. Но если принять во внимание несовершенство человеческой природы, то нельзя не согласиться, что недоразумения подобного рода происходили сравнительно редко.

Большая часть сознания идёт на борьбу с опьянением. Вот так оно бодрится и бодро идёт на борьбу. Оглядывается, чтобы сзади машина не сбила, как задумчивого Авалиани. Смотрит внимательно на зелёно-красные метаморфозы светофоров и думает себе: ага... Также и не качаться. Ступать твёрдо, но непринуждённо. А то менты. Расслабленно. А вам что надо? А то отберут деньги. Они так и зыркают всюду. А остановят — не найдут. В кармане рубашки под свитером. Там 150 рублей, я помню. Завтра утром проверю.

Ну а накануне Надин день рождения. Преподобного Серафима Саровского. Я понимаю ещё мучения за веру. Идеологические гонения там, — это куда ни шло, это я могу понять. Но какие-то тупые идиоты, которые думали у него деньги найти. Пьяные, наверное. — Вот это зачем нужно? Кому? Кое-как протащил свою траекторию посреди всего этого. И вот конечная точка. Здесь она обрывается. Размахиваешь своим билетом на вход? Как ты можешь хотеть деньги обратно, если ты ещё ничего не заплатил в прямом направлении.

(8)

Сатурнов век на исходе. Замедление земледелия. Неужели восемь? А впрочем... Где мы находимся? Кругла дуга орбиты. Сон Афродиты, ах, отойди ты хоть от меня-то, по крайней мере. Ка-ка-я страш-на-я жен-щи-на! Кто мо-жет е-ё лю-бить? Толь-ко ка-кой-то ста-рый муж-чи-на лет шес-ти-де-ся-ти. Смею надеяться, что на это надеяться я вправе. Так Костик писал Муре. Она не хочет, вот беда. Выходить. За него. Кстати, что он говорит о своём возрасте? Ты не верь, Ксеничка, что ему тридцать шесть. На самом деле ему все добрых тридцать восемь. Ты помнишь моё лицо в этой некрасивой сцене с врачом? О, ка-кой ста-рый и-зу-ро-до-ван-ный муж-чи-на! Кто мо-жет е-го лю-бить? Толь-ко Дез-де-мо-на лет шест-над-ца-ти.

Коридорная вошла — «ну, вы выезжаете?» — и обалдела. Как Машка доводила её до оргазма. Красивая картинка. А та улыбается. Иди сюда, — кивает молоденькой коридорной, — иди с нами, мы тебе тоже сделаем. Что вы мне сделаете? Восторг и упоение. Они могут так затопить, что не выплывешь. Свихнёшься. Или отчаяние и стыд. Ну, я не знаю.

Как ты сказал? — «полный привет» или «полный вперёд»? Я сказал «чёрный квадрат». А мне послышалось. Двое ебут одну — ох, как это сладко. Она просит ещё. Надо быстрее, а то время уходит. О, как сладко кок о кокосах толкует! Дёргается, скребёт, мешает. Потом наступила мёртвая тишина. Как будто бы она изошла кровью. Только слышно, как по низкой кровле ходят — одна, две — эти *кары Господни*. Молча. Проснулись и промышляют там что-то. Разве уже утро? А ты думала! Посмотри на часы. Неужели восемь?

С утра побрился. И галстук новый. В горошек синий я надел. Новые жильцы приехали и прибалдели. Что это за бордель тут у вас? Коридорная быстро испарилась. Придётся самим смотреть выпуклыми глазами с похмелья — и ретироваться, не объяснившись. Пусть кто знает, тот и мычит что-нибудь. Мы ничего уже не понимаем. Только помним, что в два часа у нас уже поезд. Собрать бы разбросанные вещи. По разным комнатам улыбки. Наклейки на дверях. Ты помнишь, как мы встретились с тобой? Я этого никогда не забуду. *Огонь видала, шрам у живота, но колени пса*. Как дальше? Сейчас скажу. Зеркально. — *На спине локон. А то вижу маршала дивного*. Да, палиндромы часто бывают пророческими. Это за ними водится. Авалиани тоже достигал прозрений порой. Всё это суть живой журнал. Да нет, дело сложнее. Но как объяснишь? Называть своими именами? — Напрасные слова. Инсталляции сознания.

Кстати, Лёвшин звонил. Под большим впечатлением от утреннего заседания, финального. Аню Альчук оправдали вчистую. Самодурова с Василевской — к штрафу. Не к костру. Судья-то вроде благосклонный, понимающий. Да приговор вряд ли от него зависел. Судья решил: чтоб не было разврата, жените молодца, хоть девка виновата.

Он был более чем судья — духовник, борющийся за души, влекомые заблуждением в вечную погибель. Эта двойственная роль давала ему гораздо большую власть, чем та, которой пользовались светские судьи. Тем более что он старался выполнить свою святую миссию, не стесняя себя выбором средств. Нелегко было добросовестному судье, горячо желавшему уничтожить лисиц, расхищающих вертоград Господень, раскрыть тайники сердца. И поэтому мы не можем удивляться, что он спешил сбросить с себя оковы правильного судопроизводства, которые, не допуская его до незаконных действий, могли сделать тщетными все его старания.

Не морочь мне голову. Какие там инсталляции? У нас есть два фундаментальных принципа: *несознанка* и *отрицаловка*. Через 15 дней у меня истекает «срок милосердия». То есть когда я могу прийти с повинной. А потом. Минимальное наказание — до смерти ежедневно помогать одному нищему. Нищета тщетна. Ах, если бы только это. Длинный список вопросов ко мне составлен заранее, чтобы облегчить допрос. Большинство их касается известных оргий. О малоизвестных что спросишь? Тем не менее, никто не знает, что ещё может приоткрыться в любую минуту. Человек, раз почувствовавший вкус к ним, не имеет уже ни минуты покоя. Он боится выдать себя случайным словом или жестом. Он не знает, какие толки ходят о нём и куда большая фантазия может завести его завистников. Они скоро делаются агентами немилосердной репрессии. И кто ещё может вдруг стать ментом?.. Каждое разоблачение влечёт за собой цепочку новых. Эти цепочки ветвятся, натягиваясь во всех направлениях. Пока наконец ни один хоть сколько-нибудь виноватый или причастный не может больше жить спокойно.

Небогатый не может иметь полноценного секса. Вот уж глупость! Я не достал обещанную сумму, поэтому разыгрываю драму. А он мужчина хоть куда. Он служил. В ПВО. Ты, блядь, ты видишь эту двухвостую плеть? Ты одна мне несказанный свет. Ты сейчас будешь наказана. *За что?* За то же, за что и вся природа. Потому что требует, требует, требует. О, нищета! Тщеславие тут ещё, к тому же. Вся природа — энергетический дисбаланс. Настолько, что тебе, мне и не снилось. Система, весьма удалённая от равновесия. Так сказал профессор Пригожин, биохимик. А он знает... Значит, эти деньги, деньги, деньги — тренькают, как колокольчик на корове, которую куда-то гонят. Пастись. Она покорна и смирна. Но мы-то умеем книжки читать? Хочешь спастись — постись. Ты права — стоит заработать, как сразу возникнут и траты (казалось бы, необходимые).

Чтобы ты пришла в платье и без трусов. меховые чулки? — но только к ним юбка очень короткая. С серебристыми туфлями. *Smoking blonde in stockings*. Нажимаешь — всё какая-то хуйня. Ничего не появляется. Всё — обман. А то и трояна пытаются заслать. А по асфальту каблочки. Каблочки. Каблочки. В «Доме» гораздо пафосней, чем в «Билингле». Сначала в «Билингу» поедет. А «Дом» — это на всю ночь. [Укуси суку]. К сожалению, раз на раз не приходится. Или к счастью. Это несчастье счастья. Бывает так, что всё превращается в муть и тупую похабщину. Какие-то тонкости неуловимы, и проектировать их невозможно. Вот повернётся как-то в профиль, соскользнёт. — Скука, досада, уныние — всё вялое, еле-еле. Всё с трудом. А он ходит взад-вперёд в темноте. Шаркает, возится. И ветер подвывает. Иногда с низкой крыши с грохотом съезжает лавина снега. В одном и том же случае чувства людей могут разбежаться до краёв спектра. До неузнаваемости. Как знать, что он думает? Может, он сейчас свихнётся и зарежет. Ведь зарезал Н.Ф. некогда Рогожин. Или удавит проволокой какой-нибудь. Но всё так тускло, что и это не страшно. Повернёшься на другой бок — и кое-как засыпаешь. А ещё был корнет Елагин. Тоже реальный случай, несомненно.

Катя, твой муженёк бывший жив? Не слышит. Не даёт ответа. Ведь ты на три года меня старше, а он ещё лет на десяток старше тебя. Услышала. Смеётся. — Я знала, что у тебя всегда будут живы чувства ко мне. До гроба. Я знала.

Какие чувства? Никаких чувств, кроме вялого раздражения, когда мешают или требуют. Иногда страх. Ещё обида — совсем слабая. Страх сильнее обиды — не сравнить. Если ты такой здоровый, чего ж ты плачешь? Плачú. За тупое психическое здоровье должна быть расплата. Она грозно присутствует где-то в глубине. Копится там. За над-

мение спокойствия и здравомыслия. Хоть кол на голове теши. Утешай, утешай. Плачу от жалости, ко всем, кому я не могу ничего дать. И не понимаю, почему. У меня ничего нет. Плачу от нищеты. Тут и воробей закукует.

Но, возможно, все это давно поняли и ничего не ждут от тебя. Махнули рукой. А ты не понял, тебе всё кажется. Всё равно я знала, что ты ко мне не станешь равнодушным никогда. Это уж так. Неравнодушный или нервно-душевный? А в доминошке мужички. Мужички. Мужички. Только, пожалуй, это шахматисты. Как знать. Ты представляешь: наш товарищ Серёжа! Спился! А Даниле так и не позвонили.

Вскочил и пялю глаза. Никого нет. Что это пролетело под потолком галереи из конца в конец? В темноте. Неужели летучая мышь завелась? Какими-то угловатыми рывками. И обратно. Бесшумно. Или чёрная моль. Вино и мужчины — её атмосфера. Как раз то, что нужно. Нетопырь, не то упырь. Почему «не то»? По-моему, одно и то же. Шампанское, налитое в фаянсовую чашку, давно уже отдало все пузырьки в эту атмосферу. Полчашки стоит — спокойное и светлое, как моча. Нет, не так. Горечь горячая — остыла и стала просто вонючая? Нет, плёнка сладости намертво облепила губы. Не оближешься, не отплюёшься. Наверное, уже утро. А ты посмотри на часы.

Да, кажется, что вот-вот поймают, изобличат — и будут жестоко теснить и ругать за мою неправильную жизнь. Не так, как ты ругаешь, потому что всё знаешь обо мне. Ты не ломаешь, а только жалуешься. Они будут в шоке и будут стараться сломать. Правильная или неправильная — она моя. У них своя. Тупик совершенной чуждости. Нет общих предметов. Только пытка безмолвия.

Пустая бутылка из-под шампанского стоит у косяка. Он мог бы насторожиться. А теперь. — Дверь открыта. Что там происходит?...

— *Пусти! Пусти!* — крикнул он тонким голосом. — *У дедушки есть бумажка!*

Так жалко, беспомощно — в третьем лице о себе. Я в ужасе заглядываю в распахнутую дверь квартиры. Куда он только что вошёл, не успел включить свет. — Темень. Какая-то слабая возня. — *Кто там? Кто там?* — Трусливый, вязкий, невнятный крик еле-еле проталкиваю пузырьком сквозь губы. И проснулся от этого чрезмерного усилия...

В галерее всё видно — до дальних сумрачных углов. Рядом с моим лежаком горит настольная лампа. Тихо, обыкновенно, мирно. Никто под потолком не летает. (Лишь порой скрежещет подтаявшая лавина снега, съезжая с низкой кровли.) Я ворочаюсь бесконечно. Сердце колотится о жёсткую лавку. Боже! Какая ещё бумажка? Что он имел в виду, мой бедный отец, в эту страшную минуту?

Потопал в носках в сортир. Напрасные слова. Какие там слова? — я забыл. Кто-то и тебя потом с виньеткой сравнит, в которой что-то. Выглянул в оконце — рассвет на заднем дворе. Снова снег летит. Завтра первое апреля. Каждый день подсыпает.

(9)

Не люблю публичность. Я вообще ничего не буду говорить. На самом деле это приглашение к какому-то общему разговору. Моя попытка связана с попыткой попытаться. Я мастер по преодолению страха. Мне кажется, что я наиболее здравомыслящий из всех. При том, что я совершенно не мыслю. Похоже, что, когда человек начинает систематически мыслить, он перестаёт мыслить *здраво*. Есть такое подозрение.

[Мудро горд ум. Как мудро горд ум!] Что касается мыслительной деятельности, то, возможно, продолжая поиски, мы когда-нибудь получим в полной мере приемлемую совокупность идей. Прежде, чем всё кончится, хотелось бы показать, как упомянутая квантовая активность должна неким невычислимым образом связываться с поддающимся вычислению процессом атрибуции. Всё это имеет прямое отношение к называнию.

Мы область призраков обманчивых прошли. Вот уж область, которая не оставляет после себя ощущения призрачности. Нет, весьма надёжная реальность. Область затянувшегося молчания. Беспредметный разговор. Что сказать? Я глупый, у меня нет слов. И нет мыслей. Когда меня спрашивают, я ещё могу вдруг ответить что-нибудь интересное. А так — нет. *Silentium*. Только не глубокомысленный *silentium*, упаси Боже. А самый что ни на есть дурацкий.

Глядит волчком. Не то слово! Сами посудите: салон, где слово «миостимуляция» — пустой звук? Да таких уже давно нет! Но, тем не менее, нет и тени сомнения. Вот тебе слово — «*рюлса*». Что это такое? Это чего-то неизвестное, чего не существует. А его уже назвали. Звук-то какой! Ну, очевидно, это какая-то китайская таратайка. Или, пожалуй, кибитка. Император Шихуанди так повелел.

Может быть, патетично звучит, но это симфонический оркестр сыграл скромную партитуру, и это не может не быть сразу видно. Мой критик хотел обиняком сказать, наверное, именно это. У нас градусов 25 Цельсия, босиком ходим, семечки бросаем в грядки. Всё как много лет назад. А урок переплётчика я ведь выучила. Умею мраморизовать обложки. А содержимое книг — Вашим доменом. (Что это значит? Наверное, что-нибудь типа «Вашиими молитвами». — Как поживаете? — «Вашиими молитвами, очень плохо», — шутил один мой знакомый батюшка.)

Вы спрашиваете? Конечно, персиковую! Ура! Половину я сам выпью, а другую половину припрячу в своём сарайчике и буду подманивать туда друзей — Киясова, Хмелевского и прочих, кто забредёт: «А ну-ка попробуй, что мне из Сербии прислали»... А вы говорите! Нам бы лишь бухнуть. И тогда сразу ничего не сможет произойти. И не сумеешь ничего никому объяснить. Спать. Тоже как бы не так. Не прямо.

Элмар учил его быть асоциальным. А он, наоборот, как раз хотел прийти в себя, как-то определиться. Поставить себя на твёрдую ногу. «Зачем мне специально — асоциально?» — говаривал Нестор грустно. Да уж. Это мы умеем. Нам всем нужно нечто прямо противоположное. Нет, это вам только кажется. А на самом деле вы погрязли в стереотипах, навязываемых социумом. Не надо утрировать. Здесь [мода — задом] бздеть. Куда ж денешься? [Да, здесь сед зад]. Вот это уже лучше. Более точно, по крайней мере. И трудно представимо. Там есть ещё такой маленький старичок. Его зовут сэр Дэвид. Любитель попок. Пристроился там и участвует в спектаклях. А Ганин подал в суд на Дарью Донцову за то, что она пишет плохие романы и оскорбляет его вкус литературный, а на самом деле за то, что она чего-то там высказалась в его адрес. Сегодня специально посмотрела многие передачи по телевидению. Они интересны, но ничтожны. А многие даже и не интересны. Достопрезренны. Переключаешь, тыкаешься. Нет, детективы-боевики порой можно смотреть. Но всё равно: некоторые — настолько топорны, что вызывают циничский хохот.

Узнал, что автор — Рукавишников, и он ещё чемпион по каратэ. Так что я если буду что-то говорить, то, пожалуй, ещё огребу. Памятник Достоевскому. Там под разными углами появляются разные аспекты русской литературы. Это замысел? Думаю, что нет,

увы. Брэнд Достоевского. Вся физиогномика этого образа. Там всё тело Достоевского переломлено пополам. Слом происходит через желудок, через живот. Голова Солженицына. Рукавишников, вероятно, отразил какое-то ожидание и какую-то неудачу.

Почему вы меня обзваниваете? Вы должны к Оле обратиться. От меня тут ничего не зависит. Слушай, а «ПО» есть новый? Нет, я Кедрова, эту идиотическую рожу, просто не могу уже больше видеть. А то ещё почитай «Московский мизантроп». Антигуманистический. Ну, понятно. А почему я должен вступать в «Вавилон» или там «Авторник»? Или молча терпеть, чтобы меня «вступали» без моего ведома? Да я лучше в ДООС вступлю! Буду каким-нибудь стрекомудиком. Вот тебе раз, это Кузьмин-то беззащитный? А между прочим, многие... Когда говорят «беззащитный», в этом проявляется какая-то нежность. Я слышала это от Михал Палыча один к одному.

Ну, понятно. Вот настоящая деконструкция. Может, это обман всё? Нет. Они оба напились. Придётся покупать новую посуду к новому салону. Говорила Мите: смотри, кому делаешь коктейли. Ведь ты работал барменом в Южном Бронксе. Ты можешь отличать. Вот они, гонения на художников. Это не цензура, а цезура. Вы, может быть, меня помните. Я на одном Вашем вечере выступал против матов.

В самом журчании слова «верлибр» есть некое сытое самодовольство. Матовость. Отсутствие блеска, сверкания. Отсутствие риска. Блеск и риск создаются в стихе только рифмами. Верлибр — поэзия добропорядочно-буржуазная, которая шарахается от скорморохов, джокеров, трикстеров. Ну, не шарахается — так воротит нос, морщится. Дескать, бомжи вы, воняете. Ох, сам говорил: все мы, поэты, у Бога в гостях. Домик, квартира, коттеджик — этого нам не иметь, не понять. Стриж презирует скворечник.

И он — как на чужбине. Он вёл себя перед русским языком, как бы перед словарём, эллиптически, и орудовал остранённым синтаксисом — тюркским, т.е. агглютинативным способом (он говорит «я-сердце» вместо «моё сердце», «ты-день» вместо «твой день»). Мне это знакомо из венгерского. Это насчёт Айги. А переводимый мною Гаспаров серьёзно заболел. Подумайте, может, и умрёт, а я не буду знать. У него тоже домохозяйка-сотрудница (хоть и дети есть), с которой я «переписываюсь», и если угожу, тогда и передаёт она письма маэстро. Но, видно, не угодила уж давно. Вы не имеете понятия, как я такое ненавижу. А папа Римский умер, да. Только что болел — и вот уж умер.

[Укуси суку]. Какой там «Укус ангела»? — Это где он старается живописать шекспировские страсти, а у него выходят какие-то подростковые понты. В самом названии уже всё это видно. Нет, Кононов-то получше будет, поверь мне. Не хочешь читать — поверь на слово.

Ой, чего-то выпили, видимо, много. Заносит. Просто какие-то философизмы в популярном изложении. Одни пьянеют от реальности, от фактуры. Другие от идей. Хорошо — не лицемер. Представляешь — как расслабиться и всё увидеть вот так вот в настоящем свете. Дело-то не в радуге. У них просто хрусталик души. Но это ты редкий случай как бы привёл. В основном-то все люди дальтоники. Это другая уже история. Он сказал так: заснеженный вандализм и далее пятикопеечная стилистика. Кто??

Именно временно. Но, тем не менее, здесь вот такой объективный взгляд на нашу литературную империю. На самом деле оказывается, что при внимательном анализе порядок чувственности совершенно заменяется. А когда начинаем выяснять, то видим, что слуховая доминанта там доминирует. Достоевский слепой. Там же всё происходит из-за того, что кто-то чего-то неправильно услышал.

Что происходит? Никакой поэт Степанов, ставший влиятельным издателем (как он думает), зачем-то обругал умного и тонкого Александра Ерёмченко. Обругал совершенно бестолково. Неплохой верлибрист Милорава зачем-то нахваливает бесцветного, занудного Сокульского. Почему Степанов не может поругать Сокульского, а Милорава — похвалить Ерёмченко? Тенденция этого смешного журнальчика, что ли, такова. Нет, эта публикация в «Знамени» Ерёмы действительно похабная. Мне даже стыдно было читать. Хороший поэт когда-то был. Зачем надо дрянно публиковать. Только ради имени.

Спасибо Вам за проведённый вечер, Миша! Особенно за Андриюшу. Ну, ты понял, да? — Карпова. Я из дома вынес все банки с крышками. Всё, я дальше позвоню. Нет, я организую просто чуть-чуть закуски. Иногда кормят протухшим супчиком, таким трёхдневным. Выпьем из Эпштейновского стакана. Всё нормально будет. Ну давай. С Богом. Коля, налить тебе? А Лёня Пурыгин с какого года? А что, Рубенс не сексуальный? А что, он эротичный? Курить хочу, курить. Лёня с 54-го, моложе тебя и меня. Ты кого любишь — меня или Колю? Зачем тебе это нужно, почему ты со мной играешь? О, Эпштейновская вода! Да не нашёл, а купил, а больше у меня денег не хватило. Хорошо, что я бросила курить. Правильно, что ты мне наливаешь. Нет, там мало, между прочим. Нет, ну всё относительно, конечно. Ты всё спутала. У меня был перед глазами твой текст. Метафора такая. Как броненосец «Потёмкин». Он всё забыл. Красивый, молодой, потому что кудрявый. И к тому же интеллеktуал. Я же номера плохо запоминаю, поэтому я тебя буду цитировать. А сколько у тебя картин? Много, но они все там. А сам ты где, почему? Я люблю Россию.

Нам придётся до некоторой степени положиться на своё интуитивное восприятие действительного смысла этих слов. Я намерен показать, что если «причина» так или иначе порождается нашими сознательными действиями, то она должна быть весьма тонкой, безусловно невычислимой и не имеющей ничего общего ни с хаосом, ни с прочими чисто случайными воздействиями.

Почему Вы на фестивале верлибра читаете рифмованные стихи? — Потому что они *свободны* от тех правил, которые навязаны современному «свободному» стиху. Например, обязательное отсутствие рифмы. А я тоже поэт. Вы, наверное, меня не помните, т.к. я сидел в рядах слушателей. Ваши коллеги на меня обиделись из-за моего поведения, т.к. я не переносу матов в поэзии и в жизни, и я там по этому поводу высказался. Может, Вы там меня как-то и запомнили. Хотел сказать, что, несмотря на маты, мне очень понравилась Ваша поэзия. Она намного лучше той, что звучала из уст Ваших московских коллег.

Что такое верлибр? Да хрень полнейшая. Не утрируй. Приятно, что ни говорите. Ничего не говорите. Это не кладбище, а лежбище. Может, стойбище? Да нет. Насколько нужно было напрягаться, чтобы прочитать три стихотворения. Смерть уже не за горами, так что нужно тормозить. Сила вещей велика. Больше, чем сила слов? Ну! Даже и сравнивать нельзя.

(10)

А вряд ли кто ещё придёт. Как дождь хорош. Свеж и спокоен. Как Бог свят. Я пас. Твоё слово. У меня слов нет. Я жертвую фиговину. Ты жертвуешь фигуру? А зачем? Чтобы фиговой было всем. Для поддержания напряжения. И интерес чтобы возрос. Ну, твоё

дело. — А я ответственен: каково слово, таково и дело. Это излишне. Собственно, у нас игра полуответственная. Соченка рассусальная. Да если б к этой соченке ещё и удачку в стоячку. А так — одна меланхолия. Я приношу в жертву фигуру вальта. Он ложится на d7, где бьётся семёркой, как видите. А куда не денешься. И тогда получается такой эндшпиль, друзья мои, что вы все почешете в затылках. Это как минимум. — Эге. Интересно. Ты это дело долго обдумывал? — Да можно сказать — с детства. (А мне сейчас 54.) Я готовил сюрприз ко вторнику второго августа. Но приходится выкладывать раньше. Ибо омертвело всё. Гораздо быстрее, чем я думал.

Он пошёл на работу третьего мая. А институт закрыт до десятого. Охранник его не пустил. «Вас нет в списке». Приехал назад. А он по дороге покупает всегда сдобную булочку. У них там днём чаепитие. Смотрю — в хлебнице лежит эта булочка. Господи, я чуть не плачу над ним.

Кто-то сообразил — повесил на кабель интернета. А он тонкий, кабель. А провода ещё тоньше. Мишурные — называются. Повесили бы на деревья. Вон гвоздь вбил. Правда, гвоздей нет. Да я вон из досок бы повыдирил во дворе. У нас здесь коллекция. Всё, до чего можно дотянуться, обломано. Синиц кормильцы. А я руку запуц в кормушку, как будто что-то кладу. А сама беру горсть семечек. Потом иду и лузгаю. Когда сырые кладут, когда жареные.

Зелёный чай — «Монах», а чёрный чай — «Монарх». Что ж, всякое лыко в строку. Ах, он монофизит. Ах, он ересиарх! Коля, ну как ты поживаешь? — Да я даже не знаю, что тебе на это сказать, отец Дима. Как ты говорил когда-то? — «Вашими молитвами, очень плохо». Давно всё это было. С тех пор дискурсы постепенно легли на разные галсы. У тебя в одну сторону, у меня — в перпендикулярную. Нет общего предмета для разговора. Да неужели? Бред, брат. Это ты так рисуешься? Люди гораздо более схожи, чем различны. — Отец, фильтруй овец, как Полифем. — Хе-хе. Тогда уж — как слепой Исаак, благословляй на ощупь. Значит, ты думаешь — я «отстал»? Скажи уж прямо. А тебе не приходит в голову, что я могу быть очень даже в курсе? Духовник, принимающий в среднем по десять исповедей в день (пусть даже восемь из них от старушек), — как может в курсе не быть, а? — Я испытал многие ужасы, и у меня не осталось ни мнения, ни знания. — Ах, вот оно что!

Актёры молятся тайком, вслух роли говоря. Тычешься мыслью во что попало. Проходят разные темы. Сменяют друг друга, возвращаются. Круг их совсем не широк. Замкнут. Где-то надавить посильней, разорвать. Не получается. Всё вязкое. Всё липнет и опутывает. Как-то радикальнее. Разорвать круг самой жизни. Впустить неизвестный воздух. Привычки — продолжение тела. Можно для начала их попробовать уничтожить. Тоже не просто.

Лежу и успокаиваю себя: как-нибудь всё образуется. Перейдёт это невыносимое время. И ведь что такого в нём особо невыносимого? Ничего, собственно. Практически на пустом месте всё. Даже стыдно кому сказать. Откуда ж такие муки, что умереть уж готов? Дефрагментацию жёсткого диска запусти. Она будет работать себе до утра. А ты смотри, как разноцветные квадратики бегают, перестраиваются рядами. Ни о чём не думай. Постепенно беспокойство уляжется. Потом уснёшь.

Лучший способ, чтобы перестали звонить, это просить у всех денег. Ну, хоть и не прямо. А в общем да и прямо: «Чего звонишь? Купи авторские права на “Муру”». Надолго потеряют меня мои кореспонденты. Может быть, навсегда. Ресипиенты, what-his-нэймы. Я менял имена из огня в полями. Не надо утрировать. Ну сколько можно.

Молочный комбинат. Пошехонское шоссе. Вкус традиционный. Я знаю, откуда этот кефир. Из совхоза Куркино, где работал Радзевич. Ещё тогда коров разводили. Это по дороге на Кубенское, не доезжая. А в Кубенском ему было определено отбивать ссылку. Я всё больше и больше думаю о Радзевиче. А ты зачем отдала мешки? Это наше единственное имущество — палатка да спальники. Теперь неизвестно, что с ними будет. — Я твой один раз уже стирала. А мой толстый. Двухслойный. Вот сныть нам в снедь я собрала. И чего, теперь её надо в салат резать? Окрошку на кефире. Сныть надо сначала мыть.

Это, оказывается, Бетонов умер, а не Барабанов. Я видела сообщение в интернете, думала — шутка. Там все хохмят, на Ковровском сайте. Следующая остановка — Новка. Потом Камешково. Нормальные пробки. Ослабляют звук, но, в принципе, всё слышно. Хоть всё время носи. Прививки новых привычек. В Тереховицах ещё больше сядет. Берёзы распустились. Быстро: за два дня. Особенно плакучие. На них листья почему-то крупнее. От «Новой жизни» до Новок без остановок. Старая трава вдоль дороги выгорела. Обожгла нижние ветки сосенок. Это такая привычка — каждую весну траве гореть. В неустановленных местах перед приближающимся поездом. А сныти-то, сныти свежей понаросло — целые луга по откосам. Тут и соловей закукарекает.

Здесь я шёл от Колокши до Юрьевца — пешком по железной дороге. В прошлом году. Петушки — имеются в виду не куриные петухи, а грибы. Это так по-воладимирски лисички называются. Тут, наверное, в лесу лисичек растёт много. Или раньше росло. Тут же, в газете «Голос культуры» №1, в которую были завернуты бутерброды, обнаружилась и заметка о Бетонове, написанная старичком Кузнецовым. Оказывается, его настоящая фамилия была — Пелевин.

Ты давно была на кладбище? Ты помнишь, как ты мучила меня? Ну надо же так позвонить. Из-за тебя я сожгла две последние котлеты. Теперь детям есть нечего. Вот это, что ли, сморчки? Да, только уже срезанные. Корни от сморчков. Тебе обязательно нужно найти? Митя сдавал зачёт по судебной медицине. Там была задача — по симптомам установить причину смерти. Оказалось, умер от яда, содержащегося в строчках. Строчков опять в больнице лежит, сказали. В какой — неизвестно. А что, хорошая фамилия для поэта: *Строчков*.

Ещё и завтра, передавали. Да, эти дни, как бы. В Андижане произошли ожидаемые события. Белые тюльпаны расцвели. Я боюсь людей. Когда прохожу мимо них, так обязательно твержу про себя Иисусову молитву. Иди на экскурсию, в разорённый храм моей души, который превращён в музей. Посещение музея произвело на меня прекрасное впечатление, и от всего сердца я мысленно поблагодарил того, кто невероятный труд закладывает в это благородное дело. В столовой я ел вкуснейший борщ и гречневую кашу, запив двумя стаканами чая.

[Мономил с лимоном]. Соловья баснями не кормят. Даже здесь слышно. Откроешь ночью форточку — покурить, — и слышно его через улицу, за домами. А в Кратове над Хрипанкой, там соловьи вообще дают дрозда. Ты не пой, соловей, перед кельей моей. И молитве моей не мешай, соловей. Батюшка, можно ли молиться, когда куришь? — Молиться всегда можно. И нужно. — Но разве можно *курить, когда молишься??* Два соловья — пара. Вот Ольга вынуждена была идти в церковь, тем евши, что у неё было, второпях.

Ловцы душ в сети арифметических тетрадок для начальной школы. «Иисус — Бог или Сын Божий? Как вы думаете? Ведь многие сейчас по-разному...». — Дон Хуан учил

Карлоса: «Союзники всегда ходят парами, как монахини, собирающие пожертвования». Вот так же по двое подкатывают и эти софистики-проповедницы, свидетельницы Иеговы. А к Аврааму-то приходили *три* ангела. Вот то-то и оно. Элементарная, наглядная арифметика: одно дело — двойка, и совсем другое — тройка. А три суфия, которые явились археологам, раскопавшим гробницу Тамерлана? 22 июня ровно в четыре часа. Жуков сказал: «Хорошо. Когда я буду в Москве, я доложу товарищу Сталину». А сей товарищ знал в цифрах смысл. Он их чувствовал, и чувствам своим придавал куда большее значение, нежели праздной софистике. Сам дошёл — и доводи лошадь масс.

Мой бедный папа думал, что я поехал на Сенез. А я был в Тарусе. Потом он поехал к сестре на 43-й. Я поехал в Кратово. Это прошлой зимой и весной. Но к дяде Жене я не заходил. Упаду рукой на голову. Что дальше? Ложись, накрывайся. Костёр горит, потухнет. Но не совсем. Утром разожгу из углей. Когда мы поедем на речку Вытебеть? Как смеете вы мне тебеть? Когда мы падаем лицом в присутствии воды, мы долго падаем в газон, в приличные цветы. «Дядя Ко-о-оля!» — разносится вдоль речки Хрипанки. Лают собаки. Стреляют петарды. Ближе тарактит, протягиваясь, электричка. «Это вы Муську испугали? Она забрехала». — «Да нет, она меня знает». — «Всё равно иногда — кто-то выйдет из-за угла...»

Он — везунчик. Сначала всех нас раздел, а потом, голых, обул. «Сколько можно сделать человеку добра, просто играя с ним в шахматы!» — говаривал отец Дима. То же самое можно сказать и про преферанс. Или это будет чересчур игриво? Но поражение от победы ты сам не должен отличать. Не доумеваю: если это о стихах, то это полная глупость. Кто же будет отличать, если не ты? Этого не отличают лишь начинающие графоманы, которые не хотят обучаться на собственных ошибках. Поэзия должна быть системой с обратной связью. Предоставить эту связь Диме Кузьмину? Или это слишком игриво? А играя в домино, тоже делаешь добро? — Сколько угодно! Пенроуз, я читал, описывает *полиоминно*, которым выстилает плоскость, как паркетом. Чушь. Вот например, мы выстилаем словами белые листы. Есть там зазоры? Есть. Нет. Конечно, есть! — У кого как. — У всех есть. Паркет Пенроуза с дырками! Паркет Всеволода Некрасова из сплошных дырок. Нет, ну не сплошь, но я тебя понимаю: в основном, из дырок. У доминошников и поэтов разные цели. Не у верлибристов. Это зависит от рифмы: если употребляют рифму, значит, как доминошники. А что есть «гитлер»? — напони. Я забыл. Кажется, шесть-шесть, максимальный дупель. Ты уверен? Ты уверен, что не следует говорить «дубль»? Уверен: не следует. Нет, ну сколько можно! Сколько можно! Сколько можно сделать человеку добра? Да сколько угодно! Хватит, не утрируй руй. Слон СЗ — шах. Звенит в ушах. Ты не пой, соловей, возле кельи моей. Бабочка, вокруг кельи моей вейся, кружись. Безмолвно.

(11)

Старó лечью, пас в озере зажатый, я протащу нас мимо сто ролей. Ты не заметишь мне и не замашешь. Скотине посвятили ставро-день.

Зафонáбьедь пью. Лефа́к неутолимо. В этот полдень лез. Дурачэс.

Сто ро́лей пас я протяну нас мимо. Как папоротник в этот полдень рос.

Кто включил компьютер? Открываю глаза — комната озарена светом от экрана. Я задрожал, выглядываю из-под одеяла. Никого нет. Не мог же он сам включиться. Или

мог? Встал, смотрю: на экране разложен «солитер» — последний номер, 32000. Тут уж я подумал, что смерть меня так явно зовёт. Или схожу с ума.

Так что надо тормозить. Приходится. Хотя многое ещё. — Мне кажется, что, пытаясь на данном этапе дать слишком точное определение термину «сознание», мы рискуем упустить ту самую концепцию, которую хотим изловить. Сможет ли такая концепция «причины» приблизить нас к пониманию свободы воли — вопрос будущего. Которого нам, быть может, увидеть не суждено.

Она всё сжигала, и эта Саша, невестка, отобрала у неё всю посуду. Ей не в чем было готовить, бедной. Одна какая-то маленькая кастрюлька у неё оставалась. Напоследок она уже только яйца себе варила — и говорила: «яички — хорошая еда». А я приехала — студенткой была, — купила ей сковородку. Так меня надули — подсунили бракованную. Она стала готовить, так у неё сразу ручка сломалась.

После похода эта кастрюля превратилась в «Острюлю». Дует-дует ветерок. Раздувает костерок. Что дальше? Закипает котелок. Всё очень просто. Сейчас будем чай заваривать. Это, оказывается, называется Хлыбы́. А я думал — Хлыбы. Может, здесь кругом хляби. И действительно: всюду родники, лес заболочен. А Хлыбы — я тогда не знаю, откуда это.

72 года. Она пошла корову доить. А у неё давление за триста. Вот её и шархнуло во дворе. Так и не встала. Надел бы сапоги. Не хочу. Они, оказывается, тоже из лесу носят дрова. Вестимо. А откуда же? Как идём в лес, так и прихватываем. Однажды мы их застали. Они — в топоры, мы тож. Мы туда, в сторону Черноситова. Надел бы сапоги. Не, не хочу, я в них упреваю.

Чка к чте — что это такое? Не знаешь? А это привычка к чтению. Он читает газету и усмежается. А она заглядывает и показывает, где ещё можно усмехнуться. Трясаясь в прокуренном вагоне, въезжал в Монголию Рубрук. А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят, как Городницкий. Я чувствую настоящую веру, но я не верю в настоящее чувство. Мне приходилось отмыкать его заплёванную чашку. На ощупь открывать калитку... Ну чего вот он спит, да? На солнце надо зверю. А он спит, как зимой. После того, как он удовлетворил свои желания, он вот и превратился в сонную тетерю.

Запели соловьи. Настала селяви. Соловья без словаря не поймёшь. Сосед полковник третий день. Сам не свой. Как больной. Не морочь мне голову. У тебя были когда-нибудь знакомые полковники? Не знаю. У меня был один знакомый шахматный гроссмейстер. Ну, это всё равно что маршал. Нет, однако маршалов всё же поменьше будет, чем гроссмейстеров, наверное.

Вот это козодой? То есть с таким звуком доят козу, так что ли? Здесь водою сочится гора. Тут одни комары да бобры, да приходят с горы кабаны. Укусил клещ. Кусочек ватки намочи в водке. А утром в этом же кусте начинается какой-то детский сад. Нет, этот соловей был лучше. Не ученический голосишко, как у того, а матёрый, изошрённый. Только от него почему-то всю ночь писать хотелось. Такое бульканье. Как проснёшься — лежишь, лежишь, ворочаешься. Потом всё-таки не можешь утерпеть, вылезает из палатки.

В Тарусе мы обнаружили, что ивы названы плакучими потому именно, что у них с листьев капает вода. Проходишь в сухой жаркий день под сенью ивы — и тебя обдаёт прохладным душем. А чего им делать? Приехали и ходят. Тут дача Рихтера, там могила Паустовского. Это не поприще, а какое-то гульбище. Может, торжище? Тунгусский метеорит. Вилжуйский энцефалит. Сколько слов красивых! Что с ними делать?

Это та же самая кошка? А там лежит эта куриная ножка. Ну, вот поэтому они и зачастили. Она в кусты утащила для большей безопасности. Да, чего-то жрёт такое. Господь сказал ученикам: «Коль вилки нет, *берить рукам*».

Он подчёркивает, что, хоть он и показал, что континуум-гипотеза является неразрешимой в рамках процедур системы ZF (Цермело-Френкеля), вопрос о том, является ли она действительно *истинной*, был оставлен им без внимания. И обещает дать некоторые догадки-подсказки относительно того, каким образом этот вопрос можно действительно *решить*. В то время как большинство считает, что ZF охватывает все методы рассуждения, необходимые для математики. А иные даже настаивают, что приемлемым может считаться лишь то доказательство, которое можно сформулировать и произвести в рамках ZF.

Вопросов всё больше. Разве не ты изнасиловал плюшевую лисичку? Вряд ли. Как можно *изнасиловать* плюшевую игрушку, если она не сопротивляется? Но ты же сам рассказывал! Не мог я такого рассказывать. Может, кто другой, или ты где-то читала? Нет, не читала. Ты рассказывал. Загадка на загадке. Я не рассказывал и не насиловал. Я начал поэму «Лисий брод», но бросил, не дописав.

Даже ходячие мотивы постсезаннизма он умел организовать так, что они выглядят открытыми впервые — в силу остроты чувства индивидуальности каждой предметно-пространственной коллизии, изображённой им.

«Редукция волнового пакета». — Какие красивые слова! Какие весомые, величественные. Вот достойное имя для подлинной реальности. Я чувствую волнение, даже трепет, когда слышу их, словно бы я с этой реальностью встречаюсь в их лице лицом к лицу.

На солнце какая-то дымка. А на сердце какая-то думка. Что-то изменилось в отношении. Словно бы стали косо смотреть, под другим углом (ракурсом). Не из-за того же, что я брал 200 рублей у Валентина? Нет, кто-то вообще объяснил им, и они сговорились, что я не *хозяин*, что со мной нужно по-другому. Сосну без меня спилили. Вот за это время и изменилось, что я не был. Заметно. Может, в сарае что нашли из любопытства (кстати, я забыл посмотреть марки), — и по совокупности вывели на чистую воду? Хватит, мол, с ним, предел. Он лжёт всё время. Он ничтожен и никчёмен. Сам уехал в Ковров, а заливал, что на Сенеж, работать. О, сладкое Медынцево! Тебя ли не будет скоро, раньше, чем меня? Там тоже ощущается недовольство, усталость. И тоже вырубаются лес. Сожгли мы там кипятильник. Вместо кинокамеры воткнули его по ошибке. Но здесь-то, вроде, я ничего не навредил? Туалет так и не удалось снять. Верней, сняли, но плохо. Смазали... Кстати, может, они в интернете всё нашли и прояснили, так сказать, общую картину? Исчислен, взвешен, оказалось, что довольно лёгко... Тоже с этой кинокамерой. — Сколько денег они в неё грохнули!..

Между прочим, Сорокину я когда-то говорил. Нет, не говорил, но нужно было сказать. — Что такое письмо, может быть, очень вредно для души. Войдя в привычку, оно деформирует взгляд на мир. «*Душа* есть слово. Сочетание букв. Меня интересуют только сочетания букв, а они не могут мне никак повредить», — сказал бы он. И покривил бы душой. На самом деле он занимается только своей экзистенцией, — так же, как и я. Только, увы, более радикально. (Увы — для меня?) Хотя, возможно, он уже зачерствел, и всё, что он делает, скользит по поверхности? Раньше так не было. В любом случае, он делает добро душе читателя, выводя её за рамки. Жертвуя при этом собой. Или уже не жертвуя?

Или взять живопись по материальной линии. Куда девать картины? Музеи полны. Новых нет. Рабочий не может заказать свой портрет или купить пейзаж. Художники-живописцы состоят фактически на пенсии госзаказов. Молодёжь работает по журналам и театрам. Не талмудьте, товарищи критики, головы новому поколению, не делайте вида нужности и расцвета живописи. Во Вхутемасе на живописном, благодаря неясности, учится 300 юношей. Куда они выходят? Необходимо для доживающих живописцев открыть Страстной монастырь и честно сказать: «Это пережиток буржуазного строя». Искусство всегда процветало или в стране отсталой или в стране реакционной. Искусство — это опасность.

Вдали играет странная музыка. Не вдали, а здесь, за железной дорогой, где раньше был пионерлагерь. Бог знает, что там теперь. Задумчиво поёт большой хор, сопровождаемый четырьмя нисходящими грустными аккордами. Это длится без конца. Слова разобрать невозможно.

По-разному всюду. «Доктор, я ссу в четыре струи». — «Пуговицу проглотил. Следующий!» — В Первую Градскую он просто влюблён. А Онкоцентр, где ему надо теперь быть, он терпеть не может. Такая, говорит, циничная атмосфера. А в Первой Градской — там, конечно, поставлено всё на православную ногу. Вот тебе и разница: смерть — и смерть.

Они сказали — сейчас будет *сет-болл*. «Болл» — отвратительное слово. Сколько в нём наглости, самодовольства. То есть, разумеется, я имею в виду филологическую наглость... Если бы все вещи назывались только английскими (американскими) именами, им следовало бы тотчас отправиться на вселенскую помойку. По счастью, есть ещё китайские имена, введённые когда-то императором Шихуанди.

Это, скорей, не игрище, а торжище. А что ж ещё? — Сборище, гульбище. Может быть. [Нищ? — Нежь женщин]. Лучше о себе ничего не рассказывать. Всё равно никакие достоверные сведения передать не удастся. Большинство людей не доброжелательны. Почему-то они всегда истолкуют тебя превратно, даже уродливо.

Фейнман вспылил: «Не слушайте, что я говорю, слушайте, что я имею в виду!»

Мне говорить не надо. А папе надо, ему не хватает. Он и страдает, наверное, от моего молчания. Не понимает. Думает — у меня дурное настроение. А у меня нормальное.

Как бы ни обстояло дело в действительности, в самой идее о том, что превосходство человеческого разума над точной машиной достигается за счёт *неточности* разума, мне видится какое-то глубокое противоречие. Особенно когда речь идёт о способности математика открывать непроверяемые математические истины, а не о его оригинальности или творческих способностях.

Что есть палиндром? — Да хрень полнейшая. — Не скажи. [Оревуар, родная Андорра! Уверо]вал — и вот погибает. И собрались ко мне палиндромисты. И собрались ко мне минималисты. Концептуалисты и антиглобалисты. И начали совместно утешать.

Ну что теперь делать с этой коробкой? Она вся покоробится. Хочу высушить — и второй раз оставляю под дождём. Нет, это уже не коробка.

Скажите, пожалуйста, эта кислородная вода не очень кислая?

(12)

[Дуб — шалаш буд]. А у тебя хокку разве все классические? 5-7-5? — Классические./ Все без исключения./ В том-то и прикол.

Когда б не рифмы, умер, право. Я мучительно напрягаюсь. Вот-вот, мне кажется, я вызову к себе образ того сибаритствующего молодчика, который это сказал. Вряд ли это Ходасевич... Нет, решительно не он! Он нервный, он не мог сказать «*право*». Не ямбом ли четырёхстопным? — Прошу учесть: я тоже собутыльник. Вытянешь ли под одеялом ногу — вдаль, где холодно (а потом станет тепло), или наоборот — согнёшь, выставив вбок колено, а стопу другой заложив за голень, — при каждом таком движении меняется мир. Я уж не говорю — ворочаться с боку на бок. И вдруг вспомнил: это сказал Бердников! Вот ведь козёл низкорослый!

Опять эти одинокие козлы. Конечно, это кузнечики, а никакие не козодои. Птица бы давно выпорхнула, мы бы увидели. Не такой уж он одинокий: вон там ему соперник подстрекает. А ведь для кого-то это звучит, как песнь, как страстный призыв...

[Там холм лохмат]. Этот рой играет важную роль в экологии этого луга. Это не пастбище, а какое-то стрельбище. Нет, Сергейцево уже проехали. Следующая — Второво. Вот это здорово! Скажете, Владимирская область, кончился июль. Ну, пока только июнь кончается. Каплю жаркой земляники сладким языком. Такая баночка вмещает тысячу сто ягод. В среднем, конечно.

В засуху она не полола. У неё такая стратегия. И эти сорняки уберегали картошку от высыхания. А мама пока спохватится — у неё уже всё сохнет. Сейчас всё выдрала — даже осота нет между грядками. Или он молочай называется? Эти чёрные, лохматые пожирают листья крапивы. Стало быть, из них выведутся крапивницы, так, что ли? А гусеницы капустниц на капусте, значит, пасутся? Да, я видела таких зелёных, гладких.

Куда пропал томик Ходасевича? Он тут лежал, всё время попадался на глаза, а теперь нет его... А теперь, когда мне надо кое-что посмотреть, его и нет. Где ж его искать? Нигде не находится. — Да, я сама, бывало, в него заглядывала. Он тут лежал. Куда ж он делся? Ума не приложу. То, что предсказывается, всегда бывает слабым, а всё сильное происходит внезапно.

Мало того, что снятся, — ещё и наяву бутылки, но в совершенно иной ситуации. И выберу я ту или иную стратегию, но краха не миную. Прошу учесть: я тоже собутыльник. Но в совершенно иной интерпретации. Меня трудно вычеркнуть из тусовки. Тебя — ещё труднее. Практически невозможно. А кто попробует это сделать, тот свернёт себе шею. Ручаюсь, что я ему в этом поспособствую.

Ликвидировать? — Очень просто. Бабло побеждает добро. Мы ликвидируем тебя не как человека, а как функцию, мешающую нашему бизнесу. Если бы ты мог отделить себя от этой функции, ты бы сам по себе уцелел. Но поскольку ты человек «цельный», то и погибай «в целом».

Нанёс четыре удара, которые теоретически могли бы быть смертельными, если б он ударил в правильное место. Но он не стал бить в правильное место — по причинам мне неизвестным. Слушай, это реальная история. Насечки с обеих сторон. Настояще реально он бил. Удар был нанесён доступно, чётко и ясно, что я ничего не успел заметить. Потом я заметил, что у меня с двух сторон насечки. Все удары были посвящены одному — чтобы я испугался. Но я не испугался. Ни капли. Он не может меня убить без страха.

Убить без страха нельзя. Запомни это. Он мне чётко потом это сказал. Это главная идея всех маньяков. Он мне сам сказал, лично: он сказал, что есть правило, которое должно быть исполнено. Я его не исполнил. Он сказал: я тебя ненавижу, ты гад. Я тебя убью, но для этого мне нужны новые силы.

Здравствуйте, полковник, вы черны, как лес. А у него нет знакомых полковников. Редко когда гроссмейстер — и то сомнительный. Не говоря уж совсем про доминошников. Он никогда не пьёт и не пил. Только кофе. Простые мелодии и мультимедийные к ним звоны, всяческие позвякивания.

Ничего себе водки винный друг! Я понял, от чего меня спасает выпивка: от рефлексии. То есть становишься Колумбом. Не смейся. Выходишь в рейды — исследовательские. Чаще всего безуспешно. Не в рейды, а в экспедиции. Есть разница. Но меня радует уж то, что искомый предмет находится *вне меня*. Если вообще он существует. А без телевизора? Тоже сидишь как бы в жопе (в своей собственной). Так лучше пить и смотреть телевизор одновременно. Малыми шагами. Тогда что-нибудь накатит. Гога — без звука. Раньше смотрел когда-то. Сейчас — не знаю.

Вы тоста трезвости не портьте. Два слова в алаверды. Для меня Владимир Строчков, для меня это личная ситуация. И меня два красивых охранника повезли из ОГИ в Пирог. Да, мне интересно с Вами поговорить. Мне интересно, смогли бы Вы мне рассказать что-нибудь интересное. А потому что у меня жизнь — роман. Как начну читать на старости лет — сама буду удивляться. В пятом веке — и ни в одном глазу! Лишь скучное собрание многотомных недоумений. Оставляя в стороне биографический и документальный материал. Чем глубже пытаешься проникнуть в характер этих общих отношений, тем более хочется воздержаться от какого-либо высказывания на сей счёт.

Невозможно, блядь, какое занудство! Я смотрел. Всё это очень грустно. По-моему, Щербаков гораздо больше говорит сердцу, чем Бродский (положенный на музыку). Это было очень поучительное и очень грустное зрелище. Ничтожество — вот мне наука. А ты что скажешь мне, подруга? Только с ресниц ежедневно пьём мёд. Я не помню, как именно он выразился, но, в принципе, смысл был тот, что не бери в голову. Я действительно за был. Не переживай. Выпил, поссал. Водные процедуры.

Манипуляции с водой — это зимой. Как они сюда попали? Это чисто зимние заморочки — вымораживание, там, дейтерия. Что касается чистотела. Цветёт малина за окном, как за малиновой стеной. Эти манипуляции с водой ни на что не влияют. А что касается чистотела, — он был собран месяц назад и теперь сохнет в полумраке, в сарае. Пареная репа у тебя мало упрела.

Вы пока закусывайте, а я вытащу блок питания. Это странное правило — заказывать «разбойника», когда двое уже закрылись. Нет в нём смысла. Ну, как хотите. Восьмерные — так восьмерные. Располагайтесь. Запросто отстёгивайте свой протез... Только он всё равно вывернется. У него карта — лошадь. (Они ели оленину.)

Если ешь подгорелое, значит, будешь не бояться волков. Так говорила моя бабушка в деревне. Ну, правильно. У него от кожи идёт гарь, а волки боятся пожара. У человека идёт запах через всю кожу. Собаки не потеют, а человек потеет, и этот *выпот* (варог — лат.) содержит все вещества, которые сейчас излишние в организме.

Он с размаху жевал в этажерке свой сонный эклер. В этом есть вызов. Пока ещё есть. Потом и в этом не будет. Не знаю, как скоро. Что вы можете ещё съесть? Думайте. Насилие и убийство ещё не всякое, но уже. В конечном итоге смерть — не чужую, а свою

— можете съесть? Не хочется, это понятно. Но чего не хочется больше: смерти или противодействия? Трости надломленной не переломит. Льна курящегося не погасит. Так что же Он сделает? на что направлена вся эта несгибаемая сила Его? — т.е. к какой точке приложена. Не видим этой точки. А не видим — значит, её и нет, не надо из нас дураков делать. Так говорили иудеи.

Извини, но это миф о стенах Фив. В сущности, я говорю о различии между толерантностью, порождаемой любовью, и другой, которая вызвана равнодушием и ранит больней любой нетерпимости. Как, по-видимому, было с Е.Т. Он любит спорить. А поверхностной снисходительности не переносит на дух, приходит в ярость от неё. Да что ты знаешь? Эсэмэска за эсэмэской — ещё пытается что-то доказать, объяснить. Я предполагаю, и думаю, что я прав. Если в этом пункте пример бьёт прямо в цель, то, в конечном счёте, он свидетельствует о неблагополучии. Из будущего: неужели Сальери милее ей? Дуть тебе будет? Ну и пусть тебе дует. Я испачкалась в несмываемом позоре. Подробностями латиницей.

Подожвы жгли, конечно, дырявые. Он тихо перебирал сердца. Ид, Шед, Чрева, Гвара. Но что со мною? Совсем никакого энтузиазма, как было когда-то. Всё, что он мог, он сделал, — это он хотел сказать? Что русскому смерть, то немцу тоже смерть. Веет гниением гармоний сфер. А теперь обсудим, удалось ли реалистическое общество.

Ну кто? — Ну, Мазуччо. Поджо Браччолини. Позже — Бранделло. Им, в основном, подражали. Фратис был поверхностной фигурой. Плоскостной. Так или иначе. С 83-го года. Включая 84-й. Откуда им знать о моей влиятельности? Я ведь тоже о них имею представление, наверняка очень отдалённое от истинного положения дел.

Прямо сразу. Что-нибудь такое нетленное? Слушай, помолчи. Записал? Это детское, детское, детское. Не записывай. А чем кончилось? Нормальная мама, папа нормалёк. Мама моя категорически против. Я пойду учиться, а ты пойдёшь работать. Я рада, что ты умеешь порадоваться за брата. Я всегда знала, что могу тебе умеренно (уверенно?) поручить брата. Погода-то какая! Не ругайся по жизни, я очень прошу. Это мелкая такая деталь. Я тебя не ненавижу совершенно! Наконец-то в этом мире что-то произошло. Какое-то нормальное событие. Конечно, как мужик ты очень умный. Ему уже деваться некуда. Он либо гуляет на полный буфет, либо. Он говорит: ну, ты же, вроде, простой человек. А я говорю: я ошибся. Я ошибся в понимании себя как простого человека. Ты меня пойми тем не менее. Ему нужны только те, кто на него смотрят как на лёгкого и простого.

Аскеты носят кеды. А сибариты — кроссовки «adidas». Ботиночки он носит «наруман». Выключатель толщины. Это называется не «антапка», а «тренчик».

[Ведь шёлк — клёшь дев]. Надоели эти живые журналы. Уже? так быстро? Завтра начнут звонить — я всех аннулирую. Все эти разговоры не дают никаких деталей. Дело в том, мадемуазель, что ложь раскрывает не меньше, чем правда. Иногда даже больше. Голос Пуаро звучал серьёзно.

Туалет так и не сняли. Не успели. При родителях неудобно.

(13)

Улисс или квадрат. Второй квадрат с медицинским лицом. Без сердечного друга жить трудно. Добавим им субботу и воскресенье, чтобы они всё успели. Ты вчера разбро-

сал игрушки? Вот видишь. И отвёртка попала в пылесос. Загадка: найдите предмет, лишний на этом столе. Вот фотография. Я сделал это. Вернее, сначала нашёл, а потом придумал загадку. И сбросил его под стол. Теперь вы его не найдёте.

И я, сосредоточившись на звук: сверчок рублей в неоновом конверте мигает мне в далёком Интернете.

Всё, что следует сделать, — это нажать на левую кнопку мыши. Установив, впрочем, предварительно стрелочку туда, куда надо. Впрочем, и так большая часть времени проходит за этим занятием. Иногда нужно нажать два раза быстро. Это также не составляет труда. Труда? — Если возникнет окно вопроса — «да» — «нет», — то нажимай «да».

А 386-й — это вообще легенда. Это сон без дыма. Я долго думал, почему он так назван, а не 389-й. Ведь он появился, пожалуй, в 89-м, а никак не в 86-м. В 86-м он появиться не мог... Однако, при чём тут «триста» тогда?

Кофе — это тема. Мочалки для посуды, ой, мочалки для тела. Особенно для детей. Не только как сувенир, но и подарок будет хороший. Ну ладно, я понял, а то я сейчас в электричке еду. Юморист! Со мной связываться нельзя. Я тридцать лет в КВНе работала. Капитаном. Оставляю вам сказать на этот случай множество острых слов. Если надо в тетрисе подшутить, я справлюсь. Экстази задаром предлагали, — не хочу. Чтобы ходить глупо улыбаться и танцевать? Меня интересует изучение сознания. А может, я уже теперь спать лягу, если дадут где. Я потихоньку люблюсь своим почерком. Мой почерк мне ненавистен. Он мне надоел. Я не знаю, куда деваться от него. Только закрою глаза, он начинает лезть в меня со всех сторон.

Подозреваю, что на меня подспудно влияют стандартные приёмы современной фотографии. И думаю: насколько же проще было сочинителю в прежние времена, когда изображение не было связано бесчисленными визуальными подсказками. Я не даю ссылок, но здесь дам. Не знаю, почему мне так захотелось. Это рассказ Набокова «Ланс». Точней — он был написан по-английски. А перевод — Дмитрия Чекалова. Кто это такой, не знаю. Тоже где-то живёт, работает. Я почти уверен, что сам Набоков не употребил бы здесь слова «визуальный». — Ишь ты! Он «уверен»! А сам-то он кто?

У него вторая производная неправильно вихляет. Ты посмотри: в начале так быстро прибавляется. К апрелю, наоборот, замедлилось. А сейчас, после солнцеворота, хоть и убавляется, но совсем по чуть-чуть, так что ко второму августа (день рождения Михаила Щербакова) едва сдвинется в обратном направлении. Хотя известно, что «Илья-пророк и второй уволок» — час, в смысле... — Ты имеешь в виду число знаков или число слов? — Да всё равно. И то и другое. У него среднее число знаков в слове — константа... — Так вторая производная, говоришь, не похожа? Что ж, пожалуй, это основательная точка для критики. — А то!

А Петра и Павла давно прошли? По сравнению с ними вообще ничтожны любые слова. «Витии многовещанные видим яко рыбы безгласные». Я в церковных помещениях чувствую себя так же неуютно, наверное, как ты — в ресторанах и кафе. «Батюшка, благословите меня на что-нибудь». — «Пойди соссы». /...?/ (Отцу Павлу дать бы за это в репу, недолго думая.) «Ты что, это великий старец! Что он сказал, то обязательно и буквально сделай! Хоть каплю выжми из себя. Иначе — мало ли что. Вдруг рак какой-нибудь». — Как она побежала!

Разнообразные рингтоны мешают проведению литургии. Так написано. Зачем так писать? А однообразные — помогают? Как странно: пареная репа всё же проще пареной

рыбы. Рыба Петра, а репа Павла. Вернуться на промысел с братом. Вот тебе и обедня бедняка!

Нет, с антиглобализмом это никак не вяжется. Безответственный мечтатель отвечает на пять баллов. Безответственный мечтатель-хохол. Вот так раз! Во Саратове Тарас... А батька Махно? — Он вообще в гробу бы перевернулся, если б ему сказали про чёрные дыры. Ну да, Гуляй-поле. Гуляй, электромагнитное, гуляй, гравитационное! Вообще гуляй. Пенроуз-то — он больше математик, чем физик... Насчёт масштабов — есть одна идеяка. Такая характеристика как *сложность*. Если она растёт, то это может происходить только где-то посередине. То есть, значит, идея Эволюции задаёт тебе нормирование масштаба. Если что-то *развивается* (усложняясь при этом), — ты развиваешься, — значит, это находится *здесь*. Поэтому и ты здесь оказался. Справа от тебя, допустим, микро, слева — макро. Ни там, ни там ничего не усложняется. Не может.

Стоит нам уверовать в эту возможность, как широко задуманные метафизические заблуждения заменяются несравненно более наивными и робкими. Выявляет чёткую наблюдательную суть озадачивающего, но существенного аспекта квантовой физики: она нелокальна. И потому фотоны в эксперименте Аспекта не могут рассматриваться как независимые сущности... К сожалению, прерывается мысль на ночь. Иногда она приходит новая. Тоже ночью. Но это бывает редко.

За обедом звонит гонг. Иззырэнибоди гоинг? — Ой, ненавижу этих котят мяукающих! Пётр Первый, осматривая парижский Дом Инвалидов в то время, как почтенные воины сидели за обедом, налил себе рюмку вина и, сказав: «Ваше здоровье, товарищи!» — выпил до капли. А я, господа, уверен, что Павел Первый сделал бы то же самое. Или почти то же. — То есть выпил бы почти до капли? Нет, это брось. — Десять? Пора ехать. Огромный стол в обыкновенном петербургском столовном вкусе. Олхоня-художник засадил дырки в очки. А во-вторых, бить его не за что. То, что он мудака, — не вина его, а беда. Ну и что? Люди живут, несмотря на то, что даже не знают, кто говорит сейчас с ними. Андрюша Зублов, итальянский художник. Вот с этим рисовальщиком сейчас никто не сравнится. Десять, говоришь? И тут мне стало не до смеха. Если просто произнести слово «антрополог», то уже станет смешно. Однако поступали так: брали чёрный хлеб немного и отряхивали электрической силой. И грибочков туда, грибков, да?

Свинушки — в смысле, всякое это дунё — подложили нам свинью: пока мы шли, они скисли в корзинке. А сухопейки вообще зачервивели с ножек. Рисуешь пейзаж — рисуй антураж. Энтузиазм вспых и погаснул. Хануткина одежда — позорище. А сама она — торжище. Это про неё он сказал — «богемная бабина»? Вот уж глупость! «Законченная деревенщина». Как это может быть? Либо тонкий оксюморон, либо вовсе неряшливое, тупое словоупотребление. Ведь деревенщина — это начальное состояние, не конечное.

Эти упражнения вскоре переходят в словесную плоскость. Основой их становится искусство каламбура, подменяющее собою мысль. Ассонансы между терминами, созвучия и двусмысленности. Постепенно всё это превращается в исходный материал для спекулятивного театрального действия (*спектакля*). И то, насколько эти каламбуры удачны, является критерием ценности философского труда.

Его спросили в интервью: «А отрицало вас уважало?» — «Я не видел, — говорит, — в своей жизни никакого настоящего *отрицало*, кроме себя самого. Поэтому вопрос, скорее, не в том, уважал ли кто-нибудь меня, а наоборот: уважал ли я кого-нибудь?»

Стихотворение «Рондо» посвящено *Рындиной*. Ну и дурак. А может, он нарочно? Да вряд ли. Это жена Ходасевича, что ли, первая? Мария Эрастовна? — Однако, чего не знаю, того не знаю... — Хорошо, ладно, понял, а то я сейчас в электричке еду. Забыл сказать: мы же теперь всегда ездим до Северянина. А ты не знал? Давно уже.

Нестерпимым блеском моей бессмертной души. — Ну прямо Маяковский! Нет, это всё-таки больше «эго-». Только как это «надрает блеском»? Блеском будет тереть? Да, это ляпсус. Как он сказал — «странного» или «сраного»? — «Сраного», увы. «*Все улицы этого сраного города*». — Да, увы. «Странного» звучало бы интересней. Он учился у Певзнера, но не поспевал за ним. Певзнер слишком стремителен. — Успешный официоз претендует на неангажированное пространство. Захватывает, пожирает? — Нет, это другое. И в этом медленном скольжении. И в остановках при движении. Ни полнамёка на сближение. Ни поворота головой. — Нет, это неправильно. Он переделал, а я помню так, как было.

Другого дела нет у стихов, как *запоминаться*. Влезать в сознание. Проехать его, как червь. Это единственная их задача, чем бы там они ни прикидывались. Поэтому поэту осточертело писать стихи. Мальчик с гармошкой, а ты не боишься, что тебя убьют когда-нибудь и выкинут из вагона под насыпь, если ты будешь влезать в сознание пассажиров? — Я ещё маленький. А ты, дядя, не боишься, что тебя убьёт кто-нибудь из твоих читателей? — Я органист, я тоже маленький... Экий ты, мальчик. Я же не Леннон, котёнок мяукающий. Однако, боюсь. Всё-таки я постараюсь писать по-другому и исчезнуть как-нибудь так, чтобы никто меня не помнил. — Ну и дурак. Всю жизнь будешь нищим. И дети твои ничего от твоих стихов не поймут. Будешь ходить — побираться. — Извини, но так, как ты, я ходить не буду. Ем гречневую кашу — с меня довольно. И всё же я озабочен: не слишком ли назойливо мои стихи звучат? Не хотелось бы. Постараюсь сменить регистр. Кто знает, что у меня на уме? Я сам не знаю. Нет, ну я не буду домогаться кого-то. По крайней мере, я так думаю.

Он нацелился в зал... и нажал басовый регистр. Чем нацелился? — токкатою Баха. Я так не могу, мне Бах вовсе чужд. И я не знаю, чем мне *нацелиться в зал*. Фактурою Бродского сейчас сыграй? — Дожили, поздравляю. Поздравь сам себя. — Не с чем. Я Бродским никогда ни в чём как бы. Не грешил. «Споём старика Анчарова», — сказал Яша Хейфец. И запел. Без гитары. Я органист, я тоже маленький. Почему *тоже*? Разве он был органист, а не скрипач? Так это когда было! В девятом классе. Кто его помнит сейчас, Анчарова этого? Яша, должно быть, ещё жив. Наверняка помнит.

Если это пророчество, оно должно быть, так, — размыто больше... А с другой стороны, миллионы людей, верующих в религиозные рвасы. Что с ними делать?

(14)

Купи попугая. — Не покупай попугая.

Не погуби, покупая. Вряд ли он будет называть вещи.

Глядя одним глазом, попугай молча вытягивает билетик. Проще не бывало экзамена. Кто-то и тебя потом с шарманкою сравнит, в которой что-то.

Вместо тоста трезвости не пожалейте. Два слова в алаверды. Ты знаешь, что тост — он сбивает разговор, сбивает тебя самого с мысли. Нет, у меня ничего не осталось. Шампанское, налитое в фаянсовую чашку, — пузырьки вышли сразу же. Пишу наот-

машь. Надоело палиндромничать. Что за игрушки? Детский сад какой-то, честное слово. Опять Гера зачеркнул свой ЖЖ, а недели через две, гляди, снова вернулся. А куда денешься в конечном итоге? Ходить по путям в неустановленных местах в нетрезвом виде.

Вы знаете, сколько препятствий встанет на Вашем пути, если Вы пожелаете их осуществить. Пуаро ответил холодно: — Я никогда не ошибаюсь. Его собеседник рассмеялся, а Пуаро продолжал.

Ну вот, время подходит, а ничего не произошло. Этого следовало ожидать с самого начала. А разве ты ждала чего-то другого? Экстраординарности? — Ну, да, я всегда жду этого, чего ты сказал. В общем-то. И ведь происходит, — будешь спорить? — Да нет. На самом деле, произошло очень многое. Даже на десятую, даже на сотую долю не передано, насколько всё здесь было напичкано, понатыкано всякими событиями.

А растолковывать каждую мелочь совершенно нет возможности. — Почему это за кокетство завязки и неожиданность кульминации должен отдуваться несчастный финал, в котором и так каждая строка на вес золота?

Жаль только, что ещё много мелочей осталось, которые не успеваешь. Мелочей, драгоценных сердцу. Это уж всегда так: хочется в последний момент и того, и сего. Хотя, на самом деле, какая разница?.. Вот поэтому фокусировка, видимо, и нарастает. Нет чтоб отдалиться и взглянуть в целом, как на импрессионистическое полотно. Так ведь для этого нужно быть *вне*. Художнику легче, чем литератору: сделал несколько шагов назад — и смотрит.

Всё тише в пульсе я считаю маятник. В груди конвульсии и счастьем памятник. Да ладно тебе. Как ноги? Ноги мои пришли в упадок. А я ждала Анатольевну с палкой. Сижу — её нет. Нет — я пошла.

Деревня Лютивли. — Мы родились и выросли. — А две сестрички Нероновы с того конца? — Нет, они уезжали. Они уезжали и долго не жили. А мы — как камни.

Ну и зря. Толстой, что ли, не любил слова «зря»? Или другой кто? Я тоже многие слова не люблю. Сейчас не могу припомнить. Ещё чего-то он не любил. Кажется, «парень».

Долби воздух. Такому маленькому костру может очень многое сделаться от такого маленького дождя. С того конца. [Лис укусил]. Водобоязнь. Умри в рифму. — Вот именно: если бы поменять имена некоторым предметам, то и умирать не надо. Можно было бы ещё пожить. Так порой думается.

Из того колодца, посередине, можно пить у вас? — Нет, он затхлый. Давайте бутылки, я принесу. — А эта кисловодская вода не очень кислая? — Нет, наименование затемняет суть, как правило. За редкими исключениями. В основном, это всегда игра в прятки. Отсюда и псевдонимы. Прячь имя, чтобы дурные люди не обрели через него власти над тобой.

Деревня Лютивли долго прятала своё имя. Да оно того и стоит. Кто бы мог подумать? Это не Хлыбь какие-то там где-то. Электричка 10.55 из Твери дошла только до Вышнего Волочка. И там остановилась.

Это не плита, это железный бункер для моторки. Его зимой затащили на лёд, а после он и провалился. Эй, дядя! Каково рыбачится? — Да ни хрена. Даже мелочи нет. А сюда приезжают только сидеть на закате на берегу и, так сказать, целоваться. Ну, пиво. Картошку жареную едят из пакетов. Чёрные сухарики-бухарики. Редко кто даже в воду полезет окунуться.

Погода-то, а? Почему это средняя должна выравниваться? Ты рассуждаешь, как игрок в рулетку. Оттого они и проигрываются в пух и прах, что не чувствуют вероятностного смысла. Не понимают, что такое «математическое ожидание». Может быть, в том и дело, что оно «математическое», а не обычное человеческое? Похоже на то.

Знаете ли, что мне кажется замечательным в ваших рассказах? Это то, что никакой роли в них не играет судьба. Привлекательные люди привлекают не искусством, а закрытостью площадки и поверхностью судьбы. Поспешность общения. Господин Малиньян? — Готов к услугам. Палец водки — палец воды. Анестезия экзистенции.

На всю жизнь воспоминание. Это боль, это жуткая боль. А тут же рядом истязают ещё одного, он там покрикивает. Я испугалась, что меня обманули, и заорала. Тут у меня кровь и пошла горлом. Они побледнели, стали меня спасать. Кровь останавливать. А то всё ругали. Будто я виновата. Эта тётка навалилась мне всей тушей на голову. «Только пикни». У меня даже в шее что-то затрещало, я думала, она сейчас мне шею ломает.

Яблоки в масле. Придумали же! — по какому-то, наверное, рецепту. Вот интересно. И они поэтому, наверное, и не протухли... Я настолько люблю масло, что если б меня спросили: «что ты любишь больше всего?» — я бы сказала: «сливочное масло».

Кругом изба. Непонятно, как это понимать. Время на исходе, а ничего не сделано. Может быть, *из* — приставка? Тогда *б* — корень, означающий бытие. Но, с другой стороны, *б* — может быть и флексией, образующей существительные из глаголов: «ходьба», «косьба». Тогда, возможно, «изба» произошла из «естьбы». В смысле — *is*ба. Тоже ведь и в английском для бытия *s* чередуется с *b*: *is* — *be*... Вот тебе и «изба»...

Только если кончить дурью дуриться. Не то у нас получится это самое высказывание тех же самых всё время чебурашек, как у этого профессора Как-раз-не-сельского. Я правильно говорю вашу фамилию?..

Разбежались бы и попрыгались, где им только можно отбивать в природе свою ответственность. Малыми шагами. *Когда ты свою девушку во что-то ставишь.* — Они проходят. Она продолжает говорить. «Многословие Венере в радость» (Катулл, 57, 20). Он слушает. Угмм. *Это не забывается,* — она говорит. Эти слова не забываются. И потом они будут входить в его опыт, так или иначе. Кем бы он ни был. Останется вот это вот прохождение. Он слушает, угмм. Он уже после этого другой мужчина. Сдвиг, пусть минимальный, [но он] до гроба.

Она прошла, как каравелла по зелёным волнам. Если молодой человек не обращает на себя внимания, это не значит, что он там есть или его там нет. Гармоний сфер течёт волна. Полная червонцев и рублей. Самая нелепая ошибка — то, что ты их тратишь на блядей. Наконец, подстрадавшись и подлизавшись, он заводит осторожный разговор про выходные — о возможности приехать. Все женщины одинаковы, сэр, потому что они все непроницаемы.

Тебя и меня в разных направлениях. Почему в разных? Иногда в одном. Странно, что в такие минуты мне не становится легче. И в остановках при движении. Ни полнамёка на сближение. Ни поворота головы. Пишу на ощупь. Меня трудно представить ночью в этом состоянии. И ты, безусловно, меня таким не видела. И слава Богу. И не увидишь. Не верти головой.

Когда открыта одна створка окна, там всё чисто. Ночь, смоченная лёгким дождём. Я сел на сером клёне в атласный интервал. А другая — рядом — створка мутная, с отражениями. Там и ты слегка отражаешься, в белой майке. Стоишь, куришь. Малыми глот-

ками. Но попробуй расфокусировать взгляд так, чтобы эти тёмные прямоугольники совместились и интервал исчез. Это не просто сделать, но всё же возможно. Вот наша задача, я думаю. А мы вместо этого в какой-то неприличной панике увеличиваем фокусировку — чтобы нам наконец стало дурно от запаха слов, словно от мёртвых пчёл в улье опустелом.

[Лес окосел]. В этом году раз в неделю появляется месячное море. По усам текло, а в рот не попало. То есть наоборот: пил пива литр, отлил — a little. Удалось заглянуть вперёд. Только оттудова бьющий свет. Или продолжать трахаться, выглядывая из полуотворённой дверки каюты... Всё это крайне полезно, но производит впечатление неопасного. Оба, смотрю, приготовились: такие свои бабочки надели на дорожку. Фоти плюс за рамки худые ешби. Все почти разной длины. Как-то всё это странно, наивно, презабавно и пренеизбывно.

Танцуй судьбу свою, мудак. Последний раз он в небо смотрит, а там пасхальная луна. Как раз вчера Надин день рождения, — преподобного Серафима Саровского. Ведь он предсказывал, что среди лета запоют Пасху. У нас с тобой изначально разные точки окончания жизненного пути. В точке выбора подвижника поджидает страхование. — Ну, стало быть, помирать. А зачем проснулся? Поспал бы ещё и пеньё дождей послушал. — Твоих маленьких дождей пеньё — маленького моего костра шипеньё? Не так ли и ты смотришь разными глазами туда-сюда. И, когда совмещаешь изображения, у тебя и получается именно то самое, что так потрясает меня.

Казачий «Андерстэнд», — сказала богемная бабина, торжище страстей. Отгадай с трёх раз, как звали Гандлевского в школе. — Так это когда было! В пятом классе. Я вела у них географию. Если б не мои уроки, он навряд ли бы отличил Ургенч от какого-нибудь, скажем, Джекказгана. Товарняк отправился на *Кенгир*. Впрочем, один хер. Бойко по карте покажет и Петербург, и Читу. Названия существуют лишь для того, чтобы порождать пререкания. Предоставим их торгашам и сутягам. (Это всё она говорит.) — Если они будут принимать в них одно за другое — тем хуже для них. Приняв такое решение, он перекрестился правой рукой и положился на волю Божию. Хватит водобояться. Умри в рифму.

Самара, Рузаевка. В 15.05 он здесь проходит. Можно выйти на насыпь и помахать.

Д Ы Ш А Т Ь

СТИХИ

Настя Денисова

НОВАЯ МУЗЫКА НЕ КОНЧАЕТСЯ

✦ ✦ ✦

что было дальше?
а дальше ничего не было
лыжники гонятся друг за другом
искусственные рыбы плывут
чувствуя себя счастливой
алиса хочет изумруд
на лице проступает знак
картонных человечков живущих по соседству
след простыл
подожди это невыносимо
невыносимо
мы все умрём
прекрати разговор
выйди вон
всё начнётся на улице
это наихудший из вариантов
прикурить на мосту
пограничное состояние
мечтательность
навязчивые мысли
с точки зрения безопасности
добро пожаловать в новый мир
здесь все поют и танцуют

✦ ✦ ✦

1

я смотрю как он спит
по скайпу

я смотрю как он спит
в вене? я забыла где

2

а вчера в варшаве
он не спал
в номере было жарко
простынь такая же как сейчас
сегодня ещё плед
серый в белую полоску
насколько точна цветопередача?
задержка во времени
две секунды

3

лицо
и грудь
а сегодня ещё плед
холодно
всё состоит из квадратиков
как редкий фильм переписанный с вэхаэс на вэхаэс с вэхаэс на вэхаэс
а потом на дивиди
чтоб посмотреть в ноутбуке
плохая копия хорошего кино

4

когда мне принесли проектор
я повесила белую простыню на окно
прямо поверх штор
обычную простыню из икеи
такие есть в любом городе
где есть икея и в маленьких городах
откуда ездят в икею по выходным
я придумала посмотреть первым
самый любимый фильм
во всё окно
но пришлось остановить на начальных титрах
изображение никуда не годилось
раскладывалось на пиксели
посмотрела забриски пойнт
единственный лицензионный диск
что нашла на двадцати метрах своей комнаты

5

я думаю о том что твой макинтош бережёт батарею
и сам ли ты настроил его так
или это по умолчанию полчаса
вот он немного потух и
когда ты перевернулся на спину
мне уже не видно
закрыты твои глаза
или ты проснулся
и просто лежишь

6

я здесь ставлю тебе музыку
все свои любимые тихие композиции
а если я усну айтюнс сделает это за меня
я не усну

7

мне никак не удаётся ухватить словами
ощущение которое я испытываю сейчас
здесь
под утро
дома
когда смотрю на тебя
далеко
с задержкой в две секунды
и этот интимный жест
уснуть когда на тебя смотрят
кажется такой насмешкой
не потому что не положить голову на грудь

8

комнаты напичканы вай-фаем
и белыми простынями
самое красивое письмо которое я читала
твой список видов из окон отелей

9

сегодня очень хорошая связь
ни одного разрыва

если бы не эта задержка две секунды
глобализация
электроника
иллюзия

✦ ✦ ✦

одна из городских сумасшедших
повсюду ходит с электрической батареей
на колёсиках
держит за шнур возит за собой
как большую железную собаку
поводок проводок
при первой возможности
подключает к сети
если нет свободной розетки
выключает что угодно
игровые автоматы
микроволновые печи
Discovery
свет в церкви
никогда не отходит от объекта
своей привязанности
дальше чем комната
дальше чем двадцать шагов
в дождь не выходит из дома

✦ ✦ ✦

новая музыка не кончается
диско шар качается
всё равно что будет
не хочу это и то
мне всё
заметки на полях
не рушить
дети были клёвые
я не помню их лиц
ещё будут
смерть страшный суд рай ад
исправить оценку
на раз
жить легче и веселее
легче и веселее

это всё ненастоящее
ненастоящее
виртуальные объятия и поцелуи
на солнечной стороне
думала останови ум
думала останови сердце
голова поворачивается
мне кажется что все правы
посмотри какие красивые люди
на солнечной стороне
светятся и отражаются в витринах
давай кричать им я тебя люблю
эгегей
сладкая сладкая деградация
да какая разница
сметана на завтрак
деревья перегорели
все деревья перегорели

конец света это когда
от холодильника отвалятся все магнитики
одновременно

Наталья Боева

ПРОСТО ДАЙ ДЫШАТЬ

† † †

я заклеиваю окна сушёными крыльями бабочек,
затыкаю щели сахарной ватой
из аптечки старшего брата
(он лейтенант запаса медицинской службы)
мы пьём чай с йодом,
когда хочется яда,
а ещё он говорит, что раны души
должны дышать,
и не надо
заматывать их в бинты.
между рамами паучок распятый
на липких ленточках лейкопластыря
горько плачет над своей коллекцией
сушёных крыльев мотыльков и бабочек,
он, наверное, прототип
«коллекционера» фаулза...
и давно зарится на мои крылья —
в паутину меня,
долгожданного яда
и долго сушить между рамами.

† † †

мы говорили: любим, бредём наугад,
мы говорили: устали и спать хочется,
однако осенней ночью
так крепко не спится
и хочется выйти в сад,
где опадают дни.

мы говорили: одни,
с нами нет никого, кто бы взял за руку,
кто бы снял заговор,
заклятье сухой травы
«..так /имярек/ будет сохнуть по мне, как эта трава,
до скончания дней»
и ты будешь думать о ней,
она — о тебе
мы спрашивали: станет ли легче?
нет.

† † †

обезумевший,
скачешь, как какой-нибудь Гришка Мелихов
на коне да с шашкой,
из шашек да в дамки,
придворные дамы поджимают губы,
боясь запачкаться, подбирают подолаы
проходя мимо.
а замирая смотришь подолгу
как трудится Молох
мельничный жёрнов
и листьев ворох
подсвечивается поздним солнцем.

† † †

сидя в этой тюрьме,
постепенно сходишь на нет
и не будет,
прислоняясь к одной стене,
оставляешь себе ещё три — на выбор
и окошечко в потолке,
сквозь которое видно свет
или ночь.
или смотришь на руки
и как в детстве шептала божьей коровке,
так шепчешь:
божья кара,
улети на небо
прямо с кончика пальца,
с моего мизинца.

не возвращайся, просто дай дышать.
но она кладёт меня, как упрямый ребёнок,
под стёклышко,
присыпает землёй по краям,
называет своим секретиком,
помечает это место крестиком,
чтоб забыть его крепко-накрепко.

А. К.

я трава трава
ветер согни меня
положи на лопатки
я была не права
так много меня
до того одинаковой
что можно менять
на других
как вкладыши жвачек
я лежу на земле
сквозь меня всё трава трава
а в моей голове война
а в моей голове уравнение не уравнивается
в каждой точке графика
игрек равно икс квадрат
меня так много но я одна
как семь бед и один ответ
ветер ветер согни траву
сломай хребет

Анастасия Романова

ПЕСЕНКА ГРОМА СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

ПЕСЕНКА ГРОМА СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Дикий я пустынный свет —
То льюсь молчу —
То грохочу —
На чашку чая к тебе хочу и конфет —
Вот и в окно стучу

Кафка, Ницше, продрогшие в реке мертвецы
Будут сахарницу с жадностью выедать,
Киркегор старый датчанин в пепельном парике молоть небо за нас,
и святые отцы —
За нас умирать...

...За дождь вороватый, лающий в трущобной дыре,
За ништяк сигаретки в синегорском монастыре...

✦ ✦ ✦

просыпаешься ночью в поту, рабочие сны, полвторого,
ожерелье из лярв, дырявый забор на картине младшего Васнецова,
померещилась
рыдь проточная у реки,
где беззубые встречаются старики, —
в скромных рамках берегущие свою знаменную красоту, темногубые,
неприступные, поклоняющиеся труду, женихам, —
мать их ньютоновскую прямоту, —
мять их ситцевую простоту...

расплавленные механизмы — заводные зверьки
в глухоте пружинами шелестят, как лапками мотыльки

за окном негода нудит, пузатые лужи, проклятый глинозём,
скребёт ноготком,
 звёзды изюм, чужой горизонт, берег короткий, где не был ни с кем
знаком...

...не разбудите внучка, пусть выспится, тяжёлые задают им нынче уроки...

ДУРНОТА

Сантехнические подробности квартир как картин
 здесь ли нам место
 нас тут не было в постоянстве
 Нопфлер гитаркой выводит песню о ласковых зверьках
 таких по ночам я встречала на тещином языке
 горного серпантина

о них потом говорят
 как они рок-н-роллят в пропасти юных
 протяжная борожба к далёкой сверхновой
 бескровной

в бестиарии простодушных
 винтики без вины

ПЯТЬ ПРИЗНАКОВ ЗВЕРИНА

Заходил златоперчивый Зверин крутой
 с брильянтово-мерилиновой цепкой на обожжённой жиле,
 вы, блядь, мёртвые, а не живые, я тут живой, —
 он орал, слеза мужественно падала запятой, так мы дружили...
 В кобуре пустой — семечки, лузганные мытищи;
 в январе бмвуха за пятихатку сверсталась
 об столб, а у бармена грустные были глазищи —
 до рака ему оставалось малость.

Исповедовал златоперчивый пять конкретных признаков времени:

- 1) если брат два на двдюшнике глючит,
- 2) если в кузьминках хорошего парня героином задрючит,
- 3) если философия витгенштейна процарапает аккуратную щель в темени,
- 4) если солнце с утра слепое, скупое к героям месячного запоя,
- 5) если бывшая снова беременна —

*ремонтom гостинoй, где на полках в коробках немерено
 по феншую расставленных на века душ поэтов — невинных самоубийц,
 ха-ха! их бумажные потроха, —*

говорил тогда зверин: блядь, мне пора,
распускалась пространственная дыра, похожая на вокзал

в ней он временно исчезал

STOCKHAUSEN/ZEITGEIST

гложет пёсья голова
кость поповозетажных снов, —
сумрак, халатики кухонь, спать на икее обнов, ой ли, любоф —
сахарная парварда,
сырокопчёная борода,
крути у виска, моя милая юная киберсоседка,
в лифте написано на потолке — хули ты зыришь, какие нравы, о эмо,
сдохнем на одной клетке,
я микросхема —
ты микросхема, —

у переправы сойдём в неисправность
поэмы, задыхаясь за быстрой паломой,
с чуйкой знакомого перелома, лаза за буреломом,
лететь через космос с тобой нам, до паки-сияния горизонта,
в отвесной пустоши
вечно ребристого понта...

икота то гота, то гопника идиота, то идиота того же
с прыщавой рожей,
на втором этаже душная в неглиже история кого-то и с кем-то,
по инструкции пожарного шланга —
сладкоголосая кинолента,
парагвайское танго;

лестница под уклон,
тяжёлый трафик эманаций через бетон —

мамлеевскими паучками доброго каллиграфа —
хоррор венозно-химерный, ужин мадьярского графа,
к тому же
десятый летальный случай летучий в подъезде,
инфаркт вынесли, спеленали капустой,
обналичили, перекрестились, как на биеннале японского фотоискусства, —
а если б умели — молились бы с чувством.

Олег Асиновский

НАЧАЛА

† † †

Маме

Свете Асиновской

Небо плачет всё в слезах
Растёт и прячет Рай в глазах
Нет дождя с душой я там
Земля и свет двум небесам
Шум ушёл как небосвод
Тайно с этого на тот

† † †

Александрю Сумеркину

Ирине Машинской

В Раю вода как неживая
Душа восставшая из Рая
Сын выпуклая
Отец вогнутая
В Раю вода
Как Дух из облака
По небесам
Нетронутым

† † †

*Наташе Азаровой
Лёше Лазареву*

Иосиф взрослый
С ним Мария
Отдельно как пыльца
Уже поздно
Соль на звёздах
Солнце мельница
От ветра
Горше воздух
Больше света
На душе Отца

† † †

*Наташе Черных
Константину Кравцову*

Тяжёлое
Дитя голое
Их двое оно
Нагое одно
На двоих
Душу тело свои

† † †

*Мите Авалиани
Виктору Кривулину*

Дева с младенцем
Два сердца
В сердце Бога другое
Сердце стоит нагое
Сын без лица
У порога Отца

+ + +

*Геннадью Айги
Наташе Азаровой*

Дух животное
 Душа живёт в нём
 Бескровной осенью
 В огромном озере
 Как сердце в огненном
 Бессмертном органе
 Бога

+ + +

*Геннадью Айги
Иосифу Бродскому*

Небо тень
 Растение Вифлеем
 Звезда роса
 Падает в небеса
 Передние медные
 Средние серебряные
 Ещё врозь за ними
 Иосиф Мария

+ + +

*Стасю Красовицкому
Нике Скандиаке*

Дух во плоти
 К Христу летит
 Смотрит вдаль
 Впереди вода
 Молится море
 Голому полю
 Деревья на небе
 В глуши ни души
 Сплошь дождь

† † †

маме

папе

Река в гору
В пузырьках духа
Закат воздух
Из старика старуха
Девушка голубь
Юноша голубка
Путь души долог
К телу от Святого Духа

† † †

маме

папе

Мамы мало
Богом стала
Его много
Никого на свете
Не осталось в сердце
Оно остров
Воздух мозг
Ветер весит
Больше звёзд

Константин Кравцов

СОХРАНИВ ИЗМЕНЕНИЯ

САДЫ НАСЛАЖДЕНИЙ

Александр Ерёменко

Лилии у Царских врат, островки
 Ороговевшего снега, Лазарь, идущий вон,
 Пелены, посмотрите: сегодня они ещё здесь,
 В поле вашего зренья — завтра
 Разнорабочий Иван их ввергнет
 В контейнер для мусора — разнорабочий Иван,
 Что тоже наследовал Царство, глядя на них, забывая
 Своё Приднестровье, котельную,
 Весь этот джаз, металл, весь этот ад музыкантов,
 Весь этот сон золотой о садах наслаждений, сон доходяги:
 Убрали конвой, мы играем комедию в лицах,
 Жемчужная нить, ожерелье летящее, фосфор
 Шаров новогодних, нет ничего, кроме лилий,
 Мы умерли все, а теперь — дискотека,
 Дым коромыслом над прорубью,
 Арфы излом над скворцом-конькобежцем,
 Скользящим во свете прожектора
 По Патриаршим прудам при колчане и луке
 На невероятно огромных коньках,
 Светолитие струн сквозь распятую плоть,
 Шкура Марсия всё не уймётся:
 Летит, засыпает на дыбе, летит и никак не уснёт

Наледь на стёклах, ладони отрубленных рук,
 Смотрит на лилии полевой командир,
 Нет ничего кроме лилий, он смотрит и видит:
 Свѣились на морозе морские коньки,
 Мины-игрушки разбросаны в детском саду,
 Мышки-полѣвки с крылышками-лепестками

Играют на арфах, люминесцентная лампа
Стоит на руках, и кривая дуда между веток,
Вокруг акватории — белые единороги,
Сидят пеликаны на спинах, приютские дети,
Желтком из яйца вытекает в лагуну
Купальщиц, купальщиков сонм —
В голубую лагуну! Поёт о любви сладкий голос,
И полк со знамёнами, всё заводное потешное войско,
Дочери света и света сыны, собрались у огромной,
Под Припятью вымахавшей земляники,
Иван поджигает в контейнере мусор, ныряет за жемчугом
Мальчик косой с металлической трубкой во рту

ЮНЫЕ СЮРРЕАЛИСТКИ С ГОЛОВАМИ-ЦВЕТАМИ

Перья страуса, перья колыхнутся
Над запорошенным микрорайоном, огни,
То, должно быть, Нерон зажигает свои факела,
Нет, пожалуй, не он, не великий артист,
А какой-нибудь пьяный фонарщик с планеты людей,
Не вернувшийся лётчик, а мы —
Мы стоим, как стояли, спина к спине

Уточки-мандаринки плывут,
Юные сюрреалистки пришли с головами-цветами
К святому Антонию, синие бабочки, синие и голубые,
С глазами на крыльях, плывущие по коридору, а мы —
Мы стоим, как стояли, и перья колыхнутся
Над головами-цветами во льду

Локоть девственницы Сальвадора Дали,
Он растаял мороженым на солнцепёке,
Мираж над равниной, над утренним настом:
Шли стрельбы, я нежное место чуть не отморозил
И огненный трассер красиво ушёл в молоко

КРУГ ЧТЕНИЯ

Военный венеролог Готфрид Бенн,
Майор вермахта, поэт-патологоанатом,
Исключённый из союза чистокровных писателей,
Певец красоты бесславной и безобразной,
И другой изгой, трамвайная вишенка,

Назвавшая выродком диктатора, поправшего Рим
 Тяжёлым своим подбородком, — того самого выродка,
 Которого славил третий, заплативший за эти симпатии
 Пребыванием в железной клетке под пизанским солнцем
 И двенадцатью годами психушки, —
 Все они сейчас за одним столом,
 И вечный полдень длится, изливаясь
 На праведных и неправедных, на каждого,
 Кто в пору цветенья распада, гибели богов,
 Рождения трагедии из духа музыки
 И музыки из духа трагедии,
 После смерти Запада оставил в его груди
 Малютку-астру, воткнутую кем-то в шутку
 В рот утопленника, развозившего пиво,
 Соскользнувшую при вскрытии в мозг и перемещённую
 К сердцу покойника рукой поэта,
 Преодолевающего таким образом пресловутый разрыв
 Между умом и сердцем — разрыв, о котором
 Так много говорили, открывая Исаака Сирина,
 Ранние славянофилы

СОХРАНИВ ИЗМЕНЕНИЯ

Здесь моё обиталище, здесь, и оно меня не отпускает:
 Ждущий режим? Выключение? Перезагрузка?
 Первое — как бы попроще сказать? — первое — это свобода,
 Ограниченная нашей тварностью, в просторечии — жизнь;
 Второе, равно как и третье... Но, смерть, где твоё жало?
 Снова и снова — перезагрузка, снова и снова
 Бродяга плетётся мимо борделей и виселиц, бранных полей,
 Нисходит под землю, спускается по переходу
 В посмертный родильный тоннель:
 Круговращение тьмы, гордые духи,
 Но две-три фигурки во свете уже — свет!
 Много обитателей там, больше чем здесь
 Файлов и папок, и я, как могу, укрепляю фундамент:
 Станет ли он жилищем Твоим, этот дом, блок питания,
 Пищевблок, как сказали бы ранее?
 Лисы язвыны имут, и птицы небесные — гнёзда,
 Моё обиталище — здесь: здесь я прислушиваюсь, Ты знаешь,
 Здесь я живу — в этих буквицах, здесь принимаю
 Странников и не пытаю, как Твоё имя —
 Знаю: чудно оно, Твоё имя, о Ждущий Режим!

ЗА 101-М КИЛОМЕТРОМ

Аистов гнёзда на старых
Водонапорных башнях,
Ястребы на проводах вдоль дороги,
Совы, взлетающие из-под фар,
Бородинское поле поблизости, осень,
Брешут лисицы на червлёные щиты,
В стрельчатых окнах — Можайское водохранилище,
Праздник, на 1000 \$ роз без числа
И геральдических лилий от спонсора,
Вазы под каждой иконой, летят журавли,
Аистов только вот кто-то убил
Накануне Успенья, престольного праздника,
И с водокачки над крышей школы,
Школы приюта, крыло из гнезда торчало
Три ли, четыре дня, а всё-таки был он,
Был и на нашей улице праздник, всё было и
Как хороши в самом деле, как свежи!

НА ПОЛЯХ

...как бы игра Отца с детьми

О. М.

К сорнякам ли причтём это «как бы»?
Таинство как бы игры —
О, вот именно *как бы игры!* —
Тот сосуд, что струится
Веселием неисчерпаемым, сном золотым
Непреходящего благодарения

Как бы игра — наши вечера,
Возобновление трапез на каждой неделе и эти
Бдения у монитора при свете
Не монитора, но белой часовни луны —
Свете, светящем во тьме над кремнистым путём,
Вдоль которого высоковольтная линия
Тянется через иссохший Кедрон

СИХЕМ, ВОДОНОС У КОЛОДЕЦ ИАКОВА

Поэзия, прости Господи,
должна быть глуповата

Та амфора пытливой самарянки,
Кувшин ли просто... Господом хранима,
Бежит вода, чиста после огранки,
В пространстве золотом, идущем мимо,
Бежит вода, чиста после огранки,
И облако белеет нестерпимо
Над рынком, забытьём автостоянки,
Над блокпостами Иерусалима

Сергей Завьялов

ЧЕТЫРЕ ХОРОШИХ НОВОСТИ

ХОРОШАЯ НОВОСТЬ ОТ ЭРЗЯН

1.

И ходил Инешкайпаз по всем городам и селениям Приалатырского края, выступая в школах их, и в профессионально-технических училищах, и в домах культуры, сообщая хорошие новости о приближающейся Независимости и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях.

1. Особенно же в августе того года, когда шли, не прекращаясь, дожди;
2. когда чернозём превратился уже не в грязь, а в жижу;
3. когда шоссе за Чамзой (а дальше тогда асфальта ещё не было — гравий, покрытый гудроном) как будто бы даже изменило свой запах;
4. и в Атяшевской церкви (а в ней все советские годы служили) — синий деревянный куполок в дурацких золотых звёздочках —
5. на Илью-пророка старые мордовки клали поклоны без привычного усердия;
6. и деревенские пьяные оборванцы, и приехавшие на каникулы из Саранска девушки, неотвратно ходившие там по стезе блядства,
7. и из какой-то развалюхи притрусивший уродец с гигантской болтающей головой
8. пытались в ожидании Его укрыться от мокрого ветра под навесами автобусных остановок.

И, видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и что не было у них никакой жалости друг к другу.

2.

И разнеслась молва о нём по всей Мордовской АССР, и представители национальной интеллигенции сказали: «Вот пришёл тот, кто гово-

рит, что он — Сын Эрзянский, а сам любит пожрать и выпить, друг разному ворью и шлюхам?»

1. Да что угодно можно было говорить об этой странной компании, сидевшей в том августе вечерами, как тут говорили, «в кафе» —

2. вонючей ардатовской столовке — через дорогу от никогда не разбившейся праздничной трибуны из размалёванной фанеры;

3. вид у всех был измученный и уставший, или, как сказали бы в стихах, *трудящийся и обременённый*;

4. ели, не помыв рук, пили водку, мрачно смотрели перед собой, отказывались говорить по-русски;

5. местная шпана со страху (это из них кто-то стукнул потом в ментуру) переместилась тогда под пляжные грибочки у реки;

6. курили папиросы «Север» (считалось почему-то, что они меньше промогают), злобно ругались, грозилась всех отпиздить.

Менты же имели совещание против Него, как бы погубить Его. Но Инешкайпаз, узнав, удалился оттуда, и последовало за Ним множество народа, и он исцелил их всех.

ХОРОШАЯ НОВОСТЬ ОТ МОКШАН

1.

После сего Он проходил по городам и селениям Мокшанской стороны, и с Ним Двенадцать и некоторые женщины, которые служили им телом своим и именем своим.

1. И тогда как раз наступила весна, и был в тех краях небывалый паводок:

2. как будто Тёплое море, которое, как рассказывали старухи, отправился искать инязор Тюштян, само пришло к семени его.

3. И деревня Мокштрва (по-русски — Песочное Канаково), где они остановились на время паводка, сделалась островом.

4. И детей (*Густите их! Не мешайте им приходиться ко Мне!* — говорил Он) возили в Кондоровку, в школу, на моторках.

5. И над водой торчали кроны дубов, а в ивняке застревала недорастаявшая ледяная крошка.

6. И всю ту неделю, пока они были там, солнце слепило зрячих и оглушало слышащих,

7. И, когда на фермах не грохотала доильная техника, стояла даже можно сказать что тишина.

8. И так как вода не спадала, они в субботу, в начале третьей стражи, сбили замок с соседской плоскодонки; Его же не было с ними.

В четвёртую же стражу ночи подошёл к ним Оцюшкайбас, идя по воде.

2.

В один день приходит Он с учениками Своими в Саранск на вокзал и говорит им: поднимемся вверх, в сторону Присурскую. И взяли билеты в плацкартный вагон. И отправились.

1. И было в 4.15 утра, и пассажирский поезд № 669, Горький–Пенза, опаздывал только на 20 минут.

2. И во время следования их Он заснул. За окном же сделался сначала сильный снег и метель, а к рассвету всё стихло, но так похолодало,

3. что когда вышел Он на платформу в Пензе, весь город был в сугробах, и площадь перед обкомом КПСС была как ледяная пустыня, и по ней ходил постовой,

4. и в утренних сумерках Он подымался в старый город, не уклоняясь от ветра, не кутаясь в осенний плащ и без шапки,

5. а над трубами одноэтажных деревянных хибар мощно стояли дымы.

6. И пока шли, из переулков выползали больные и убогие, и вели слепых, и несли расслабленных,

7. и в скверике у училища имени Константина Аполлоновича Савицкого Его окружала уже толпа, и он обратился к ним по-мокшански,

8. и учил их тут же, на ветру и морозе, и как никто не понимал, Он стал прикасаться к пришедшим и приведённым,

9. и исцелил всех. И, приступив, ученики сказали Ему: для чего ты замолчал, Оцязор?

10. Он же сказал им в ответ: Я прикоснулся к ним, потому что не было у них языка, чтобы говорить с ними.

11. И совершил чудеса, потому что не было доводов для голов их.

Ибо огрубело естество людей сих.

ХОРОШАЯ НОВОСТЬ ОТ МИШАРЕЙ

1.

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

1. Некоторый татарин был богат; имя ему было Ильдар и родом он был из Кызыл-Октябрьского района Горьковской области. Он был благоразумный разбойник: не сел, не был убит.

2. *Он одевался в порфиру и виссон, и каждый день пиршествовал блистательно.*

3. По пятницам ходил в мечеть.

4. Был также некоторый бомж именем Равиль, который лежал у дверей вокзальной уборной в Сергаче, весь в струпьях; и дворняги, прибегая, лизали струпья его.

5. А другие татары *ели, пили, женились* и платили калым, выходили замуж и обрезали сыновей,

6. *ели, пили, покупали машины, перепродавали дефицит, строили кооперативные квартиры и дачи,*

7. и приходила осень, и шли дожди от Уразы до Курбан-Байрама,
8. а потом наступали зима и весна и лето, а там — Сабантуй,
9. и затем снова осень и опять Ураза.

Поистине Аллах — знающий, кроткий! А кто повинуется Аллаху и Пророку Его, того Он введёт в сады, где в низинах текут реки, — вечно пребывать они будут там.

2.

Но если бы ты видел, как завершают жизнь те, кто не веровал: ангелы бьют их по лицу и по спинам. Сражайся с врагами, пока вера вся не будет принадлежать Аллаху; но если твои враги склоняются к миру, склонись к нему и ты, и положишься на Аллаха, ведь Он — слушающий, сведущий.

1. Но и осенью, и зимой, и весной, и летом кому-то плевали в лицо, кому-то разбивали ботинками губы, кого-то лупили палкой по голове. Это были люди Закона.
2. А ещё были те, что об одном кричали «добро», а о другом «зло» и подтверждали свою правоту ударом ножа. Это не были люди Закона.
3. А Он говорил им «*Да святится*», ибо всё было в мерзости,
4. говорил «*Да приидет*», ибо ничего не приходило и не происходило,
5. говорил «*Да будет*», ибо ничего не было,
6. их самих не было,
7. а был пот Его как капли крови, падающие на землю.
8. И говорили Ему «Азор, Азор», а Он говорил им «Пошли в жопу. Не знаю вас».

**И хитрили все, и хитрил Аллах, а Аллах —
лучший из хитрецов. Нет Бога кроме Него,
великого, мудрого.**

ХОРОШАЯ НОВОСТЬ ОТ РУЗОВ

1.

После сего избрал Азор и других семьдесят учеников и послал их по двое пред лицом Своим во всякий город и во всякий посёлок городского типа, и во всякий райцентр, даже и до всякого сельсовета.

1. И были это Ордань-буе и Атяшево, Найманы и Кочкурово,
2. а также Ичалки и Кемля в Земле Эрзянской.

3. И были Потьма и Явас, Салазгорь и Пишля,
4. а также Пурдош и Сивинь в Земле Мокшанской.
5. А ещё Пикшень и Яз, Арзамас и Алатырь в уделе Пургазовом,
6. а также Чембар и Поим, Наровчат и Камешкир в уделе Пурешевом.
7. И Саран Ош с предместьями его: Атемаром, Посопом, Лямбирем.
8. И Пенза с предместьями её: Шемышлеем, Рамзаем, Ардымом.
9. И ты, Обран Ош, Нижний Новгород, отец городов мордовских, высоко вознесён рог твой.
10. Да сбудется реченное через вострубившую тыштянову *тораму*:

И ты, земля Буртасова, вдоль тянущихся степями шоссе, там, за Сурой, и ты, лесной народ на Цне, семя Мещерское, блудящий на стезе русской веры, даже вы увидели свет Независимости, и се — всем сидящим в тени смертной воссиял он.

2.

И вот приблизились к Обран Ошу — Нижнему Новгороду, — и когда вошёл он в Нижний Новгород и восходил по улице Свердлова, ныне Большой Покровской, весь город пришёл в движение и вопрошал: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Инешкайпас, мордовский бог.

1. В общем-то всем известно, чем эта затея кончилась, когда вся эта компания решила остаться в Нижнем до Пасхи.
2. Все слышали, что произошло в пятницу около 12.00 по московскому времени на Георгиевском съезде, что — в воскресенье около ноля часов на Бугровском кладбище,
3. Но главное: жизнь в городе дезорганизовать не удалось, работали метрополитен и наземный пассажирский транспорт,
4. порядок поддерживался исключительно силами милиции
5. без участия ОМОНа, без точечных бомбардировок, без взрывов в многоэтажных домах.
6. Так что никакой *Меч* никто не пронёс: остался на Мордовской земле *Мир* и в многонациональных её *человеках* — *благоволение*.
7. И согласие сына с отцом его, и дочери с матерью её,
8. и свекрови с невесткой её, и тещи с зятем её,
9. и всякого начальника с подчинённым его.

Тетянь, Цёранть ды Святой Духонть лемсэ.

Теперь всё.

Борис Херсонский

ХОЧЕТСЯ-ПЕРЕХОЧЕТСЯ

‡ ‡ ‡

и ещё привиделось

стою над могильной плитой
читаю надпись
такой-то и такой-то
родился тогда-то
умер тогда-то

в правом нижнем углу плиты
мелким шрифтом

продолжение смотри на обороте

КЛАДЕЗЬ БЕЗУМИЯ

‡

В нашем дворе,
как во многих дворах Одессы,
стоял колодец, точнее,
его имитация: под землёю была цистерна,
куда заливали воду, теперь, конечно,
эти цистерны пусты, или их завалили
строительным мусором после ремонта дома.

‡

Колодец был пуст, когда я был ребёнком,
вместо воды там поселились звуки,

как в морской раковине. Эффект тот же,
но звуки совершенно другие,
не шум морской, а шипенье
и неразборчивый шёпот.
Это было чуть жутковато,
но мы любили, склонившись
над колодцем, слушать, пытаюсь
разобрать слова, но через минуту
это занятие надоедало.

✚

Женщина в чёрном, с маленькой головою,
замотанною платком, как бинтом,
бледная, с водянистым взглядом,
опиравшаяся на костыль (ампутированные стопы,
ноги согнуты, подушечки на коленях),
совершенно безумная — вот кто слушал часами.
Она была неподвижна, лицо застывало:
наморщенный лоб, поднятые брови,
если хотите, называйте это кататонией,
парамимией, вербальным галлюцинозом.

Боже, как мы её боялись!

✚

Она ходила по городу, опираясь
на костыль, грозя кому-то рукою,
и говорила всё время, вернее,
что-то выкрикивала, но у колодца
она была совершенно безмолвна.

И это было ещё страшнее.

✚

Помню, во время грозы, я стоял у окна и видел,
как она медленно пересекала площадь,
под проливным дождём, при вспышках молний,
и всё кричала, всё грозила рукою.

Все мои друзья её помнят, но что она говорила,
не помнит никто, хотя мы понимали:
то, что она говорит, подслушано у колодца.

Одесский колодец, античный оракул,
безногая Пифия, детские страхи.

Кладезь безумия, вот что это было.

† † †

Ушёл с дудой, а пришёл с бедой,
дуда в голове гудит.
Ушёл чернявый, пришёл седой,
третий век за столом сидит.

Сидит, говорит про свою беду,
как оно было в аду.
Студили льдом, палили огнём,
а потом забыли о нём.

«Последняя кара была сильнее
холода и огня.
Жги больней, студи холодней,
но не забудь меня.

Сжалился Бог и до дня Суда
отпустил на побывку сюда».

Кланяясь, лебезя, семена,
вокруг суетится родня.

Полы метут, пекут коржи,
ставят на стол еду.
Просят: «Ещё, ещё расскажи,
как оно там, в аду?»

† † †

Ему остаётся растительное существование —
говорит она и долго моет руки бурым обмылком
хозяйственного мыла над щерблёной
эмалированной раковиной. Вода
не слишком холодная. Она надевает пальто
прямо поверх накрахмаленного халата
с вышитыми инициалами. В чёрной сумке
пачка поликлинических карточек, дугой
изогнулись зелёные трубки фонендоскопа.

+

Ещё два вызова в этом доме.

+

Растительное существование — что это значит
и почему это плохо?

Я наблюдаю за эрегированным ростком,
нежно раздвигающим половинки боба,
лежащего на марле в залитом водою блюдце.

Нужно вести дневник наблюдений.

+

Хочу быть плющом, поднимающимся по стене,
втискивать стебель в щели, выпускать светлые
клеёнчатые молодые листья поверх старых, тёмных,
хочу научиться крепко цепляться за существование,
растительное существование.

Хочется-перехочется, хочется-перехочется.

+

И ещё я хочу быть разведчиком
и вернуться в чёрно-белое, стрекочущее на экране
прошлое в тонких вертикальных царапинах
и предупредить их всех о готовящейся войне.

Но никто не слушает. Девушка сидит на скамейке,
раскачивая ногой, пары идут по аллее парка
между скульптур из гипса, мальчик, захлёбываясь,
пьёт газировку с сиропом.

Хочется-перехочется.

+

И ещё я хочу забыть о том,
что вот эта женщина, прогуливающаяся с внуком,
тоже была ребёнком и жила на том же учебном участке.
Когда-то к ней приходила доктор, носившая пальто
поверх крахмаленного халата

с вышитыми инициалами, с чёрной сумкой,
из которой торчали изогнувшиеся
резиновые трубки фонендоскопа.

+

Доктор была моя мама, нужно ли говорить,
нужно ли говорить?

+ + +

Витязи в кошачьих шкурах, точнее — коты,
существа никакие, не такие, как ты.

У ворот сидят неподвижно. Пересекают дворы,
ожидая, что люди будут с ними добры,
как они с нами мудры.

Самка плюс территория. В давнее время страна
имела повадки женщины, когда начиналась война.
Без Елены — писал Мандельштам — Троя кому нужна?

Не лучше когтей роговых бронзовые мечи.
Стоит ли метить кровью, что метят стружкой мочи?
Скользят по кроне каштана солнечные лучи.

Весенний ветер полощет выстиранное бельё.
Безумная рыжая баба к Пасхе белит жильё.
Чёрный кот глядит на неё. Этот возьмёт своё.

Грязно-белый проголодался. Хозяин опять на мели.
Сердобольный сосед с кошёлкой маячит вдали.
Зябко, вытянув лапы, лежать в пыли.

Бело-рыжий кот пирамидкой сидит на посту.
Радио шпарит: «весенний вечер, каштан в цвету...».
Да будь он трижды в цвету — какое дело коту?

+ + +

Мама, а почему
мы никогда не покупаем красивое?

+

Масло, картон: девочка в розовом платье.
Выражение лица блудливое.
Задирает подол, прижимает к щеке. Румяна щека.
Второй пухлой ладошкой гладит розового щенка.

+

Инвалид-продавец. Картинки,
гипсовые копилки.
На протезах шнурованные ботинки.
Багровый рубец на затылке.

+

Такие картинки
в детстве
я видел на рынке,
где томаты горкой,
где кореец орудует особой тёркой,
дроча морковь в оранжевую лапшу.
Мёд в банке, сметанка в крынке.
Мама спешит. А я не спешу.

+

На картинках всё больше дворцы, пруды.
Тётка шепчет громиле: «Я б хотела поехать туда».
Как говорится, спасибо художнику за труды.

+

На картинках всё больше дворцы. Но были и хижины.
Края соломенных крыш аккуратно подстрижены.
Белые облака мухами чуть засижены.

Мухи жужжат на тучке,
как на медовой липучке.

+

Я тоже хочу туда, где масляная вода,
где белая леблядь плывёт поперёк пруда,
где колонны торчат вкривь и вкось,

где из кустов выглядывает неуместный лось,
 где платье на манер песочных часов
 перехвачено бантом в талии,
 где кавалер без часов и усов,
 розы, сирень и так далее.

+

Все давно признались в любви.
 Испекли большой каравай.
 Птичка клюёт по зерну.

+

Плыви, леблядь, плыви,
 да близко не подплывай:
 шею тебе сверну.

+

Это годы мелькают, мелькают, сливаясь в один световой
 поток, что кадры хроники, когда-то сданной в спецхран,
 луч в темноте стрекочет над повинною головой,
 но не сечёт, останавливается, упираясь в экран.

Головы, плечи сидящих там, впереди,
 сливаются в очерченное синусоидой пятно.
 У аппаратной подсвеченная табличка: «Не подходи!
 иначе тебя отбросит на белое полотно!»

Я сам чёрно-белый, двумерный, не великий немой, а так,
 дёргаюсь, пересекаемый царапинами, в полупустом
 зале кинотеатра, где на свободных местах
 и на полу — скорлупки семечек и обёртки конфет. Потом,

в перерыве, всё это выметут. Влажной тряпкой протрёт
 пол техработник, уборщица, про себя матеря нерях.
 В ожидании сеанса в фойе толпится чёрно-белый народ.
 Дверь распахнулась. В глазах — скорей любопытство, чем страх.

+

Меняю комнату в коммуналке,
 девять квадратных метров,

на двухкомнатную сталинку
в центре города.

Знаете ли вы хоть кого-нибудь,
кому бы удался подобный обмен?

А вот я знал двух упрямых
несимпатичных людей,
которые упёрлись лбами
в стены своего пенала,
склепа, комнаты, называйте как угодно.

Они говорили — мы уйдём отсюда
только в двухкомнатную квартиру,
только в центре города,
только в сталинском доме.

Всех уже выселили.
Они остались одни.
Как бельмо на глазу.
Как кость в горле.
Как пятое колесо, называйте как угодно.

Им отключили воду.
Им отключили свет.
Им отключили газ.
Если бы это было возможно, им отключили бы воздух,
перекрыли бы кислород, как говорят в Одессе.

Им говорили: отсюда
вас унесут на кладбище.

Да, — говорил старик, — на кладбище,
на третье еврейское, но не отсюда,
а из двухкомнатной сталинки в центре города.

И они получили своё, вернее — чужое,
им выкроили какие-то деньги,
вероятно, за счёт других.

Второй этаж, сталинский дом,
светлые окна. Ремонта нет,
но можно жить. Можно.

Однажды он ей сказал: Лена,
как мы могли так просчитаться!
Мы забыли об нашем сыне!

Об этом пьянице? — спросила бабушка Лена.

Да, о нём. Он получит эту квартиру.
Он продаст её и пропьёт.
Той комнатки ему бы хватило
на месяц-другой, у него остался бы шанс выжить.

Это дорогая квартира.
Он умрёт, пропивая вырученные деньги.
Мы убили нашего сына, ты понимаешь?

Да, — ответила бабушка Лена, — я понимаю.
Где раньше была твоя голова, Яша?

Извини, — ответил Яша, — я только теперь подумал.

Думать надо всегда, — ответила Лена.
И кто бы не согласился с еврейской старухой,
твёрдой, как камень.

✦ ✦ ✦

Вдоль стены гетто идёт с кропилом монах,
за ним служка несёт сосуд с освящённой водой.
Луна то проглянет, то спрячется в облаках.
Монах, что Иисус Навин с беззвучной трубой,

обходит гетто. Скоро начнётся рассвет.
Монах окропляет стены и крестит тех, кто внутри.
Вот люди проснутся, а нехристей больше нет!
Время быстро бежит. Нужно успеть до зари.

Монах называет первые попавшиеся имена:
Антуан, Бенедикт, Афанасий. Не всё ли равно,
кому какое досталось! Перед глазами — стена.
Скоро рассвет. Но покуда ещё темно.

В гетто спят. Кто спит — не вступает в спор.
Монах ступает тихо — только бы не разбудить!
У входа в гетто стоит огромный собор.
Чтобы тем, кто выйдет, было недалеко ходить.

† † †

Например, выбивают ковёр, или хлещут плёткой человека, привязанного к столбу, или гремят кандалами по тракту. Или с продажной красоткой идут в номера. Атласный галстук измят,

как и лицо, впрочем, ноздри с красною окантовкой: простуда плюс кокаин. Смерть угнездилась в груди. В кривом переулочке ходит парень с винтовкой в долгополой шинели, и всё у него впереди.

И в псалме Давидовом пишется о собаках, погружающих языки в горячую кровь врага. О племенах истреблённых, вот только как их называли? Праведник поднял их на рога,

вернее, на рог, который символизирует силу рода, народа, страны, не ходи отворять на стук. Как скотину — обухом свалят, перебьют становую жилу, выпустят кровь с душой. Тушу повесят на крюк.

Вот вам свежее мясо эпохи, убоина паровая.
Вот вам вьюга времени: снег забивается за воротник.
Вот поёт часовой, сердце смертника разрывая.
Вот боги уходят в спальню и нас оставляют одних.

† † †

Б. О.

Человек на коне, в будённовке, с золотой трубой,
Зря ты трубишь — никто не пошёл за тобой,
Зря отбивает марш барабан полковой,
Зря могилы ваши в степи заросли травой,
Напрасны слёзы товарищей, бабий вой.

Ни кровли, ни окон — битый кирпич кругом.
Друг ударился оземь и обернулся врагом.
Мать прижалась к стене и слилась со стеной,
Трётся кот о стену спиной шерстяной.

Пересохла река — ни живой, ни мёртвой воды,
Лишь осока стоймя стоит, шелестит на ветру.

Прокажённые дни выстраиваются в ряды.
Завтра всех перебьют, а я никогда не умру.

Босыми ногами по пыльной дороге, да на плече
Коромысло, болтаются вёдра, монисто на каждом шагу
Звенил-гремит. Ты души не чаяла в трубаче,
А он зарезал тебя, чтобы ты не досталась врагу.

Чтобы ты не осталась жива в замершем селе,
Где старики сидят на прогревом сером бревне
Так же молча, как после будут лежать в земле
С царями, митрополитами и судьями наравне.

Говорят, в глубине криницы ночью живёт луна,
Днём она тоже там, но не так хорошо видна.

† † †

Представляешь, к нему приехали из Берлина,
наши, но из Германии, хотят у него лечиться,
а он валяется пьяный на зассанном старом матрасе
в углу, и в доме шаром покати, сынок-наркоман всё вынес,
прежде чем сесть в тюрьму, и запах, ты понимаешь,
а эти люди говорят: приведите его в порядок,
мы хотим у него лечиться,
неделю живут в гостинице, пока его там промывают
и вправляют ему мозги, он выходит,
что называется, с пылу — с жару, возлагает руки
на этих немецких, вернее, наших, но из Германии,
как ни крути, а придурков, и что-то шепчет,
заваривает им травки, собранные по китайским рецептам,
вернее, купленные в аптеке на углу, но какое дело
кому, откуда трава, им становится лучше, целой семейке.

Они отвалили ему целое состояние. Он, конечно,
прикупил себе мебель, старую, но приличную, сделал
кой-какой ремонт, обошёл мастерские
знакомых художников, как водится, получил в подарок
от каждого по картинке, а от кого и по две, развесил по стенам,
он говорил, что напрасно переклеил обои,
картинки бы скрыли пятна, всё обошлось бы дешевле.
Представляешь, я прихожу к нему, а он курит сигару,
развалившись в кресле, смотрит на стены, на книги,
он даже книги купил у одного отъезжанта, скопом, начал

их расставлять по полкам, но вскоре забросил.
Заходи, говорит, посмотри на моё хозяйство.
Когда снова запью — будет что выносить из квартиры!

ФЭНТЕЗИ

Маше Галиной

Юный чародей развеществляет
рыжего хомячка, сидящего на его ладони.
Хомячок понимает, что дело неладно,
в конце концов — не вчера родился,
но ничего не может поделать.

Он превращается в студень, покрытый шерстью,
дрожащую полупрозрачную массу.
Нет ни костей, ни мышц. Так создаётся
абсолютный и совершенный разум.

Юный чародей глядит на сгусток, лежащий,
пульсирующий у него на ладони,
ждёт, когда начнётся процесс мышленья.

Но ничего не происходит. Чародей не знает,
что его создание для того, чтобы мыслить,
должно достигнуть температуры,
сравнимой с жаром звезды при её рождение.

Абсолютный разум не хочет
обжечь ладошку ребёнка.

И ребёнок бросает сгусток на пол,
глядит с отвращением на дело своё,
думает — снова не получилось!

Но нет, растёкшийся сгусток
собирается в шар, внутри начинает что-то светиться,
свет становится ярче, он ослепляет.

Чародей слышит писк: «Я — Билли,
твой хомячок, отойди от меня подальше
и не гляди на меня — я тебя прощаю!

И огненный шар, стремительно прожигая
всё под собой, устремляется к центру планеты
и сливается с раскалённым ядром.

Чародей растерянно смотрит
на узкий колодезь такой глубины, которой
даже он не может постичь — ведь ему только девять
лет, он знает одно: через эту дырку
могут проникнуть сущности, о которых
никто до сих пор не имел представленья.

И действительно, вскоре
к нему начинают приходить многообразные гости
один за другим.

✦ ✦ ✦

Когда она была на седьмом месяце,
он уговорил её
провезти два кило героина
на своём отёчном, раздавшемся теле.

Пока она тряслась в поезде —
вместе с поездом и сама по себе, от страха,
он ввязался в какую-то историю в Виннице,
его замели, на квартире устроили обыск,
много чего нашли, а она в это время
ехала в Киев: вот как ей повезло.

У неё забрали товар и щедро расплатились,
но в Виннице деньги было некому отдавать,
разве только ментам, чтобы его отпустили,
но кому и как — этого она не знала,
собственно она вообще не знала, куда ей идти,
но тут начались схватки,
вопрос решился сам собой.

Ребёнок умер через неделю

За ней приехала мать,
которая так и не узнала,
откуда у дочери столько денег.

Много будешь знать, скоро состаришься.
А мама и так состарилась преждевременно.

Дочь боялась только одного:
что её будут искать и найдут.

Её действительно искали,
искали, но не нашли.

Через десять лет она случайно узнала,
что он вышел из тюрьмы, женился,
задушил жену и теперь снова в тюрьме.

Она пожелала, чтобы он оттуда не вышел.

И он не вышел: ему передали наркотик,
он умудрился, находясь в лагере строгого режима,
откинуть копыта от передоза.

Она иногда говорила мужу:
если чего-то очень сильно захочешь,
это всегда сбывается.

Но ничего не объясняла — а зачем?

Н А О Д И Н В Д О Х

Миниатюры

Олег Ленцой

ЯНТАРЬ НА ЛОТКАХ

† † †

встретились
он не просил
взаимы

† † †

не виделись годы
руку мою поймал
слепую и упустил

† † †

тёмный подъезд
трепещет всем тельцем
бабочка

† † †

янтарь на лотках
на этой улочке ловят
сетями предков

† † †

юная мать
сердито кричит на ребёнка
зовёт

† † †

правду о той войне
накрепко я усвоил —
свояк молчит и молчит

† † †

а вот и лыжня!
только выйдешь из дома
в мороз или в зной...

† † †

Памяти О.З.

умер поэт
домик такой что не выдержит
мемориальную доску

Александр Макаров-Кротков

ОТРЕДАКТИРОВАННЫЙ ЭКСПРОМТ

✚ ✚ ✚

адекватный
то есть
бесперспективный

✚ ✚ ✚

а уж это
известно кому
известно

САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

с себя — начать
и
с собой — покончить

ИСТОРИКАМ

карфаген
всё-таки
будет разрушен?

ОТРЕДАКТИРОВАННЫЙ ЭКСПРОМТ

в сущности
нет ничего

что
очевидно

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

ПЕРЕВОДЫ

Ямарбер Марко

СВОБОДА ДОЖДЯ

ПЕССИМИСТ

Человек
Всё время сомневается.
Человек
Останавливается на полпути.
И когда он возвращается назад
Я обрекаю его на следующие полпути.

ВРЕМЯ

Поражение — всего лишь вечность.
Победа — всего лишь мгновение.
Известно,
Что в пятнах на Солнце
Бьются сердца рабов.

СВОБОДА ДОЖДЯ

Своими длинными руками
Своими тонкими ногами
Он свободно проникает
К нам, в наш мир.
Я представляю его крики отчаяния и боли
Когда он остановится
Перед ломающей ему суставы
Железной решёткой.

ДЛЯ ДРУГОГО Я ВЕРНУСЬ

Я не вернусь,
Чтобы увидеть случайно упавшую слезу.
Я не вернусь,
Чтобы увидеть случайную улыбку
Не вернусь,
Чтобы сказать — я знаю, как тронуть пылинку,
Случайно подвешенную в пространстве недоразумения.
Я не вернусь,
Чтобы не дай Бог что-то почувствовать.
Я не вернусь,
Чтобы не дай Бог взять то, что моё.
Я не верну дни, потерянные в тюрьме.
Это невозможно.
Я не вернусь,
Чтобы прожить жизнь,
Которую вместо меня почему-то прожили вы.

ЕСЛИ КОГО-ТО НЕТ

Оставьте ему место среди людей
Свободным.
Позже он займёт его жить.
Оставьте ему место в жизни.
Он вернётся,
Чтобы снова потеряться среди нас.

**Перевёл с албанского Андрей Сен-Сеньков
при участии Валентины Коротаевой**

Василис Аманатидис

НОВОСЕЛЬЕ В СОТАХ

НОВОСЕЛЬЕ В СОТАХ

Очевидно, когда пчёлы горят,
они становятся нежными, как пунцовый бархат,
и хрупкими, словно голый зрачок голубого глаза.
Потом они умирают.

В начале был огонь.
Он плавил соты.
Возносились последние грёзы народа пчёл.
На короткое время
образуется пробка из пчелиных грёз.
Потом они испаряются.
Но поскольку сны пчёл
пахнут цветами,
то и по прошествии времени
новый рой
будет тщетно искать там, наверху,
сад.

НЕВЕСОМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

есть птица которая
по ночам никогда не опускается
спать на деревья
 она спит сомкнув крылья
 неподвижно в центре воздуха

Никто не держит её сверху

пока длится день она утомляется летая
с силой хлопая крыльями ибо
её лапы остались в яйце и ей не дано

знать, что другие способны ходить
и поэтому она с силой хлопает крыльями

ночью она успокаивается,
спит вертикально
словно маленький ящик
она не летает можно сказать
она лежит

Днём она снова летает

ЗАЯЦ И СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ

Серый заяц неподвижен,
его задние лапы
упираются
в почву,
а передние тяжело висят.
Его уши полощет ветер,
как два куска парусины.

«Я разлюбил сельскую местность», —
думает заяц.
По ночам он неподвижен.
А воздух — синий.
«Ах, я совсем разлюбил сельскую местность».
Днём он не движется.
А воздух — белый.

Он думает, что кем-то заколдован.
Экая неподвижность!
Стоять вот так, молча
прислушиваясь к равнине...
Он не видит деревья,
Но они должны быть где-то рядом.
Впрочем, он разлюбил деревья.

«Нет, я больше не люблю сельскую местность,
значит, кончилось время,
когда я любил её...» — думает
заяц с бусинками в уголках глаз.
Его лапы украшены землёй.
(Он набальзамирован)

Почва не укрывает его. Она его топчет.

Олесь Барлиг

ЩЕГЛЫ И КАНАРЕЙКИ

ЩЕГЛЫ И КАНАРЕЙКИ

если тебя потрошить
[как выяснилось с утра]
из твоего живота полезут щеглы и
[уже не в таком объёме]
багряные канарейки
набросав эту кучку
живот заструится остывшим
[с набрякшими лепестками]
каркаде армянского сбора
тотчас свой танец начнут мотыльки
[со страхом держа пальцы ос
в своих ладонях]
вот уже твою сукровицу пробуют на вкус
кривятся от кислоты
снова заводят танец
снова пробуют

смеркается
стены выжимают из себя серебро
[редкое и холодное]
трещинки беременеют им так беспомощно
будто девочки [всем классом]
от учителя рисования
паутина укладывает себя в косматые кисти
[как если бы одуванчики созрели гроздьями]
щеглы оказываются более жизнеспособны
порхают над селекционными формами
карамельных птичек
раздувают перьями привядший пожар
мотыльковых крыльев
замечают лужу жёлто-чёрной полосой

закручивают паутину
кистями

‡ ‡ ‡

ночь подбирает ключи к моей калитке
 первый из серебра
 входит на диво легко
 как входит каждый в Мокрянке
 во влагилице Наташки Хомуры
 [оно всегда влажное
 [Васька божился
 что в нём давно завелись мокрицы
 [ему лучше знать
 это ж он был восьмым
 [то есть последним]
 с кем она побывала в ЗАГСе]]
 так вот
 входит он легко, но толку приносит мало
 и ночь нашаривает в кармане ключ из мрамора
 этот лезет так туго
 будто в мальчика что делает это впервые
 потихоньку подвигается вокруг своей оси
 застревает
 пускает корни в гнездо
 готовится зацвести
 отсекается острым ножом
 возвращается в карман
 [отлежится где-то с неделю
 заживёт
 и может ещё пригодиться
 для входа в другие ворота]
 и пора доставать третий ключ
 [хрустальный [с треугольной головкой из жемчуга]]
 этот ковыряется в замке весьма долго
 скрипит
 шебуршит
 [одним словом уламывает его
 медные внутренности
 сдать
 за несколько часов находит для них компромисс
 ахнув
 размокает
 [как сладкие мокнут сухарики

в беззубых ртах стариков
которым лень заваривать чай
во время совокуплений
с азбукой собственных хворей]]
калитка теряет очертания
ночь склонив голову набок
под грузом тяжёлой косы
улыбается как-то притворно
отодвигаюсь влево
не зная как ещё
позволить ей
сесть со мной рядом
не сплховав
очередной двусмысленностью

‡ ‡ ‡

мама
возьми топор и сделай меня худым
отсеки всё лишнее
это сырое тесто — недуг
всех мужчин моего рода
заплети моё мясо в
обратную сторону
а потом
[утерев пот со лба]
принимайся за полную луну лица
обменяй у изгнивших пращуров-греков
пуговку моего носа
на эти их клювы
[только как пойдёшь
на крымские нивы
мама моя дорогая
возьми меня с собой
вот такая вот блажь у меня
поглядеть на греческие очертанья
минувшего века]
я даже согласен лишиться
ты слышишь
уст
которым завидуют многие
уст
которые кое-кому хотелось украсть
[в конце-то концов

не такая уж будет потеря
 они всё равно
 не созданы для поцелуев
 держать же такую роскошь
 и не иметь от неё
 никакого проку
 совершенная наглость
 и
 прямо скажем
 стыдоба]
 займись этим как-нибудь
 мама родная
 когда придёшь с работы не слишком поздно
 и заскорузлые богатыри хозяйственных дел
 снисходительно переглянутся и разрешат
 тебе воплотить эту мою заморочку

Перевёл с украинского Дмитрий Кузьмин

Йона Волах

Из книги
ДИКИЙ СВЕТ

Д-Р ЭТИКИ

идёт в магазин
идёт в аптеку
думает, что слямзить
что стоило бы взять
д-р этики
д-р философии

знает, что нельзя
знает, что можно
знает, что есть зло
непреложно
д-р этики
д-р философии

идёт в горсовет
в кинотеатр «свет»
чтобы повезло
повыше тянет руку
предъявляет права
на точную науку
д-р этики
д-р философии

в оптику идёт
и в ипотеку
идёт в магазин
и в аптеку
не врёт
не грабит
не убивает
идёт в магазин

никого не задевает
 ничего не берёт
 никого не ругает
 д-р этики
 д-р философии

КЛУБНИКА

когда придёшь переспать со мной
 надень чёрное платье
 в клубничках
 и чёрную шляпу
 с клубничкой
 возьми корзинку с клубничкой
 и продавай мне клубничку
 скажи мне тонким голосом сладко
 клубника клубника
 кто хочет клубники
 под платье ничего не надевай
 а позже
 видимые или невидимые нити
 пусть вознесут тебя вверх
 и опустят тебя
 прямо мне на хуй

КОГДА ПРИДЁШЬ

когда придёшь переспать со мной
 надень полицейскую форму
 я буду мелким мазуриком
 а ты полицейским чином
 прессуй
 выжимай секреты
 я фасон держать не буду
 я не буду мужчиной
 я расколюсь
 до самой жопы
 всех заложу на месте
 плюнь на меня
 пни в живот
 выбей зубы
 отправь меня на неотложке
 в будущее
 в завтра

КОГДА ПРИДЁШЬ ПЕРЕСПАТЬ СО МНОЙ КАК СУДЬЯ

когда придёшь переспать со мной
надень судейскую мантию
я буду малюткой осуждённым
ты ведь так любишь наряжаться
на каждый случай жизни у тебя свои наряды
не раздевайся оберни меня чёрной полою
а под ней оставайся голым
впусти меня
я буду малюткой осуждённым
экзистенциальным мазуриком
который сам себя осудит
на тыщу духовных казней за день
мне не прожить вечной жизни
я умру в ближайшее мгновенье
как вонючий номад безлико
да восторжествует закон
напяль на голову парик
распяль меня стоя
вставь мне
чтоб мне не вспомнить где я
играй в те игры
которые только тебе знакомы
иначе мне не вспомнить что это ты
иначе мне не узнать кто ты
сделай чтоб я узнала

КОГДА ПРИДЁШЬ ПЕРЕСПАТЬ СО МНОЙ КАК ГОСПОДЬ БОГ

приходи переспать со мной
как господь бог
только дуновеньем
истерзай меня
будь вечно недостижимым
оставь меня в муче
в глубоких водах
никогда мне не выплыть на берег
ни взглядом
ни чувством
ни потопом
воды и сверху и снизу
никогда не небо
открытый воздух
самое открытое место

всего закрытее в мире
 открытое место всегда закрыто открыто
 не закрыто и не открыто
 то есть закрыто и открыто
 то есть не закрыто и не открыто
 чтобы я и не мечтала
 увидеть всё сверху
 увидеть сверху всю местность
 будь исключительно духовным
 как чистый росток
 как стон боли
 чтоб мне никогда не прикоснуться
 чтоб мне никогда не изведать
 чтоб мне никогда не испытать по-настоящему
 никогда по-настоящему
 как все те кто всегда тебе
 по дороге

КОГДА ПРИДЁШЬ ПЕРЕСПАТЬ СО МНОЙ ПРИХОДИ КАК МОЙ ОТЕЦ

когда придёшь переспать со мной
 приходи как мой отец
 приходи в темноте

говори его голосом
 чтоб мне не узнать
 я поползу на четвереньках
 и расскажу о том, чего у меня нет
 а ты погрозилшь мне пальцем:
 «ослица!»
 расстанься со мной у ворот
 скажи привет
 тысячу раз
 со всей тоской, какая есть
 пока господь не скажет:
 «хватит»
 и я дам тебе уйти
 и не возлягу
 ни с господом богом
 ни с отцом
 захочу переспать с тобой
 но ты не позволишь
 вместе с моим отцом
 окажешься внезапно

ответственным
за сдерживающие центры
отец мой будет архангел
глава ангельских воинств
и вы оба попытаетесь сделать из меня
хоть что-то
я почувствую себя
пустым местом
и сделаю всё
что скажешь
с одной стороны ты будешь богом
и я стану ждать того что после
и ты не будешь начальством
а я не буду доходягой
поделю тебя на два
и себя тоже
часть души
часть тела
ты возникнешь как двое
и я тоже
как два тюленя
один ранен
тянет плавник
или две женщины
одна всегда хромает
а ты один личина
и другой с трудом различим

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

что ты поёшь, птица
кто-то другой
распевает из твоей гортани
кто-то другой
сочинил твою песню
поёт её дома
твоим голосом
птица птица
что ты поёшь
кто-то другой поёт
из твоей гортани

З А П А С В О З Д У Х А

АРХИВ И МЕМОРИАЛ

Александр Скидан

СОВПАДЕНИЕ В ПЕЙЗАЖЕ

Каждого человека ждёт где-то его собственный образ, который, если суметь его найти, способен уничтожить Вселенную.

Луи Арагон

Очень долго я не мог собраться с духом и написать о Василии Кондратьеве. С его смертью что-то оборвалось, ухнуло на дно темноты того самого вентиляционного колодца. Этот колодец, или дровяной лифт, простреливающий навывлет семь этажей, бок о бок с чёрной винтовой лестницей, надо видеть. (Но видеть — не значит говорить; тогда говорить я не мог.) Надо, преодолевая дурноту и страх, одолеть четырнадцать смрадных маршей; с забранной перилами узкой площадки, напоминающей капитанский мостик, проникнуть, повозившись с дверью, в чердачное помещение и уже оттуда выбраться через слуховое окно на крышу, которую посередине прорезает, венчая «домиком», стеклянный фонарь. В него-то, пробив ветхий настил, он и шагнул.

По неосторожности, думая прыгнуть прямо на площадку и тем самым сократить путь? Понадеялся на настил, оказавшийся прибитой пылью трухой? Или его, что называется, качнуло — чисто инстинктивное движение, спровоцированное теменью, подальше от обрывающегося вниз ската (Василий, как ни дико это звучит, боялся высоты), к эфемерной опоре фонаря, предательски раздавшегося под ним с глухим стеклянным хлопком?

По роковому совпадению, иначе не скажешь, это произошло в большом доходном доме в *стиле либерти*, с фасадом болотно-зелёного цвета, смотрящим на ул. Рылеева, — соседнем с последним пристанищем автора «Форели...», которого Вася боготворил. Собственно, и друзей-то он привёл сюда, чтобы показать им «дом Кузмина»... Вообще этот район Петербурга был ему по-особому дорог, подсвечен страннопримными огоньками покинутости, прощания — и в то же время обетования, завещанного как будто лично ему. В рассказе «Зелёный монобль» есть описание этого «русского Берлина», в нём точно загадано на сбывшееся будущее: «Кварталы вокруг Надеждинской, остров, омываемый торговыми проспектами, ограниченными костёлом, немецкой кирхой и загадочным Таврическим садом: здесь тихо и в разгар дня, улицы заполняются только звоном колоколов собора Спаса Преображения. Как будто поминальные о пока несбывшемся искусстве. Кафейница вдруг напоминает, что в этом доме когда-то было издательство «Петрополис», сначала местное, потом берлинское; точно так же из этих кварталов, светских и ху-

дожественных, а в ленинградские годы вымирающих, уезжали, замышляли, но сделать не пришлось. Берлин для этих мест — вроде того света; в его мифе есть и русские кости. Но все годы здесь остались и жили самые мистические поэты Петербурга, жил Хармс, жили Кузмин и Юркун».

Подобных предчувствий в прозе Василия Кондратьева немало. Трудно отделаться от мысли, что, поминая и перелагая любимых авторов, он притягивал к себе и их судьбу (я думаю, прежде всего, о Жаке Риго); или, нарвавшись на такое, к примеру, признание в повести девяностого года «Соломон», ещё бравирующей учинённой в избытке сил вакханалией: «Самый любимый сюжет — о поэте, позабывшем стихи и странствующем по городу в ожидании такого совпадения в пейзаже, чтобы наконец упасть замертво», — не поверить, что он напророчил себе то, чего, быть может, пытался всеми силами избежать. Ведь пророк, коли на то пошло, это тот, кто бежит собственного предназначения, чтобы тем самым вернее его исполнить. Поэт и переводчик по призванию, а не по роду занятий, Василий должен был ощущать это острее других.

И ещё одна неотвязная мысль, тоже из области совпадений, в которых поневоле задним числом начинаешь прозревать судьбу или рок. На следующий день, отыскав с Глебом Моревым и примчавшимся из Москвы Даней Кисловым нужный флигель, мы обнаружили там бумажник, отлетевшую пуговицу от френча, сплюснутое кольцо и... карманное французское издание «Татарской пустыни» Дино Буццати.

В этом был весь Вася. Я хочу сказать, «Татарская пустыня» давным-давно существовала по-русски, сборник вышел более чем доступным тиражом в серии «Мастера современной прозы» с тиснёным трилистником на обложке, но наш друг предпочитал французский перевод. Из брезгливости ко всему «советскому»? Из снобизма? Просто потому, что книжка удобно помещалась в карман, и с ней можно было странствовать по городу налегке? «Весь Вася», говорю я, и вижу на каменном разверстом полу «Татарскую пустыню», ставшую ему последним оплотом, эпитафией и надгробьем.

Позволю себе кратко напомнить сюжет. Он немного кафкианский и беден событиями, как бедна ими гарнизонная жизнь в пограничной, затерянной в горах крепости на краю Татарской пустыни, куда получает назначение молодой лейтенант Джованни Дрого. Никто не знает, почему пустыня называется Татарской, и от кого здесь нужно обороняться; ни в одну из войн татары, вообще никакой противник со стороны пустыни к ней не подходил. Поначалу унылый гарнизонный быт, доведённый до абсурдного совершенства, вызывает у Дрого, мечтающего, понятно, о славе, острейшее желание покинуть крепость. Однако вскоре он начинает понимать, что место его службы — не просто крепость. «Из северной пустыни должна была прийти удача, необычайное приключение, тот чудесный случай, который по крайней мере раз в жизни бывает у каждого. Из-за этой смутной надежды, с течением времени становившейся всё более расплывчатой, взрослые мужчины проводили в Крепости лучшие свои годы. Нормальная жизнь, простые человеческие радости, заурядная судьба были не для них; живя здесь бок о бок, они лелеяли одну и ту же мечту, хотя никогда не обмолвились о ней ни словом...»¹. Летят годы, но ничего не происходит. Крепость ветшает, её гарнизон сокращается. Дрого, как и остальные офицеры, подпавшие под чары таинственной Крепости, расположенной на границе с Неведомым, не перестаёт ждать. Он ждёт события, которое должно наполнить его жизнь смыслом. И в конце концов, действительно, появляется вражеская армия. Готовится

¹ Перевод с итальянского Фриденги Двин.

нель, не то френч. В любом случае, он сразу же произвёл впечатление старшего по званию, взяв по отношению к нам, неофитам, чуточку небрежный тон. Этот тон, вообще его манера держаться с малознакомыми людьми, случалось, многих отталкивали, но там и тогда Василий, безусловно, имел некоторые основания заноситься: он уже печатался в самиздате, знал все «центровые» кофейни и рюмочные, водил дружбу с Останиным и «самим» Драгомощенко, сыпал именами иностранных поэтов и рассуждал о загадочной «Поэтической Функции» (лаборатории, а не термине). На руке его посверкивал декадентский перстень.

«Доклад», с которым он выступал, был посвящён Кузмину. Кавычки здесь более чем уместны, потому что говорил Василий сбивчиво и словно бы куда-то в сторону. (И так будет всегда.) Как я сообразил только потом, тогдашняя его речь представляла собой конспект программной статьи «Предчувствие эмоционализма: М. А. Кузмин и «новая поэзия»», предназначенной для конференции «Михаил Кузмин и Русская культура XX века» (одноимённый сборник вышел под редакцией Глеба Морева в том же 1990 году). Эта небольшая по объёму статья и сегодня поражает своей решимостью и размахом. Поместить поиски Кузмина двадцатых годов в мировой контекст, связать их с панорамными вещами на границе стиха и прозы, создававшимися в сороковые Бретоном («Ода Шарлю Фурье») и У. К. Уильямсом («Патерсон»), с «разъятым стихом» Чарльза Олсона, увидеть ту же тенденцию «расширения пределов допустимого» в развитии ленинградской поэзии — от Вагинова и обэриутов до А. Драгомощенко, В. Кучерявкина и С. Завьялова, — едва ли я ошибусь, если скажу, что никто, ни до, ни после Кондратьева не предпринимал столь дерзкой и масштабной попытки. Но кто в ту пору мог её оценить? Два-три человека, плюс названные им же самим поэты? Да и те относились к Кузмину с традиционной прохладцей...

То была, конечно, программа на будущее. Манифест, призванный собрать под свои знамёна разрозненные на группки и кружки, не подозревающие о существовании друг друга, части. Неслучайно, помимо сборника материалов конференции, Василий напечатал этот текст ещё дважды — в «Митинном журнале» и «Звезде Востока»; он сознавал первостепенное значение провиденциального, учреждающего воображаемую общность высказывания и торопился, справедливо полагая, что будущее неотвратимо творится здесь и сейчас, что рухнувший железный занавес предоставляет неслыханные до селе возможности.

Шёл, напомним, 1990 год. В Ленинграде только что побывали поэты «Лэнгвидж скул» и Анри Делюи, стоящий во главе «Аксён поэтик». «Паника и экзальтация, ужас и восторг, беспокойствие, неуравновешенность — вот пафос современного искусства, а следовательно, и жизни. Смешанность стилей, сдвиг планов, сближение отдалёнейших эпох при полном напряжении душевных и духовных сил». Василий Кондратьев вдохновлялся «Декларацией эмоционализма» Кузмина и, принимая во внимание расстановку сил в «неофициальной» культуре, видевшуюся ему сквозь призму сюрреализма, метил, должно быть, на роль если не Бретона (на которого, кстати, был и внешне похож, как, впрочем, и на Оскара Уайльда), то Аполлинера, возвестившего о кубизме и новом поэтическом сознании. Он бы и мог стать таким провозвестником; он жил, как и говорил, в захлёб, опережая собственную мысль и мысль собеседника, опережая время, раздвигая себя, «сея на все ветра»; паника и экзальтация, ужас и восторг были его пафосом, его существом. Но — и тут завязывается та жизненная драма, которой суждено было ока-

заться неразрешимой и которую Вячеслав Курицын в единственной, кажется, рецензии на книгу «Прогулки» (1993) со свойственным ему прямодушием обозначил так: «Гуляй, Вася!».

В 1991-ом перестала существовать страна, в которой мы родились; друзья и единомышленники стали разъезжаться, кто в Израиль, кто в Америку, кто в Европу; географическая удалённость, казавшаяся иллюзорной, вдруг сделалась физически ощутимой; иные озаботились карьерой или подались в коммерцию; Ленинград, превратившийся к тому времени в Петербург, опустел, и Василий натолкнулся не то чтобы на стену непонимания, но на исторический разлом, остался один на один с косностью, чванством и непреодолимыми личными распрями внутри той среды, плоть от плоти которой он сам же и был.

Разумеется, произошло это не в один миг; и, разумеется, помимо внешних, «объективных» обстоятельств, сказался глубоко внутренний разлад, переросший со временем в жесточайший кризис. Поэзия уходит, проза начинает звучать иначе. В 1992-ом он пишет исполненную надлома и меланхолии повесть «Нигилисты», где доверяет эпистолярному жанру сказать о своей саднящей тоске: «Что ты, мой дорогой друг, там — откуда твои письма дойдут сюда из прошлого, из-за океана почти символического? Я вижу, как мы уже поблели друг для друга, и только живая память, теплеющая в письмах, преодолевает мир надгробий и незавершённых возможностей, составляющий наше одиночество. Нам даже некого назвать учителями, мы вспоминаем чужих людей, которые начинали и не пережили эпоху: теперь, спустя поколения, мы как будто бы живём заново. И не зря наше рассеивание, наш опыт по-своему новый для вечно поэтического ощущения себя бродягой. Ведь страны, где мы жили, больше нет: рассыпалась и сейчас вместе с нами покоряет иные края. Не удивляйся, если для тебя, издали, здешняя жизнь превращается в грандиозную фантазмагорию призраков, где мы голодаем, рыщем стаями в беспорядочной войне, и уже не красное, а зелёное знамя окрашивает Россию... А для меня здесь разве существует Россия не мнимая и не хаотическая? Спустя долгие советские годы никакая память не скажет о моём праве на свой личный, организующий кусок земли. Но остаются упрямая страсть пионера и воля к порядку вещей, бесстыдная перед фактами».

Именно в тот период, летом 1992-го, мы и сблизились по-настоящему. В «Борее» был праздник «Митинога журнала». Ольга Абрамович насобираала по знакомым денег, чтобы пригласить авторов из других городов и весей. Мы с Василием отправились за очередным ящиком вина на Жуковского. Я только что напечатал в «Митином журнале» статью о «Шмоне» Кривулина, и по дороге Вася допытывался, неужели мне и вправду нравится этот роман; для него Кривулин был воплощением истеблишмента, главой враждебной партии; сам факт, что я взялся о нём писать, казался ему вопиющим нарушением негласного кодекса.

Он был экстремист; категоричный в суждениях, не всегда внятных, но всегда безапелляционных, не выносил разговоров с придыханием, половинчатости, заискиваний, протекционизма. Авторитетов, общепринятых в интеллигентских кругах, для него не существовало; при слове «Ахматова» он хватался за пистолет. Ценил только маргиналов из маргиналов: Вагинова, Андрея Николева, Ильязда, Поплавского, Леона Богданова. (И, надо сказать, разбирался в них как никто другой, задолго до их широкого признания; он, что называется, чувствовал их кожей — родная душа.) При этом — характерная черта —

пытался опекать вполне состоявшихся поэтов предыдущего поколения, тех же Кучерявкина, Завьялова, Шамшада Абдуллаева. Порой нечто похожее на нравоучение, а то и «выволочку», проскальзывало у него в отношениях с людьми, которым в творческом и человеческом плане он был многим обязан и не скрывал этого (он был щедр на посвящения как никто²). Поводом могли стать неблагоприятные, как он считал, высказывания или поступки с их стороны; ригоризм, приводивший к печальным недоразумениям.

Его раздирали крайности. Щепетильный и требовательный к другим, из своей личной жизни Вася умел устроить подчас форменный хаос. Он мечтал о жизни затворника и — срывался в загулы; хотел возвышенной ясности в любовных отношениях и — всё глубже увязал в чувственной смуте, втягивая в неё третьих, четвёртых лиц. Презирал литературную среду, которую ему ничего не стоило назвать «сбродом», и тем не менее регулярно — и не без видимого удовольствия — пускался в пространные объяснения на различных презентациях и посиделках. Ненавидел административное попрание, вообще любые претензии на культурное водительство, и однако же затеял собственное издательство («Новая Луна») и журнал («Поэзия и критика») — деятельность, неизбежно связанная с властью и культурной политикой. Лелеял в себе мизантропа и отшельника, но при этом его неодолимо влекла к себе двусмысленная атмосфера полусалона-полуборделя, царившая в домах некоторых художественных натур. Денди и всегда чуточку сноб, он не мог позволить себе одеваться соответствующим образом и ходил в одиночку в протёртых до дыр вельветовых штанах, гордо неся вместо положенной бутоньерки категорический императив наплевать и нужды. Он нигде не работал и жил, не считая редкие гонорары, на фу-фу, что в девяностые стало уже немыслимой роскошью (я работал в котельной и всё равно вынужден был распродавать библиотеку и перезанимать у родных); но если вдруг у него заводились деньги, мог легко позвонить и пригласить на рюмку коньяка или просадить их каким-нибудь иным способом, чтобы потом неделями не иметь возможности выбраться в город. Человек бешеной свободы, смолоду выбравший бунт и самостоянье, он должен был страшно тяготиться своей, выражаясь деликатно, материальной зависимостью, хотя никогда не говорил о ней вслух иначе как с юмором. (Надо заметить, Василий обладал весьма своеобразным чувством юмора, лишь отчасти покрываемом определением «сардонический»; блистательный тому пример — отдельные пассажи в «Поэтических машинах», вся целиком «Девушка с башни», «Любитель любовей», письма.)

Втайне он терзался, конечно, тем унижительным статусом, который предлагало ему общество в обмен на его подвижничество: вплоть до середины девяностых редкий номер «Митинога журнала», «Звезды Востока» и «Места печати» выходил без его прозы и переводов (чистая «благотворительность» с его стороны). В 1994-ом он в кои-то веки получил грант и организовал фестиваль «Открытие поэзии», ставший подлинным открытием и прорывом, издал миниантологию «24 поэта и 2 комиссара» и превосходный — первый и единственный — номер «Поэзии и критики». Ни эти усилия, ни Премия Андрея Белого, присуждённая ему в 1998-ом, ничего не изменили. «Гуляй, Вася!»

² Посвящения и перекрёстные ссылки в сочинениях Василия Кондратьева образуют не просто интер- или гипертекст, но, прежде всего, призваны наделять существование того сообщества разбросанных по миру и во времени одиночек, к которому он обращается и которое, скреплённое печатью этого жеста, обретает тем самым черты неопровержимо реального. Вот почему с его смертью все мы, чьи имена он окликал, ощутили, что возвращаемся в состояние призраков.

Виктор Лапицкий как-то сравнил его с громоотводом, в том смысле, что он первым и больше других принимал на грудь невзгоды и бедствия, задевавшие остальных, кто составлял наш круг, лишь по касательной. Это правда. (Гибель Сергея Хренова, выпавшего из окна в 1995 году, буквально подкосила его.) Но он и сам был ходячий клубок противоречий, шаровая молния, блуждающая, чтобы испепелить первого встречного и поперечного, а заодно и себя. По-английски таких называют *troublemaker*. С ним ничего не стоило угодить в историю. За два дня празднований «Митинога журнала» в «Борее» он умудрился дважды нарваться на гопников, и ходил, торжественный и притихший, с распухшей физиономией. Начало нашей дружбы тоже отмечено характерным эпизодом. Я ставил кипятить чайник, когда Вася позвонил, и во время нашего задушевного телефонного разговора тот таинственным образом опрокинулся, обварив мне левую ступню — да так, что я несколько дней провалился с задранной к потолку ногой, а потом ещё неделю ковылял с тросточкой.

Впрочем, это происшествие — из разряда курьёзов. Случались и пострашнее, когда из него вырывался дух саморазрушения, исступления, граничащего с безумством. Разведённый пепси-колой спирт «Рояль», каковой имели обыкновение подавать тогда на вернисажах и вечеринках, тому способствовал; но и потом, когда появились более гуманные напитки, Василия, если находила на него такая минута, было трудно удержать в рамках. Он мог зашибить. Мог выбежать на улицу в неглиже. Мог вскочить на подоконник и, растворив окно, изготавиться к прыжку (однажды мне пришлось удерживать его за ноги в такой позиции). Он любил поставить Мэрлина Мэнсона и, по пояс голый, танцевать под эту музыку, от которой у меня ломило зубы, до полного изнеможения. Танцевал он, словно рубил дрова — с недобрый ухарским гиканьем, наотмашь, вразнос, что так не вязалось с его вкусом и пристрастиями в иных вопросах. В нём просыпался медведь-шатун, козлоногий Пан. В подобном состоянии он позволял себе взбрыки, от которых мне, тоже знавшему о казарменных ухватках не понаслышке, становилось не по себе. Зато наутро, как если бы ночной дебош помог изbleвать ему тёмную аниму, он лучился нездешним покоем, был сама нежность и доброта. Глоток кофе или чего покрепче — и впереди расстилалась блаженная праздность. Мы отправлялись в город или просто оставались беседовать обо всём на свете...

Нельзя было его не любить и одновременно не отшатываться. То, что так ранило и притянуло меня в его ранней прозе, вселив безоговорочное чувство восхищения и мгновенного узнавания («именно и только так и надо писать!»), — судорожная свобода и красота, сквозняк вакхического прожигания жизни, — оборачивалось своей зловещей изнанкой. Не потому ли и *стиль либерти* ассоциировался для него с руинами, с ощущением, «что здесь существует жизнь, которой *не должно быть*» (см. «Зелёную книжку»)?³

³ В другом месте он уточняет: «Поскольку в трудную минуту человека тянет *задуматься над руинами*, В. любит побродить у зданий, которые остались в его городе от той краткой эпохи *либерти*, где он находит ни с чем не сравнимое воплощение свободы, возвышенности и цинизма человеческого духа» («Альфред-Жарри»). Вот это триединство — свободы, возвышенности и *цинизма* — и составляло нерв духовных борений В., то ядро, разъятие которого грозило ввергнуть либо в односторонний бессильный романтизм с его патетикой недостижимой мечты, либо в тотальный нигилизм (белая пустая страница, дуло к виску).

† † †

Необходимо, хотя и трудно, коснуться и другого центрального — не психологического, а экзистенциального — конфликта, разрывавшего его изнутри. Я не буду подробно комментировать, просто обозначу непримиримые полюса.

Ультразападняк до мозга костей, англо- и франкофил, испещривший свои тексты «карт-постаями», «дезидератами» и прочими «гралями», он не поехал на поэтический фестиваль в Марсель, куда его всячески зазывали и каталог для которого он перевёл, и по большому счёту только раз выбрался за границу — на конгресс Пен-клуба в Финляндии, в 1995-ом. И что же? Там, среди множества именитых иностранных гостей, он отыскал болгарскую поэтессу и принялся громко говорить с ней по-русски. Происходило это за общим столом и напоминало демарш. Когда же я, возможно чересчур резко, посоветовал ему «stop talking Russian», он посмотрел на меня таким остервенелым взглядом, который мне никогда не забыть. А за полгода до смерти, когда начались натовские бомбёжки Белграда, он воспринял это как личное оскорбление и всерьёз обсуждал возможность отправиться туда добровольцем. И пусть в этом порыве «постоять за братьев славян» прочитывалось ещё и желание одним махом разорвать порочный круг, *изменить жизнь*, всё равно это был тот же самый В., который в письме Юре Лейдерману едко подметил, что если по-французски эта фраза Рембо недвусмысленно говорит *о своей собственной жизни*, то на русском языке она отдаёт «общественным душком». И ещё из письма тому же адресату: «Видимо, это чем меня всегда пленяли романтизм и сюрреализм: внутренняя скрупулёзность, отречённость и абсолютный, хотя и не без задней мысли, конечно, разрыв со всем. Полное отсутствие того холопского энтузиазма перед лицом жизни, которое сделало нашу собственную русскую — самую холопскую культуру столетия (включая сюда богоносцев-титанов авангарда). Подлость, подлость, ничего кроме подлости. Я не преувеличиваю, просто пересматривая для своей работы разное о «литературно-художественных течениях» последних восьмидесяти лет в России, я при всём уважении не мог удержаться от впечатления, что купаюсь в тазу с блевотиной».

Далее, В. был убеждённый антиклерикал и даже, я бы сказал, воинствующий атеист. В разговорах он не раз саркастически замечал, что обэриуты, при всём своём радикализме, и те не могли обойтись без боженьки (о богоносцах-титанах авангарда см. выше). Всякую «метафизику» он отметал с порога, противопоставляя ей эксцентрику и патафизику в духе Альфреда Жарри. При этом, однако, всерьёз увлекался картами Таро, оккультизмом и, кажется, подобно Хармсу, верил в спиритическую связь, «пентакль» и «мандалу» (хотя и называл её частенько «мандой»).

«Озлобленный и дикий пай-мальчик», выбравший руководством к действию жизнеописание битников, визионер, искавший в поэзии некое абсолютное состояние, утверждавший, что «поэтическое произведение может заимствовать форму того или иного жанра, но никогда не *примет* его условий» («Показания поэтов»), он пришёл к тому, что начал сравнивать свою работу с трудовой терапией и повинностью лагерника, развлекательного блатарей рассказами («Путешествие нигилиста»). И даже находил в этом макабрическом сравнении «моральный стержень». Правда же заключалась в том, что он задыхался.

Болезненнее других он чувствовал, как откололся и дрейфует в прошлое целый континент — великая эпоха подпольного аристократического нищего братства, его

взраставшая, совпавшая с его юностью. Он был рваной линией этого разлома и тосковал по призрачной родине, простиравшейся усилием воображения в двадцатые годы и дальше, надеясь там обрести пример и человеческую поддержку в лице дорогих его сердцу писателей, чья судьба, в конце концов, была куда беспросветнее. Не символ ли, что первый (1989) и последний (май 1999) его прозаические этюды посвящены Андрею Николеву и в обоих упоминается Шаламов. На свой лад он хранил верность их чудовищному опыту. В нём сидел узник, прикованный к «тазу с блевотиной».

† † †

С самого начала В. знал, что противоречия эти неразрешимы на уровне конвенциональной литературы (если разрешимы вообще). В «Показаниях поэтов» (1994) он формулирует свою дилемму с неукоснительной строгостью: «Поэт всегда оказывается писателем, он должен быть по-своему приемлем для окружающих и находится перед соблазном превратить саморазрушающий поиск в добропорядочно беллетризованную жизнь». В качестве компромисса оставался юмор, это «чувство театральной и безрадостной бесполезности всего» (Жак Ваше), другие окольные пути. Когда выше я обронил, что поэзия «уходит», я имел в виду, что уходит она в создание «поэтических машин», где приводными ремнями и зубцами выступают перелицованные фрагмент, набросок, дневниковая записка, эссе и т.д., но в первую голову, конечно, стихотворение в прозе, как его понимал Бодлер⁴. Вслед за романтиками, за Алоизиом Бертраном, Нервалем, Лотреамоном, «поэтические машины» В. — это экстатические, «адские машины», перемалывающие жизненный «материал» в прах.

С одержимостью «проклятого» он оперирует двумя метафорами-лопастями, рассекающими повествовательную ткань, закручивающими её в две вихреобразные, турбулентные серии: размножения в самораспаде и падения с высоты (шаг в окно). Обе обладают галлюцинаторной моторикой и сходятся, как в фокусе, в эротико-некротическом ритуале перехода. Каучуковые перчатки, маска, зубоветеринарное кресло, инструмент, входящий в симбиоз с эпилептически разряжающимся телом-автоматом: «Он чувствует жар... в то время как она, возвратившись во взгляд, рвёт ему зубы один за другим» («Соломон»). Вариации: миф о Саломее, Юдифь, «мертвенно-страстная рыжекудрая голова, сияющая во тьме, как диамант», голова Иоанна Крестителя на блюде («Книжка, забытая в натюрморте»); в ироническом или по-другому отстранённом контексте тот же мотив обыгрывается и в более «поздних» вещах, главным образом в ключевом тексте «Поэтические машины» (1994).

Вторая серия берёт начало в той же повести «Соломон» (*поэт, забывший стихи и странствующий по городу в ожидании такого совпадения в пейзаже, чтобы наконец*

⁴ Ср. его знаменитое определение: «Кто из нас в минуты честолюбия не мечтал о чуде поэтической прозы, музыкальной без размера и рифмы, достаточно гибкой и послушной, чтобы примериться к лирическим порывам души, к извивам мечты, к содроганиям совести?» (Шарль Бодлер. Цветы Зла. Стихотворения в прозе. Дневники / Сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Высшая школа, 1993, с. 184-85). Подробнее о функции и метаморфозах стихотворения в прозе как жанра, а также о других формальных особенностях письма В. К. см. «Василий Кондратьев: до востребования» // Александр Скидан. Сопровождение поэзии. — СПб., «Борей-Арт», 2001 (данный текст был зачитан на церемонии вручения В. К. Премии Андрея Белого в декабре 1998 г.).

упасть замертво). Вариации: «...каждую ночь я засыпаю с ощущением падающего... вольно вздохнуть и выброситься из окна...» («Нигилисты»); «очнувшись на званом вечере, он рассказывает свою историю нашему герою, выходит в окно и не возвращается никогда» («Сказка с западного окна»); «с черепом, разнесённым вдребезги, он видит уже неподвластное» («Зелёный монокль»).

Не примерял ли В. подобный *выход*, размышляя о Жаке Риго, «первом самоубийце сюрреализма»? Безусловно, но тогда, в 1991-ом, он ещё верил, или хотел верить, что это своего рода самопровокация, сыворотка, что его превысивший дозу «покойный приятель» своей гибелью — фигуральной или взаправду — спасёт его, «как каскадёр, подменивший собой камикадзе» («Мурзилка»). Этот магический обряд он разыгрывал снова и снова, с неуёмностью ребёнка, которому показали мумию и сняты кошмары, до тех пор, пока его друг, писатель и переводчик Серёжа Хренов не выпал из окна при загадочных обстоятельствах.

Эта смерть стала для Василия Кондратьева поворотным пунктом. Он как будто осёкся и сразу постарел на целую жизнь. И хотя потом ещё было много и радостного, и обнадеживающего — дружба с Юрой Лейдерманом, галерея *Navicula Artis*, возвращение из Израиля Глеба Морева, приезды из Америки Тома Эпстайна, собиравшие в квартире на Лесном развесёлые компании, рождение Лики и связанный с этим событием новый опыт любви и трогательных семейных забот, — всё равно, в глубине души, по-моему, он так и не оправился.

✦ ✦ ✦

Последний раз мы виделись в августе 1999-го на открытии выставки Валерия Вальрана в Музее истории города. И потом ещё в сентябре, совсем мельком, на Пушкинской, 10: весь какой-то приподнятый, благообразный, Вася стоял на лестнице рядом с Катей Андреевой, обсуждал какие-то дела и казался абсолютно счастливым; я постеснялся им мешать или просто торопился, не помню.

А в самый последний день мы разминулись: из галереи *Navicula Artis* я ушёл за полчаса до его появления. Глеб Ершов и Андрей Ключанов рассказывают, что Вася был на удивление в благостном настроении (весь день он проработал в Публичной библиотеке), не выказывал никаких признаков «чёрных мыслей» и почти не пил. На крыше дома, соседнего с домом Кузмина, устроившись подальше от края, говорил о планах на будущее, о Лике, о тяготах и чуде отцовства.

Я думаю, он стоял на пороге нового периода в своей жизни, более светлого и уравновешенного. У него как будто появилась твёрдая почва под ногами. Но именно в этот момент сработала адская механика, закрутились зубчатые колёса машины, которую он сам же однажды привёл в движение, *толпой нахлынули воспоминанья, отрывки из прочитанных романов, изображение в окуляре подзорной трубы завертелось, как вода в воронке*, и подводное течение утащило его, безвольную тряпичную куклу, в пропасть падения. Всё остальное — как всполохи трубоскопа в киноленте, пущенной в обратном порядке, из которой память выхватывает один бесконечный план-эпизод, один день.

Май 1999 года, конференция «Литературный авангард в политической истории XX века» в Институте истории искусств. Василий Кондратьев рассказывает в проходе между рядов конференц-зала, точь-в-точь школьный учитель, рассказывая легенду о «Великих

прозрачных». В его хождении чувствуется желание поразить, увлечь: в самом деле, не стоять же с учёным видом за кафедрой. Перерыв. Мы в садике напротив Исаакиевского собора спорим за куревом о психическом автоматизме и «объективном случае» и почему в России не произошло (и никогда не произойдёт?) сюрреалистической революции⁵.

Там же, переход. Какой-то подвальчик на углу с Почтамтской. Участникам полагается бесплатный обед из трёх блюд. Василий демонстративно заказывает графин водки и бутерброд с килькой. На лицах соседей застывает *снисходительно-испуганная усмешка*, неизменный атрибут, сопровождавший его появление на публике в последнее время. К вечеру он так нарезается, что устроители грудью встают на его пути в кафе «Идиот», где происходит банкет по случаю закрытия конференции.

Василий Кондратьев разворачивается и уходит в ночь, уходит слегка подпрыгивающей, невесомой походкой, точно от земли отрывается клубок птиц, *разлетаясь на все стороны в перекати-поле, терзая эти жаркие комья своих внутренностей когтями ветвей, разбрызгивая искры в северном зареве вечера над предместьями, обозначающими конец света: он близок за линией горизонта, за туманом на краю залива, где исчерпывается классический мир Птолемея и, достигая пределов своей Тулэ, сворачивает вниз головой, как повешенный.*

⁵ Я знаю, Василий недолюбливал Арагона по тем же причинам, по которым с ним разорвал Бретон, и всё же именно его определение сюрреализма в «Парижском крестьянине» (1926) кажется мне наиболее точным, если не исчерпывающим: «Сюрреализм есть особый порок, и заключается он в беспорядочном и безудержном употреблении наркотика, имя которому — образ; или даже скорее в постоянной провокации, когда образ уже оказывается не властен ни над самим собой, ни над теми непредвиденными потрясениями и метаморфозами, которые он вызывает в области представлений, всякий раз вынуждая нас пересматривать весь порядок Вселенной. Каждого человека ждёт где-то его собственный образ, который, если сумеешь его найти, способен уничтожить Вселенную» (Aragon L. *La Paysan de Paris*, P., Gallimard, 1966, p. 83).

Василий Кондратьев**ПО РАЗВАЛИНАМ***Стихи 1985—1988 годов*

‡ ‡ ‡

А. Румянцеву

Никогда не бывает
 просто
 ощутить себя частью, пылинкой
 на коленях великого Вишну. Дождь ли пройдёт,
 задевая песчинки и камешки, ветер промчится,
 глаза наполняя
 живительной влагой...

Смотри:

эти слова так уложены, камень к фаянсу,
 золото к мрамору, что не разбить сочленений,
 мыслей недвижимых.

Свиток не развернёшь
 без томительной грусти. И как это просто
 в стенах бесчувственных, в воображаемом мире
 мыслями память крепить и словами

налаживать якорь

в дальнее плаванье. Ною осталось
 только ковчег просмолить. Здесь каждой

твари найдётся

пара по нраву, довольно
 доброй еды и питья. Молимся доброму Богу,
 чтоб не оставил скитальцев в дороге
 на разорение буйным ветрам.

Милый, добрый,

наш бородатый отец нас приемлет
 как бы, куда ни ушли,
 с чем
 и когда ни вернулись...

ПУСТЫНЬКА

В снах не снился такой простор;
 может,
 найдёте конец степи —
 если снежинки слепят и белый ковёр
 тонкой простынью лёг на холмы?
 Словно дети,
 смотрим: заголубелся дымок
 и над глиняной хаткой
 столбиком, словно суслик на лапки,
 встал —
 так одинок,
 как овечка, отбившаяся от отары.
 В овражке
 дождик застал.
 Серое небо — удод.
 Урод у столба на дороге зимует.

Я верю, что ты, мальчик,
 ангел
 в детских сандалиях
 и грубо сколоченных крыльях.
 Снега нет.
 Вокруг тебя — жёлтый песочек.
 Разгорелся лампочкой огонёк
 по той, которую я люблю.
 А ты стоишь — улыбаешься;
 дурацкая шапка — набок.

Что с того, что я сам собой волен?
 Лучшей волей,
 чем ты, — говорить не знаю
 и говорю оттого, что люблю.

А ты
 стоишь-улыбаешься.

ИЗ ЗАПИСОК ЛЕНИВЦА

Будто белые птицы взлетают за окнами
 И пропадают в тумане. В ушах
 Новое время рокошет, как медные учителя,
 И разрушает систему моей болезни;

пепел в ветвях
 — сгоревшая повесть учителя

сорок лет
 пятьдесят
 лет до твоего появления
 (нет — воскресения — брат мой)
 в развалинах
 (талый след
 на могиле)
 где прощание
 дождь

+

— Дождь идёт и не прекращается, и его великий потоп
 Застаёт нас, и мы застываем за стенами нашего страха.
 Ты хочешь проститься со мной, друг мой, но я сплю,
 сплю, и твои объятия не разбудят меня, я не встану,
 Я увижу тебя только сквозь занавесь сладкой дрёмы,
 За стеной моего дождя,
 За колючей проволокой — тесный двор — уходящего в никуда,
 За пелену моих снов.
 Дождь.
 То, что мучит нас, — только сны, потому что душа наша спит
 В тесных объятиях нежной дрёмы.

— Когда мы уходим, о нас забывают.
 Нас читают как рукопись ненаписанной книги,
 где каждое слово — ложь.

Ещё одно слово —
 мы уйдём, и о нас забудут.

Будет дождь.
 Растерзанный голубь на каменных плитах,
 седой голубь, раскинувший мёртвые крылья,
 Сумерки, будет темень над городом,
 только совы на окнах хранят память,
 Только дети сжимают во сне руки,
 И могилы молчат.
 Так ещё одно слово — ведь все мы в словах одинаковы,
 Все мы знаем и любим.

Но
 Слова, которых нам не сказать,
 Старят нас, и в немоте, оглашённые, мы уходим.

— Но
«Мы были такими же»,
Пока наши сердца не закрылись,
Пока страх
Не связал нас вместе, да, тогда поняли
Всю глубину страха и нашей любви.
«Мы были такими же»,
пока продолжалась весна, а теперь лето,
И осталось готовиться к осени,
печь хлеба и заколачивать ставни
До тех пор, пока первый холодный ветер
Не тронул иссохшей летней листвы.

В клочьях серого неба ржавчина воспоминаний,
Оглашённый среди онемевших камней.

ГРАММАТИК

Г. Мореву

Мне ли, лёгкой поступью эпигона
проходящему по развалинам, —
выйти в поле, вздохнуть полной грудью?
Лёгкой бабочкой бьётся в окно душа.
Мне, обменявшему «есть» на «могло быть»,
мир открыт, шумят золотые кроны.
Только ветра не слышно — стеклом окружённый,
я не чувствую воздуха, спёрто дыханье,
и железные клещи держат мой голос,
тонкий, невнятный голос.

Публикация Глеба Морева

А Т М О С Ф Е Р Н Ы Й Ф Р О Н Т

СТАТЬИ

Аркадий Драгомощенко

О НЕУМЕСТНОСТИ

Речь при вручении Владимиру Аристову Премии Андрея Белого

/

Мысль о том, сколько было съедено яблок за тридцать лет, опрокинуто рюмок (о рублях говорить не приходится), — сокрушает воображение.

Приветствие избавляет от излишеств памяти и позволяет поблагодарить Владимира Аристова. Сегодня его признание обязано не только «написанному», изведённому в область публичности, но и тому, что, как поэт, в определённое мгновение он всегда возвращает возможность обернуться, глянуть на то, что безотносительно можно назвать *поэтической работой*, иными словами — бесконечным возвращением к началу. То есть к свободе. У каждого свои предпочтения.

Мне кажется, что, говоря о такой «работе», мы говорим об известного рода «оглядке», но через плечо другого. Потому что поэтическая работа является «оправданием» предшествующих / будущих поражений — или желала бы им стать. Побед нет. Миф о Нарциссе как ядро каторжника гремит за словом «понимание».

За несколько недель до сегодняшней встречи мне довелось прочесть аннотацию, в которой достоинства некоторой представляемой книги описывались в убедительной фигурации воодушевления. «*Заявленная темнота*» сменялась «*мистическими озарениями*», те соседствовали с «*гиперболизированной плотностью*», и всё разом, вкупе с «*торжествующими метафорами*», это стремилось к «*ликванию новых смыслов*».

Не умаляя значимости ни «гиперболизированной плотности», ни «мистических озарений», я осмеливаюсь спросить себя: каким образом следует думать, вспоминать, переписывать (увы, и *это* остаётся в привычке чтения), наконец, «осознавать» следующие строки В. Аристова?

«все обещания исполнены
мы движемся
мы неподвижны»

//

Попытаемся вообразить невообразимое.

«Я» — одно; не только в смысле грамматического противостояния чему-то, но и

в том, что оно одно буквально, на мгновение оказывается безо *всех*, всего, включая «предвосхищение другого», будучи исключённым из производства машин коллективного оборудования.

Что же может прочесть подобное «я»? Кавычки неизбежны.

Я было потянулся к телефону, ушёл на кухню, где кофейная мельница, небо, где всё то, что делает место единственным, когда бы не строки, которые я упоминал. Вопрос в следующем.

Какие обещания? Кем и почему они «исполнены»? (про себя отмечаю, как «перочтения» скользнуло по следу онирического «обнищания»).

И я догадываюсь, что речь идёт не об *исполнении*, действительном исполнении, но о *полноте* того, что никогда не может быть никем и ничем восполнено, кроме как полностью: самой по себе или же в риторическом распределении.

Тогда — *движение*. Что это? Почему «неподвижны», если вижу, как движется рука с чашкой (чашка пуста, рука придумана, — имеет ли это в данный момент значение?)?

Если *неподвижны*, почему возникает тезис о движении, т. е. о том, что «двигаемся»?

Вероятно, следует расфокусировать зрение (цель такой процедуры — симулированная экспозиция планов), чтобы понять: речь идёт о локусе возможного совмещения двух действий: *неподвижности* и *движения*. Однако, если движение подпадает под категорию «действия», может ли таковым считаться *неподвижность*?

Далее мы понимаем, что думаем, слышим, читаем не о какой-то «исполненности», но о процедуре вынесения желания за его собственные пределы, за пределы полноты, о которой было сказано в приведённых строках, — мы осознаём, что речь идёт также о поступательном (если это можно изобразить карандашом) возрастании несостоятельности желания по мере приближения к «исполненности».

Таким образом, какая-то наша часть *не неподвижна* в движении, — но движемся ли мы? Оставшаяся часть — в движении недвижна. Но это вовсе не то же, что стоять в идущем поезде, наблюдая дерево, покорно следующее за окном.

Это другое. Это — обнаружить себя в контрпространстве «не здесь», «между», раствориться в мерцании. То есть — сразу видеть описания, возможные при каждой из вероятно существующих скоростей, «миры» в проекциях большого в малом и наоборот. Где обломок бритвенного лезвия обретает масштаб пирамид (или же возвращается к нему), а «обмылыш» бросает негромкий вызов Франсису Понжу. Но не только.

Чем разрозненней у Аристова фрагменты изношенных (обнищавших), разъятых вещей, тем сильнее когезия их внутреннего события. К чему относится следующее наблюдение:

///

Мы движемся навстречу друг другу. Например, из двух точек.

Для «я» (то есть «для меня») всё очевидно вполне. Некое «Я» движется навстречу — поэтому «на» и «встреча» пишутся «вместе». Меж тем для «я», о котором мы говорили в самом начале, нет ни тени, ни приближения, для него существуют лишь оптические изменения очертаний того, кто, стоя на месте, приближается ко мне, ежесекундно меняя

себя. Расстояние как и было: оно «неподвижно» в условности. Что меняется в нас? Заключающих в своё внимание «то» и «это».

И что имеет в виду Владимир Аристов, произнося *обещание*, а затем — *исполнение* или говоря о том, как видение вещи с точки зрения «я» стремится к видению вещи такой, какой она себя видит сама.

Говорящему есть что сказать, однако то, что он говорит, весьма неопределённо. Тогда действительно ли существует речь? Или же речи никогда не было? Её считают отличной от щебета птенца — действительно ли есть такая разница? Или же её нет? Где же пребывать речи, чтобы быть неуместной?

Чжуан цзы

Книга Аристова стоит на «полке», но я хотел сказать: в ряду известных «оправданий». Большой неуместности не представить. Довольно трудно помыслить для поэзии Аристова другое «место». Книга состоит отнюдь не из пригоршни зеркальной смальты, но из слов, изводящих поэтов из платоновского государства в мир, которому слова назначены поводьями и которые при каждом «приближении» к своему исчезновению в таких же открываются обещанием речи, где желание, как известно, никогда не исполнится.

Вот в чём заключается для меня *исполнение желания* поэта и в чём пресуществляется его нескончаемое разлучение, как человека, с самой мыслью о свершении в обречённость не оставлять «слова на слове», — даже в приветствии в его честь и вполне понятной неуместности подобного приветствия.

ВЕНТИЛЯТОР

ОПРОСЫ

ПОЭТ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

1. Поэт — барометр, улавливающий происходящее вокруг него по первым смутным признакам, исследователь, владеющий особым инструментарием для анализа действительности, ловец случая, иной раз ненароком наталкивающийся на сколь угодно эпохальную разгадку... Какая из этих или других моделей отношения поэта с миром представляется Вам наиболее убедительной с точки зрения пройденного мировой поэзией к сегодняшнему дню пути?

2. Чувствуете ли Вы зависимость (того или иного рода, в ту или иную сторону) между Вашей поэзией и крупными социальными, культурными, экономическими, духовными сдвигами, происходившими или происходящими на Вашем веку?

3. Есть ли у Вас ощущение, что именно сейчас с миром происходит нечто особенно важное и значительное? Видите ли Вы в своих (или чьих-либо ещё из ныне живущих поэтов) стихах диагноз, прогноз, пророчество, отгадку по поводу этого происходящего?

Бахыт Кенжеев

1. По-моему, поэт — если он не Маяковский, конечно, — это человек, умеющий прозревать невидимое обычному глазу и передавать свои чувства другим на особом языке, ни для чего более, честно говоря, не пригодном. Окружающая действительность, разумеется, отражается в его творчестве, но лишь постольку, поскольку, во-первых, являет собой его среду обитания, а во-вторых, с течением времени меняется сам поэтический язык, дрейфует стартовая точка, с которой поэт начинает своё развитие. (Пушкин ценил Державина и Жуковского, однако же Блока по понятным причинам не читал...) Поэт необходим обществу не меньше (но и не больше), чем другие странные люди: виолончелисты, юродивые, монахи, коллекционеры спичечных этикеток, изобретатели вечного двигателя — имя им легион...

2. При советской власти писалось легче: чувство собственной правоты представлялось опасным, зато неоспоримым. Впрочем, следует радоваться тому, что у российской поэзии всё ещё есть горстка читателей (они же зачастую и писатели), помогающих нам оставаться на плаву. Жалобы на то, что по сравнению с советскими временами слово обесценилось, не слишком справедливы, ибо непреходящая ценность слова существует отдельно от сиюминутных интересов и потребностей человечества. Если конкретнее о сдвигах, то я их в значительной мере пережил 27 лет назад, когда поселился за границей. Другой вопрос, что наш доморощенный капитализм удручающе пародиен по сравнению с настоящим, что наше общественное сознание заражено провинциализмом, что

работать мы так и не научились... Но к поэзии это имеет лишь самое косвенное отношение.

3. Нет, ничего особенного в мире сейчас не происходит. Беднеют одни страны, богатеют другие, люди друг друга истребляют — «ничего нет нового под солнцем». Нам, конечно, кажется, что мы уникальны, но это казалось многим поколениям до нас. Мой непреходящий восторг по поводу Интернета, думается, вполне сравним с восторгами по поводу телефонной связи или даже (на моём веку) факсов и пейджеров. Всё так же Господь Бог, как я когда-то написал, «равнодушно судит живых и мёртвых», улыбаясь при этом Марии, что даёт нам, грешным, некоторую надежду.

Татьяна Щербина

1. Кому, как не мне, ответить, учитывая, что на меня в какой-то период наклеили ярлык «пифии». Бывает у меня, да: и про людей, и про мировые катаклизмы, и необязательно в стихах. Исследование начинается, когда возникает невесть откуда импульс. Бывает и без исследования. Ловец — это вряд ли, поскольку если случайно на что-то натыкаешься, то распознать сигнал можно только если он внутри откликнулся — «осенило». Иначе не распознаётся.

2. Зависимость полная. Если будешь писать о любви в то время, когда в социуме происходят страшные катаклизмы (но только которые «касаются»), любовные стихи тоже будут катастрофическими. У меня это чаще предчувствие, самое начало, а когда события уже разворачиваются, они как бы перестают занимать язык, хотя тушка, конечно, издаёт звуки.

3. Значительное происходит каждую секунду, просто есть периоды накопления, а есть — выброса в атмосферу. Но сейчас — ощущение *ultima parte*. И пока точки бифуркации. Либо будет всемирная бойня, чума и хаос, что кажется самым вероятным, поскольку это простой и испытанный историей выход из тупиков, только следующая гипотетическая война будет действительно мировой, последние две мировые были всё же полу-. Либо возникнет, грубо говоря, экологическо-эзотерический вариант. То есть, вмешается сверхчеловеческий фактор, сторонний по отношению к играм социума.

В стихах — пишется всё больше «у черты», но — до черты. Или — вязание, которое пока читается беспредметно. Хорошо ложатся в язык и, соответственно, воспринимаются публикой стихи социального взрыва, люмпенского (Родионов), одноклеточного (Орлуша), русского народного с прищуром (Емелин), тут ещё избалованные заросшего хренью социума Лесин и (в узьбековском ключе) Нугатов. Значит ли это, что такой взрыв — в России — будет? Случается, что дискурс умирает, не разродившись событием.

В моих стихах 2008 года — есть некоторый прогноз, да. И ещё кое-чего не хватает — пока не родилось, зреет.

Григорий Кружков

1. Поэт — не барометр, не исследователь, не ловец, а домотканый мудрец — и самодельный дирижёр слов.

2. Зависимость от сдвигов чувствую — вот именно что *в другую сторону* — как необходимость остаться независимым.

3. История — не моя муза. Хотя у меня есть любимые поэты, не чуждые исторической теме — например, Волошин, Кедрин, и не только. Что касается современных поэтов, то многие пророчат назад (как бывало и раньше), а вперёд — только фантазируют.

Александр Скидан

1. Вспоминается эпизод из «Орфея» Жана Кокто, где поэт принимает радиопозывные в машине. Сначала это сигналы вроде азбуки Морзе, потом цифры... Орфей собирается их записывать. Тоже мне поэзия, говорит жена (Эвридика). Кто знает, что такое поэзия, отвечает Орфей. Подходящая аллегория, по-моему.

А если серьёзно, что мы понимаем под словом «мир»? Входит ли в это понятие архив поэтических традиций и школ, компендиум мифологий, исторических хроник, богословские и политэкономические трактаты? Это к тому, что даже самое непосредственное, казалось бы, простое, как мычание, высказывание, обращённое *urbi et orbi*, несёт в себе следы множества культурных фильтров (Маяковский: «Не высидел дома. Анненский, Тютчев, Фет. Опять, тоскою к людям ведомый, иду в кинематографы, в трактиры, в кафе»). Мир, стало быть, не закрывает рта, постоянно что-то такое пережевывает (информацию, по-видимому), танцует, подпевает, мычит что-то нечленораздельное. Иногда, о ужас, оказывается, что это — стихи. Чужие, разумеется. Хочется, конечно, сразу же абстрагироваться в слоновьей башне или, наоборот, шваркнуть чем-нибудь тяжёлым, объять этому миру войну... Ситуация, прямо скажем, гамлетовская.

2. Да, безусловно, хотя зависимость эта опять-таки опосредована и чаще всего её можно реконструировать лишь задним числом, ретроспективно. Так, сегодня я могу сказать, что опыт Перестройки — со всей её динамикой: от медленной «разгерметизации» до опьянения свободой и жесточайшего разочарования в конце, уже после победы над путчем, — был во многом определяющим. Затем потрянуло в сентябре 2001-го, очень сильно. И эта встряска обнажила давно назревавшие подспудные процессы, о которых я старался не думать (потому что думать — это прежде всего ставить под вопрос самого себя, свою собственную позицию; ergo проще не иметь (не формулировать) никакой позиции).

В этом смысле, забегая вперёд, чисто по-гамлетовки, симптомом, или абсцессом, который вскрылся, были мои вещи конца 1990-х («Схолии», «Частичные объекты»).

3. Да, ощущение есть; но «именно сейчас» — это ведь точка, в которой, как в зажигательном стекле, сходятся лучи прошлого. Планетарная политэкономическая система, какой она начала складываться приблизительно в 1989 году (понятно, что это символическая дата), достигла критического порога развёртывания. Этот порог, в его локальном социально-культурном измерении, отчётливее других диагностирует поэзия Кирилла Медведева и Елены Фанайловой. Ощутим он и в отдельных стихотворениях Александры Петровой, Ники Скандиаки, Станислава Львовского, Антона Очирова, Даниила Давыдова... Наверное, я бы мог назвать и другие имена, например, как ни покажется это странным, Леонида Шваба, цитатой из другого — хочется верить, пророческой, по крайней мере в моей, перевёрнутой оптике, — и закончу:

*За пограничным ограждением обнаруживался свежий провал,
Аллеи распрямлялись в единую линию,
И шторм прощальный уже не огорчал,
И ослабление государства.*

Леонид Шваб

1. Для меня, пожалуй, очевидно, что поэт есть неосновное приспособление для, если можно так выразиться, беспомощного познания. Беспомощного потому, что никаких инструментов, кроме интуиции, у поэта нет и быть не может. Да и особых разгадок никаких ждать не следует, скорее это могут быть непривычные эстетические ракурсы и параллели, которые способны побудить неленивого читателя к размышлениям и — как знать — открытиям.

2. Такая зависимость, наверное, есть, но ничего хорошего в такой зависимости, как мне кажется, нет. Эпоха эпохой, стихи стихами.

Я, конечно, понимаю, что текст крепко-накрепко привязан к своему времени, но, как мне видится, привязан окольно, не в лоб — может быть, словарно, эмоциональными акцентами и полутонами, тысячами иных еле различаемых паутин.

3. Пророчества (когда есть нужда) я отыскиваю не в художественных изысканиях, а в писаниях самих пророков. Пророк может вещать поэтически возвышенно, поэт может впадать в пророческий экстаз, но миссии пророка и поэта не совпадают никаким образом — ни случайно, ни намеренно.

Шамшад Абдуллаев

1. Пожалуй, последнее определение (только без «эпохальной разгадки»): ловец случая. Впрочем, оно тоже спекулятивное (подобно «барометру», «исследователю», угодным ситуативной конвенции или оценочной характеристике). Но, по крайней мере, в нём содержится указание на смирение перед невозможностью избытка, поскольку лучший мираж не терпит свидетеля. Какой толк тасовать образы, превращая текст, по выражению Эдварда Саида, в «кладбище метафор», если длительность всё равно непрерывна и никогда не дастся в руки? По сути, в этом вечном неофитстве, в этом всякий раз новом неумении справиться с неполной вестью покамест кроется гарантия авторского дарования.

2. В человеческом смысле каждый из нас, разумеется, испытывает зависимость от любых колебаний внешней реальности. Но в поэтической практике действует эффект сейсмического беззакония — иррациональной разновидности точного отклика на бог весть откуда берущиеся симптомы инобытия, которые могут порой прикинуться этими «сдвигами».

3. Нет такого ощущения. В хокку Мацуо Басё (XVII век) «На голой ветке / Ворон сидит. / Осенний вечер» (никакого диагноза, никаких пророчеств...) мы видим лишь наготу свершившейся элементарности, в которой покоится неисчерпаемость безответного. Это явность самого важного, происходящего именно сейчас и всегда. Подобного попадания

в неизменную сиюминутность, значительней которой литературе необязательно знать, среди новейших авторов отыскать крайне трудно. Однако оно должно быть, пусть ветвящееся со своими пророческими претензиями в окрестностях японского трёхстишия.

Александр Уланов

1. Поэт — слушающий — голоса людей, предметов — и смотрящий словами. Порой действительно исследователь (инструмент — язык, более активный, чем обычный), порой и барометр. Порой что-то ещё. Легче сказать, какие модели показали несостоятельность. Любимец муз, вдохновляемый свыше (фальшь); пастырь народов (тоталитарность); самовыражающийся (эстрада). Поэзия — только одно из средств видеть и жить более интересно, — не более — но и не менее — того.

2. Зависимость, видимо, есть, но непрямая. Сдвиги влияют не на поэзию, а на частное человеческое существование, предоставляя или отнимая те или иные возможности. В СССР 30-40-х годов я, скорее всего, не смог бы существовать вообще. В СССР 70-х — вследствие крайней ограниченности свободы и доступного объёма мира — то, что я писал бы, видимо, было бы более привязанным к этим рамкам — разумеется, не советским, а — доступной доли русской и зарубежной культуры. Открытость мира вообще и информации в частности, конечно, повлияли на меня, как влияет и современное нарастание закрытости. Но это всё же возможности — а дальше человек с ними что-то делает или не делает.

3. «Что творилось, то и творится, и ничто не ново под луной». Культура всегда в кризисе, людей, интересующихся чем-то неповседневным, всегда мало, но, с другой стороны, они всегда есть. Идёт медленный процесс постепенного увеличения свободы и возможностей. Как мне уже доводилось говорить (в эссе «Автор как private», «Черновик», вып. 12), при восьмичасовом рабочем дне поэту больше не нужны ни богатый покровитель, ни поместье с крепостными — головы и рук хватит. Этот процесс порождает и новые проблемы, сложные и личностные, которые поэзия пытается увидеть и «решить» (то есть показать, как с ними можно жить). Но диагноз, прогноз, отгадка — это слова, характеризующие разовое событие, а речь идёт о более длительных процессах изменения мировосприятия, постоянного выбора, нахождения личного баланса в противоречиях, умения вглядываться в Другого и уважать его...

Ольга Мартынова

1. Заглавный герой романа Голдсмита «Векфильдский священник» замечает не без законного самодовольства, что человек, делающий пессимистические прогнозы, никогда не ошибается. Если они сбудутся, на него будут смотреть с уважением, как на предсказателя. Если же нет — никто не вспомнит, всем и так будет хорошо. Это верно, разумеется, и в случае поэта-пророка. Кто и когда отмечал сбывшиеся счастливые предсказания в стихах (почему-то пропагандистские стихи о победах в войнах и битвах, насколько я знаю, никто не пробовал отнести по этому разряду. Или какие-нибудь советские критики пробовали? Горький — пророк революции, учили поколения русских детей в школах. Или снова учат?)?

Но векфильдский священник — добродушный брюзга, а не пророк с глазами, горящими алчным огнём бескорыстного разрушения. Не поэт, компенсирующий недостаток стихотворного вещества истерикой.

В течение пары последних десятилетий я несколько раз с грустью думала, что некоторые события протекали бы иначе (*лучше, кажется*), если бы их не подталкивали в старые русла — привычным, почти уютным улюлюканьем с привычной, почти зачерствевшей пеной у рта.

Т. е. роль *пророчества* в литературе выполняет *накликание*. Внушение. Самовнушение. «Самоисполняющееся пророчество»: *self-fulfilling prophecy*. Напомню определение, данное его открывателем Робертом К. Мертоном: «Самоисполняющееся пророчество — это исходно *ошибочное* определение некоей ситуации, которое оказывает влияние на действия, приводящие к «исполнению» пророчества. ... Пророк будет указывать на возникшее положение вещей как на доказательство того, что он был прав с самого начала». Конечно же, Мертон читал Голдсмита! Пример: вам (и другим вкладчикам) сообщают, что банк скоро обанкротится. Вы все одновременно забираете деньги, и...

Возвращаясь от социологии к поэзии: как не следует наклеить себе самому неприятности в стихах, о чём уже неоднократно и общеизвестно предупреждали, так и не следует наклеивать неприятности человечеству или собственной стране. Хотя бы потому, что берёшь этим — если что — частичную вину на себя лично. Стоит ли того удовольствия лишний раз показаться миру во фраке (вариант для дам) всепонимающего Козьмы Пруtkова?

2. Несомненно, не говоря уже о том, что из ряда «социальные, культурные, экономические, духовные» (да и «крупные» я бы поставила туда же *через запятую*, как самостоятельное определение) — каждому найдётся что-нибудь подходящее. Но это не так просто, я имею в виду связь стихотворного текста со всеми этими хорошими вещами, чтобы об этом можно было рассказать без десятилетий, проведённых за кручением филологической молитвенной мельницы. Что касается меня, то об этом лучше пусть рассуждают другие. Но и по отношению к чужим стихам это редко удаётся слёту заметить. Может быть, это просто последнее, что меня в стихах интересует. Был, кажется, один-единственный раз, когда я уловила (зафиксировала, обратила внимание на) прямое сбывшееся предсказание: когда мы с Олегом Юрьевым в первый раз услышали (в программе «Время», кажется) о польской «Солидарности», мы хором сказали друг другу строчку из стихотворения Виктора Кривулина, незадолго до этого прочитанного нам автором: «...Чехии пленной и Польши *наклонной*...».

Но, с другой стороны, как правило (и в случае с Польшей тоже), для предсказания многих событий не надо быть никаким пророком, надо просто более или менее *понимать*, что вокруг происходит.

«Мандельштама изображают пророком. Но в начале 1937 года не нужно было быть пророком, чтобы писать об ужасах войны», — это Михаил Гаспаров о «Стихах о неизвестном солдате».

«Было бы пошлостью сказать, что Ривин в нём (т. е. в ст. «Вот придёт война большая», — О. М.) предсказал войну — войну ожидали все, многие войны ждали», — это Олег Юрьев об Алике Ривине и о той же войне.

У меня есть письмо моей бабушки, отправленное в начале 1945 года на фронт моему отцу. Она пишет, что ей приснился Пётр I (на коне, со змеей под копытом) и сказал:

«Война окончится к Первому Мая». Понятно, что в начале сорок пятого года не надо было прибегать к посредничеству Петра, чтобы с силой, переходящей в сновидения, пожелать окончания войны к *майским праздникам* (вообще-то моей бабушке из *бывших* эти праздники были *не очень*). И есть ещё одно письмо, написанное уже не на фронт, но ещё в воинскую часть (адрес засекречен, какие-то цифирки и буквы). Мою бабушку несколько беспокоила некоторая неточность Медного Всадника. И — эврика! — она пишет, что царь, конечно же предсказывал по старому стилю, стало быть угадал гораздо точнее! В любом случае мне кажется, что гораздо естественней и проще доверять снам бабушки и Петру Великому, чем любому поэту, даже самому великому.

3. Очень надеюсь, что нет (дважды).

Фаина Гримберг

1. Я думаю, что поэт — всего лишь человек, пишущий стихи. Не припоминаю в истории мировой литературы поэта, который бы что-то такое эпохальное разгадал или как-то замечательно проанализировал бы нечто этакое! Хотя иногда иному сочинителю и удаётся нечто констатировать, что называется. По мне, стихи — частица текстового потока, характеризующего некоторое «время-пространство».

2. Более или менее важное событие, происшедшее на моём веку, — исчезновение с карты мира государства СССР. Мне представляется, что на мою манеру писать стихи это никак не повлияло. Может быть, немного повлияло на содержание...

3. Никаких «диагностов» или «пророков» я вокруг не вижу. Ничего важного или значительного, как мне представляется, не происходит. Разве что, кажется, закончилась (для России?) «вкусная» эпоха легальной реализации бунинского идеала: «Мы были богаты, здоровы, молоды и настолько хороши собой, что в ресторанах, на концертах нас провожали взглядами». Но нельзя же вечно кушать шоколадки с изображением Теруань де Мерикур на этикетке и пить кипяток с мёдом из супрематических чашечек. Как написал Асеев: «Кончилась революция, и началось государство». Ага, вот вам и констатация происшедшего, лапидарно высказанная поэтом!

И ещё — я полагаю также, что перемены — это, прежде всего изменение внешнего облика людей (одежда, причёска). Вторая мировая война ничего не изменила фактически во внешнем облике, а значит, и в психологии. После Первой мировой изменился внешний облик женщин. Сейчас никаких изменений внешнего облика не наблюдается. Значит, никаких особенных изменений в психологии, и в литературе — соответственно, — не предвидится! Изобретение гусиных перьев, пишущих машинок и компьютеров — ничего не меняет.

И в заключение: ещё одна поэтическая констатация — весёлое стихотворение Александра Воловика об одной учительнице, которая объявила ученикам, что начался «период перемен», тогда ученик Миха Агафонов вскочил и кинулся к двери, но звонок ещё не прозвенел, и вообще оказалось, что — «Она в виду имела Перестройку, а перемен период не настал».

А ещё вообще-то — самые важные изменения произошли в конце девятнадцатого века, когда мир начали завоёвывать брюки и пиджаки!

Сергей Завьялов

1. В различные времена, в различных цивилизациях, а в классовых обществах — в различных социокультурных группах, существуют разные, порой враждебные модели.

Мне хотелось бы в каждой из них увидеть внутреннюю логику, встать на сторону человека любого класса, любой культуры, даже когда сам человек — против человека, в том числе и против самого себя.

2. Безусловно. Моя поэзия зависела и зависит, прежде всего, от исторических событий, происшедших в России, которые я расцениваю как запоздавшую завершающую фазу стремительной, а потому жесточайшей, модернизации, которая, боюсь, ещё далека от окончания.

3. Да, если в России, на мой взгляд, культурно завершается XX век, то в Европе, где я сейчас живу, вот уже около двух десятилетий идёт следующий. По некоторым симптомам можно предположить (я бы хотел ошибиться), что Новое время, продолжавшееся 500 лет с Реформации и Великих географических открытий, завершено. Это значит, что все культурные модели Нового времени перестали работать.

Если это повторяется что-то подобное V веку, то мы, поэты, бессильны. Мы можем утешать себя лишь признанием своей вины: все пили чай и кофе, которые собирали для нас за чашку риса в день крестьяне в Азии, Африке или Латинской Америке, ходили в одежде, сшитой жителями трущоб в восточных мегаполисах за куриное крылышко с лапшой, даже наши компьютеры собраны за немного большие гроши в тех же краях. А счёт, между прочим, похоже, уже выписан.

Я пытался сказать об этом в своих последних поэмах (они известны читателям «Воздуха»).

Евгений Бунимович

1. По отношению к мировой поэзии трудно говорить о «пройденном пути», то есть о неких временных изменениях. Поэзия не последовательна, а параллельна. Отношения поэта с миром инвариантны относительно времени. Вот отношения мира с поэтом и к поэту существенно меняется. Поэт в зависимости от места и времени действительно воспринимается то как барометр, то как спиртометр, то как гекзамер. Меж тем суть и смысл работы поэта остаются всё теми же — езда в незнаемое, не знаемый ещё язык, не знаемое, не названное ещё мироощущение.

2. Чувствую взаимозависимость. И одновременно взаимонезависимость. Ибо сдвиги социальные, культурные и т.д. всегда соотносятся со сдвигами языковыми, сдвигами мироощущения. Но за всеми сдвигами пока ещё ощущима неизменность сути.

3. Диагноз, прогноз, пророчество, отгадка — непрременный, хотя и побочный продукт любой подлинной поэтической работы. Проблема, пожалуй, лишь в том, что скорость изменений в мире сегодня такова, что пророчество, прогноз зачастую оказывается не на века, а на годы. А то и на завтра. Как прогноз погоды.

Владимир Аристов

1. «Барометр», «эхо», «игральный автомат, вырабатывающий случаи», и т.п. — все эти образы поэтического предсказательного опыта взаимоотношения автора с миром хорошо известны. Освоены вполне, например, и такие способы отношения к происходящим событиям в мире, когда им вообще не уделяется внимания или полагается, что внешнее совершается по мановению волшебного слова поэта, то есть «барометра» не предсказывающего, но вызывающего бурю. Интереснее предложить другие «модели», хотя, возможно, окажется, что в каком-то виде они уже появлялись. Соединение времён — прошлого, настоящего и будущего в новых формах, — вот одна из нынешних целей. Мистический опыт здесь — подсказчик, но не всегда помощник; сопряжение разных уровней реальности, когда всё становится явным, — отдалённая аналогия. Вот одна из формулировок, которая кажется важной. «Предсказание настоящего» означало бы расширенное проникновение поэтическим воображением в ныне существующее, сопresentное: современники, которые совершенно неизвестны, должны быть восприняты. Также плодотворным может стать отношение, выражающееся словами «древность настоящего», при этом предполагается взгляд на настоящее словно бы из будущего, когда ничтожное событие обретает полновесность исторической значимости. Быть может, надо создать поэтическую энциклопедию ныне сущего. Реализация такой попытки — определённого рода предсказание. В разрастающейся интернетовской Википедии собрано огромное количество статей. Однако в ней описаны лишь выделяющиеся чем-то, «выпуклые» объекты. В новой утопической энциклопедии должен быть представлен каждый человек, каждая травинка и каждый камень, каждый лев, а не только выдающиеся представители. Проблема художественного порядка — как это сделать, чтобы всё не свелось к гигантскому перечню. Вероятно, можно было бы написать учебник по «поэтическим моделям взаимоотношения со временем», но так как каждый стихотворец должен создать свой метод выражения, то на первой странице учебника следует поместить указание: «Перед прочтением сжечь».

2. Для меня внешние события *существуют*, и это основное, а уж каким отголоском или предвещанием и предчувствием они проникнут в стихи — другой вопрос. Многие происходящее в нашей стране или со страной откликнулось в произведениях: изгнание Солженицына («Солженицын»), война в Афганистане («Омега моря»), Чернобыль («Майские омовения»). «Агония времени» 80-х неявно вошла в «Дельфинарий».

3. Такое «сейчас» представляется весьма растянутым по сравнению с привычным пониманием. Медленность существенных процессов завораживает, и именно в таком способе мироотношения должно быть выращено по-настоящему новое. Приращение бытия, а не реакция только на представленные уже образцы. Проблема связана, в частности, с попыткой «выйти из подполья», не поступаясь внутренней свободой. Преодолеть «подпольное человека» и выразить это в стихах. Нынешняя поэзия старшего поколения вышла из андерграунда, где она провела даже не годы, но десятилетия. При этом непрямо задавался вопрос: можно ли сейчас создавать, а не только реагировать на существующую власть (любого рода), тем самым попадая к ней в зависимость. Об этом много написано, однако само отражение в поэтических образах открывающейся перспективы пока абсолютно не осознано.

Также важнейшей проблемой, которая лишь начинает осваиваться нынешней поэзией, видится проникновение в будущее, сопряжённое с углублением в прошлое — ибо прошлое открывается постепенно всё отчётливей по мере нашего продвижения в будущее. Столь небывалое путешествие должно быть описано.

Гали-Дана Зингер

1-3. Начать издалека. В талмудическом трактате «Благословения» говорится, что во сне — одна шестидесятая смерти, а в сновидении — одна шестидесятая пророчества. В современной устной традиции встречалось мне утверждение, что с той эпохи, когда «иссякло пророчество в Израиле», одна шестидесятая пророка сохраняется в поэте. Что такое одна шестидесятая? Это очень значимая пропорция, именно одна шестидесятая часть считается уже несущественной, практически несуществующей. Например, одна шестидесятая мясной пищи, случайно попавшая в молоко, признаётся как бы и не случившейся, в то время как одна пятьдесят девятая — по-прежнему делает такое молоко непригодным в пищу. Можно предположить, что и одна пятьдесят девятая смерти во сне приводит к летаргии, к анабиозу или хотя бы к каталепсии, а поэт с одной пятьдесят девятой пророческого дара перестаёт быть поэтом. В приведённой конструкции важна не связь (а по сути дела, её отсутствие) сна со смертью и поэзии с пророчеством, а связь поэзии со сном. Все пророчества о неизбежном конце и прочих неприятностях уже содержатся в книгах пророков, дело же поэтов не провидеть, но сновидеть. Не ненавидеть, но видеть. Не призывать — звать. Нет, я не о лаудануме для озёрных и проклятых поэтов. Не о писании-описании-производстве текущих сновидений, с недельной программой которых могла бы появляться какая-нибудь «Литературная газета». Я, может статься, вообще не о сновидениях, а о сновидении. И не о поэте как сновидце, а о поэте как генераторе сновидческой энергии, о поэте как системе, воспроизводящей процесс сновидения в ходе не только писания стихотворений, но и всего, что делает их писание возможным, — еды, ебли, болтовни в кресле дантиста, чтения в очередях Госстраха и, конечно, во время сна, если повезёт. К такому генератору, к такой системе человечество в лице его отдельно взятых представителей может обращаться, когда все прочие источники жизни в очередной раз доказывают свою несостоятельность.

Гёте говорил, что «поэту, если он хочет быть скромным, приходится признаться, что его состояние, безусловно, представляет собою сон наяву». Принимая за аксиому, что скромность является украшением не только девушек, но и поэтов, и сознавая, что и в наши дни среди девушек эта побрякушка по-прежнему в большей чести, хочется добавить, что и поэту, не желающему быть скромным, стоит признаваться в том же.

Мы говорим о логике сновидения и тщетно ищем логику яви, не сознавая, что она уже дана нам во сне.

Пророчествовать легко и неинтересно. К поэзии, как я её понимаю, это имеет очень мало отношения. Если бы мне пришлось в голову превратить в стихи свои предъездные мысли двадцатилетней давности — то, что получилось, можно было бы счесть пророчеством, но можно ли было бы счесть это стихами? На мой взгляд, нет, так же как и прочие излагаемые в рифму или в столбик «соображения», а также пересказы Библии, Бедекера, программ «Время» и «Мабат», «Секса в городе» или «Звёздных войн».

Человек, знающий обо мне гораздо больше, чем знаю о себе я, только что напомнил мне мою первую, давно мной позабытую, попытку ивритского стихосложения той самой предотъездной эпохи. Там были две строчки: «но нет у нас пророков\ потому что мы знаем всё».

Недавно он же, наткнувшись на гулявший в ЖЖ «Сборник геометрических задач на построение» 1954 г. издания, вернее, на его обложку, под которой мирно почивало первое русское изложение Кама Сутры, процитировал отрывок из моей поэмы *At the Dacha*:

*Так сотоварищ тварных тварей
И дачи взяточник и дачник
На древе вере или вере
Читает требник и задачник*

*И геометрии учебник
И землемерия пособие
Что мерзостно и непотребно
Для чтения младой особе*

— Ты, — спрашивает, — знала о таком?

— Нет, не знала.

Знала бы, не написала. Все эти совпадения, попадания, приколы, а их случается немало, в некотором смысле — падения, провалы, проколы.

Неожиданно то, что должно было прочитываться вдоль, поперёк и по диагонали (так я пишу черновики), рискует быть сведённым к единой точке наложения смыслов. Как будто бы пропорция нарушилась, и вот уже со своей одной пятьдесят девятой провиденья так легко оказаться у разбитого корыта стихотворения. Такого рода *faux pas* свойственно совершать филологам, поэтам же стоило бы поостеречься. Ведь им должно быть хорошо известно, что «с миром происходит нечто особенно важное и значительное» всегда.

Полина Барскова

1-3. Как преподаватель, только что, на мой вкус, проваливший очередную версию курса «поэт и царь», я меланхолически берусь утверждать, что построение *поэт как барометр*, кажется, страдает прямолинейностью.

Как-то поэтическая функция и время, вероятно связаны, но если это не очевидные пытошные случаи вроде стихов Мандельштама и Ахматовой во славу Сталина, то *барометр* этот действует косвенно, криво, и от его показания никакой непосредственной пользы не выйдет. Что даже обидно, потому что поэтам (если их представлять как однообразную группу, живущую в пустынном, скажем, квартале) присуща немножко таинственная тревожность — это вдобавок к бытовой нервности явно не метафизического порядка.

Благодаря этому органу тревожности поэты, как звери, даже не чувствуют, а чуют — но что? Собственно, чем подлиннее, физиологичнее, глубже, внимательнее поэт, тем более он чувствует и замечает *всё* — как учат в Америке восьмиклассников про литера-

туру: поэт это всевидящий аппарат, носящий в себе огромный хаос, дикий бардак, *какой сор* наблюдений, возможно, и эпохальных. Он просто несёт в себе этот шум, скажем, времени, он, поэт, чего уж там, может, и есть время — но он или она чувствуют только этот шум, вой, стук, боль тревоги — а не мыслят в категориях формулирования социальных разгадок. Возможно, ощущение времени может обостряться: с удивлением хочу заметить, что именно в моменты сгущённого времени поэтам иногда свойственно прямо-таки воспарять над собой (как доказательство, например, поразительные по точности блокадные стихи Инбер, Шишовой, Андреева).

Морда времени, мода — в высшей степени увлекательная и поучительная вещь, но гораздо более структурированная и обобщающая, чем поэтические выражения. Иногда кажется — *общее* чувство шума может быть выражено формально — скажем, когда Блок, Ходасевич, Кузмин почти одновременно переходят на белый стих, они фиксируют какую-то перемену, но, может быть, только индивидуальную? Что временный отказ от дисциплины рифмы говорит об их чувстве будущего? Или вот что делать с «Двенадцатью» как с барометром, что-то делать надо, особенно если ты деятельная Зинаида Гиппиус, но текст очевидно поддаётся *любим* трактованиям...

Косноязычие, волшебная путаница, истерическая слепота как реакция на всевидение — вот мои документы, как сказал кот Матроскин.

СОСТАВ ВОЗДУХА

Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах

Под редакцией Данилы Давыдова

Сентябрь — декабрь 2008

Максим Анкудинов. Стихи.
Сост. В.Тхоржевская, Е.Алиевская, М.Выходец.
— Екатеринбург: ИГНУПС, 2008. — 148 с.

Екатеринбургский поэт Максим Анкудинов (1970–2003) уже не с нами, но его стихи и его фигура продолжают быть важными ориентирами для всех уральских поэтов. Готовя книгу Максима, составители могли бы сконцентрироваться на его стихах об уральском индустриальном ландшафте (например, из таких стихов состоит превосходная «книга» Максима «Урал и вся Россия», которую можно найти в интернете). Это позволило бы встроить творчество Максима в контекст творчества его более молодого, но более знаменитого земляка Бориса Рыжего. Составители пошли по другому, возможно, более интересному пути: они включили в книгу больше «детских» стихов Максима, таким образом встраивая его творчество в контекст актуальной дискуссии о «детскости» в поэзии.

Моя душа не пламенеет ярко, / Заводится, как игрушечный авто. / Я из кубиков строил арку, / А сломает её кто?

Алексей Верницкий

Рита Бальмина. Недоуменье жить.
М.: Дети Ра; Вест-Консалтинг. — 80 с. — (Библиотека журнала «Дети Ра»).

Рита Бальмина. Бал мин.
М.: Вест-Консалтинг. — 72 с.

Два новых сборника живущей в США поэтессы. Для поэзии Бальминой характерна чёткость стихового мышления, уверенная интонация, строгость синтаксических решений. Её поэтическое мышление афористично, что не отменяет глубинного лиризма лучших её стихотворений. В отличие от многих представителей русской поэзии в диаспоре, Бальмина практически избегла влияния «ахматовских сирот» или «Московского времени», выстраивая — оставаясь в рамках традиционной просодии — собственные модели стиховой речи.

Пальмы, кипарисы, зной. / Прописной голубизной / Озеро Мюррей манит, / Как магнит. Будний или выходной — / Всё равно бродить одной / Выражаясь, как Барков, / Вдоль безлюдных берегов.

Д. Д.

Игорь Белов. Музыка не для толстых.
Калининград: Терра Балтика, 2008. — 108 с.

Небольшая с виду, но плотно упакованная книга — стихи напечатаны в подбор — даёт достаточно полное представление о поэте. Игорь Белов — романтик и, как всякий романтик, немножко поэтёр. Казалось бы, романтика нынче не ко двору, но Игорю Белову хватило — не скажу поэтического мастерства — а вот именно что драйва, ли-

Выпуски книжного приложения к нашему журналу (см. стр.204) в обзоры не включаются.

рического напора, чтобы стать одним из любимцев поэтической молодёжи. В его стихах — джаз и рок-н-ролл, старые советские песни, пиво, портвейн и водка, старые пластинки и старое кино, вокзалы, дворы, переулки, стадионы и пляжи, трамваи и троллейбусы, европейские кафе, калининградские, московские, питерские забегаловки, отели и больницы, нежные девушки и роковые женщины... Весь этот ералаш / в отдельно взятом сердце разворачивается в небрежно-импровизационной манере, с легко угадываемыми, да и не скрываемыми аранжировками памятных романтических мотивов — от Блока до Межирова, от Багрицкого до Окуджавы (*И врач уставший ампулу, как шпагу, / ломает у меня над головой*). Белов скорее предпочитает «выговариваться», нежели «шлифовать форму»; тем любопытней читать его поэму «Раскольников», представляющую собой венок сонетов. Интересны переводы — а переводит он много и «от души». Во многом благодаря Белову в русской поэтической среде стали популярны и любимы украинка Галина Крук и белорус Андрей Хаданович.

Дегустировавший женщин кёнигсбергского разлива, / мой двойник в плаще измятом на вокзале водку пьёт. / Нас действительность спасала, а поэзия растлила. / Но и та не пожалеет. И с собой не позовёт.

Аркадий Штыпель

Наталья Бельченко. Ответные губы. Стихи М.: Арт Хаус медиа, 2008. — 112 с.

Новый сборник киевского поэта включает как новые стихи, так и тексты из предыдущих книг. Поэзия Бельченко выходит за пределы обыденной лирической исповедальности; её субъект говорения чрезвычайно отрефлектирован и отстранён от названного «я». Не случайна поэтому центральная проблематика поэзии Бельченко, связанная с проблемой творчества и творения

— описываемых, впрочем, опосредованно, через призму не только гносеологии, но и онтологии.

Вот бы люди умели с любой стороны / Непостижного часа гнездиться — / Им бы стали и вовсе тогда не страшны / Безутешной разлуки границы!

Владимир Бойков. По обе стороны глаз: Лирический триптих.

Новосибирск: Свињин и сыновья, 2008. — 504 с.

Один из участников неофициальной поэтической жизни Новосибирска конца 1950-х — начала 1970-х, Владимир Бойков в последнее время живёт в Москве. Поэзия Бойкова продолжает традиции независимого поэтического шестидесятиничества в его лучших образцах: доверие к привычным культурным моделям текстопорождения не мешает автору быть чутким и внимательным по отношению к собственно эстетическим вопросам. Многим стихам Бойкова свойственна особая риторическая чёткость и тонкость звукописи.

Вообрази химер зла, / что сотворил гри-мёр зла: / на самый верх залезла / душа и там замёрзла.

Марина Бородицкая. Ода близорукости.

М.: Время, 2009. — 80 с. — (Поэтическая библиотека).

Сборник известного московского поэта, включающий, в основном, стихи последних трёх лет. Бородицкая относится к числу поэтов культурной рефлексии, но эта рефлексия не есть холодный опыт интеллектуала или шаманское камлание психоделического автора, — перед нами опыт рационально-поэтического единства, поэзия здорово (в лучшем смысле слова) смысла.

Все стихи — о любви. / Все стихи — о смерти. / Нету тем других, / уж вы поверьте. // Попадаются, правда, / стихи о стихах: / на полях набросанные, / влопыхах.

Мария Ботева. Завтра к семи утра: Первая книга стихов.

М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2008. — 48 с. — (Серия «Поколение», вып. 25).

Первая книга стихов автора (р. 1980), более известного предельно мифологизированной экспериментальной прозой, за которую Ботева была награждена в 2005 году молодёжной поощрительной премией «Триумф». В стихах Марии Ботевой вроде как этой предельной сказочности нет, хотя то и дело мелькнёт то блюдце с золотой каймой, то булавочки-спотыкалочки, то чуть ли не сам алатырь-камень. Стихи, вошедшие в книгу, — очень разные, и только по долгому размышлению становится понятно, что все они — о Родине, пространство которой от вешалки и полочки для ботинок в прихожей; там же — соляные фонарные столбы; дома; автобусные пробки; расставания и ожидания. В общем, обычное дело, за исключением одного: всё происходит постоянно на грани экзистенциального смещения реального и воображаемого, подмены одного другим.

*мы живём в полуселе / живом, / полуго-
роде / тоже живом. / ты приходишь, и я
рада // полукошка забирается / к нам на ко-
лени, / полусиница / на руки садится. / ты
приходишь, они рады // мы ложимся на
полукровать, / не страшно, / засыпаем — /
приснишься, / и я рада.*

Дарья Суховой

Игорь Бурдонов. Ритуальные числа.

М.: Арт Хаус медиа, 2009. — 288 с.

Сборник московского поэта, прозаика, художника связан с излюбленным им культурным пространством — Китаем; можно говорить о целой синологической художественной концепции Бурдонова. Конечно же, перед нами своего рода авторский миф, некая никогда и нигде не существовавшая страна, сконструированная автором на основе как реального Китая прош-

лых эпох, так и некоторой личностной мировоззренческой установки; однако, прочитывая Китай сквозь бурдоновский миф, узнаёшь многое о самих основах современного мифологического письма. Книга иллюстрирована графикой самого Бурдонова.

*Песнь камышовой свистульки: // ветер
над озером, / облако с неба, / девушка в
лодке расчёсывает волосы. // А по даль-
нему берегу движутся / воины на конях.*

Равиль БУХАРАЕВ. Отпусти мою душу на волю. М.: Время, 2009. — 448 с. — (Поэтическая библиотека).

Книга поэта, родившегося в Казани, учившегося в Москве, уже почти двадцать лет живущего в Англии. Это — том избранного Бухараева, стихотворения разных лет, впрочем, выстроенные не в хронологическом порядке, а исходя из некоего внутреннего авторского метасюжета. Стихотворения эти полны зрительной широты и глубокого дыхания. Это пример пространственно-временного поэтического мышления, напряжённый диалог между природой (разными её аспектами), культурой (точнее — разными культурами) и лирическим субъектом.

*И Озеро, и Лес — на птичьем языке, / на
языке травы, слегка касаясь кожи, / сумеют
рассказать, зачем невдалеке / таёжный
хан-пион лежит на цветоложе.*

Д. Д.

Мария ВАТУТИНА. Девочка наша: Сборник стихов.

М.: Элит, 2008. — 56 с.

Четвёртая книга московской поэтессы (р. 1968) названа по персонажу первого стихотворения. Через него (про нелюбимого ребёнка — девочку, отправленную ходить в бассейн и собранную неуклюже) вся остальная книга и прочитывается. Стихи, записанные стихами, перемежаются стиха-

ми, записанными ритмизованной и рифмованной прозой. В первой части книги — много разных историй из жизни, в диапазоне от быличек до житий, где всё очевидно, разрешимо и единственно так и будет: интенция Гандлевского, но цинизма нет, вместо него — нежность ко всем персонажам. Завершается книга «стихами о стихах», а в середине — ищется волшебство как единственная сущность, которая может победить несчастья.

Мама смотрела телик чёрно-белых кровей, / Молча сосед-бездельник дверь прикрывал плотней, / Чтобы не слышать трёпа, телика и грызни... / — Спать иди, Пенелопа! / — Спи моя радость, усни.

Игорь Вишневецкий. Первоснежье: Книга стихотворений 1990-2007.

Предисл. В. Месяца. — М.: Центр современной литературы, 2008. — 76 с. — (Издательский проект «Русский Гулливер»).

Пятая книга поэта (р. 1964), живущего между Америкой и Москвой. Помимо стихов, четыре эссе — о филологах М.Л.Гаспарове и В.Н.Топорове, поэтах Иосифе Бродском и Геннадии Айги. Из авторской ремарки следует, что сборник складывался «на полях других книг», и многие стихи — памяти ушедших людей, уходящего времени. Собственно стихов — немного (с. 19-42), основной мотив в них — не столько холод, сколько солнце. Причём настолько, что, читая, слепнешь и невольно ищешь тёмные очки. Потому что солнце — февральское, удвоенное белизной снега, короткое, как эта книга.

Разговор продолжается много часов. Я слышал его не раз, / словно бой заводных, повторяемых мерно зим: / это время вмещает / встать силуэтом в надколоте / зеркале и долго тереть рукавом / выпуклость глаз.

Дарья Суховой

Новая книга поэта включает отдельные стихотворения, написанные за последние семнадцать лет, и несколько коротких эссе о недавно ушедших поэтах и учёных, что можно воспринимать как попытку сближения научного и поэтического амплуа Вишневецкого, концептуально не слишком отстоящих друг от друга. В поэтической части в сжатом виде (в книге всего 15 стихотворений) можно наблюдать характерную для поэта попытку выстраивания своеобразной «имперской» поэтики, большого стиля, использующего открытия отечественной и западной поэзии последних веков как строительные блоки. При этом особенности работы с метафорой и подчёркнутый интеллектуализм дают возможность отнести Вишневецкого к умеренному крылу метареализма, однако эта, «национально-ориентированная», прописка обесмысливается на фоне «компрессивности» его творческого метода, спрессовывающего самые разнообразные фрагменты культурного и исторического опыта в монолитное целое.

Звёзды движутся нашим дыханьем. / Солнца жар окружает сердце. / Взгляд объемлет провалы земные. // Остаётся одно лишь усилье — / и исчезнет безвидная смерть.

Кирилл Корчагин

Михаил Вяткин. После абсурда.

Вст. ст. С.Бирюкова. — М.: Дети Ра; Вест-Консалтинг, 2008. — 96 с. — (Библиотека журнала «Дети Ра»).

Первая книга поэта (р. 1949) объединяет стихи за последние 10 лет, крайне вычурные графически: все слова начинаются с заглавной буквы (такое было манифестировано, но не соблюдено в поэме «Теоман» Константина Олимпова аж в 1915 году); во всех словах полужирным курсивом выделяется ударная гласная; паузы обозначаются длительным пробелом, курсивны и

паузированы ремарки. Таким образом, текст оказывается более сложного (структурного) кроя, чем мы привыкли видеть, и предстаёт не тканым, а как бы вязаным. Графикой стихов Вяткин встраивается в ряд авторов, для которых визуализация образует «второй язык», отличный от обычного. В этом же ряду — вроде бы ничем не обусловленные «диакритичность» Михаила Нилина и «латиница-в-кириллице» Анастасии Гостевой. Тематически сам автор определяет стихи как «постабсурд». Вот начало двухстраничного стихотворения Вяткина «Штаны», снабжённое ремаркой «примеряю замечательные штаны чтоб по воздуху летать»:

*Штаны Самые Настоящие Только
Спереди Не Сходятся / И Пупок Торчит Как
Глаз Но Меня Будто Кто-то / Уговаривает
— Не смущайся — Для Летящего
Человека / Вполне Приятно — Приятного
Тебе Воздухоплавания...*

Владимир Гандельсман. Портретная галерея в стихах и переводах.
СПб.: Пушкинский фонд, 2008. — 96 с.

Новая книга живущего в Америке ленинградского поэта наполовину состоит из собственных стихов — живописных полотен, парсун, как сказалось бы давно (и верно), одические и эпические интонации преобладают. Персонажи оных парсун — и легендарные (Мария Магдалина, Данте и Ахилл), и литераторы XIX и XX века — Достоевский, Толстой, Набоков, Платонов, Заболоцкий, и неустановленные лица: полковник, актриса, нищий, Певец Империи. Вторая половина книги — переводы из Э.Дикинсон, У. Х. Одена, Э. Хекта, Д. И. Меррилла, И. Бродского, М. Стрэнда, Т. Венцловы, И. Греннана и Т. Уэйтса — тоже выдержаны в портретно-живописном духе. На поверхность выходит фактура изображаемого, точность деталей.

*И любознательные крутятся / людей
зеркальные зрачки, / а в них то шарики, то*

*путьица, / то кабачок цилиндром сбудется,
/ и в сетках лаковые грудятся / и луковые
кулаки. («Заболоцкий в “Овощном”»)*

Дарья Суховой

«Портретная галерея» Владимира Гандельсмана — пространство личного, персонального контекста, выстраиваемое автором. Стихи первой части апеллируют к общекультурным символам, — в диапазоне от Ахилла и Марии Магдалины до Достоевского и Заболоцкого, — и вместе с тем несут глубоко личный, едва ли не интимный характер, что занимает для Гандельсмана на протяжении последних лет. Мир «личного» через «общекультурное» эффектно дополняется переводами второй части: англоязычные авторы подобраны неслучайно, от Эмили Дикинсон до Марка Стрэнда и Джеймса Меррилла выстраивается вполне чёткий контекст, в котором автор (и переводчик) готов видеть и рассматривать себя и куда довольно закономерно попадают переводы из Томаса Венцловы, англоязычного Бродского и даже Тома Уэйтса, отлично вписывающегося в картину.

*Много я не видел, но десятка два / видел,
под её порою окнами / ночью прячась,
я рыдал от сладкого / шёпота их, стона,
счастья потного. // Вот чего не помню —
осуждения. / Только взрослый в зависти
обрушится / на другого, потому что где не
я, / думает, там мерзость обнаружится.*

Владислав Поляковский

Стихи, как это всегда бывает у Гандельсмана, развёрнуты в двух неразрывных, взаимообусловленных и всё же отчётливо различных измерениях — человеческом, сюжетном и собственно стиховом, строфическом, демонстрирующем доселе нераскрытые или недораскрытые возможности русской рифмовки и силлаботоники: Брен-

ность, мать. Как когда-то я рисовал, / валяются человечки с небес. / Бес попутал отчизну жалких. Я одинок. / Окна зашторить, лечь. / Легче не видеть, спать. // Патина зеркала... — здесь сатирический портрет «национального лидера» вряд ли более любопытен, чем причудливая рифма. И в оригинальных стихах, и в переводах неоднократно повторяются и не раз подразумеваются ключевые, по-видимому, для этой книги слова-темы: «бабочка» и «империя». Между этими полюсами, фигурально говоря, проскакивает поэтический разряд — ожидаемый, но непредвиденный.

Аркадий Штыпель

Михаил Генделев. Любовь, война и смерть в воспоминаниях современника. М.: Время, 2008. — 320 с. — (Поэтическая библиотека).

Израильский поэт Михаил Генделев пишет по-русски, однако принципиально не считает себя русским поэтом. Его мир — мир слома национальных значений, мир вечно рождающегося еврейского мифа, понимаемого отнюдь не только в рамках канонической символики, но пропущенного сквозь личностный опыт современного социального и политического бытия. При этом Генделев наследует великой традиции ленинградского самиздата, и его поэзия во многом построена на трансформации языка, субъекта, дискурсивных практик. В сборнике представлены три книги (точнее — три цикла, составляющие единую книгу), первые две из которых доселе публиковались отдельными изданиями.

В смерти бессмертия дай бох чем золота на рубли / чем / истребителя в небе / чем / перста указательного вдали / чем / теле вечности на неделе // водку жили / ум / жгли / а / сожгли / с утраца ели воду / съели

Д. Д.

Анна Глазова. Петля. Невполовину. М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 152 с. (Поэзия русской диаспоры)

Вторая книга Анны Глазовой (р. 1973) в 2008 году номинировалась, как и первая, на премию Андрея Белого. Книга имеет необычную структуру, скорее напоминающую электронно-музыкальную композицию с «петлями» (как раз то самое loop, специфический аудиоэффект) — двух-трехстраничными текстами, написанными на грани prose poems, — высказываниями, наиболее отчетливо проговаривающими то, что не сказано в абстрагирующих, европейски-модернистских отточенных верлибрах. Глазову пару раз сравнивали с Никой Скандиакой; как мне кажется, поэтика «Петли» демонстрирует сравнимый с практикой Скандиаки модус письма, когда эстетическое целое зависит не от фактуры компонентов, а от совокупности ассоциаций вокруг каждого из них.

и не пытай у соломины / где зарыта бензомашина. / если кран повернуть вправо будет пена, / влево — струя. на осине повисла чужая пожарная каска. // вот ведро пота от пят твоих, / брось и оберег, и чехол. / камень и корень не перелом, / не пожар, не срастутся

Дарья Суховой

Владимир Друк. Одноразовые птицы: Тексты разных лет. Предисл. Т.Нешумовой; послесл. В.Коркия. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 304 с.

Впервые за долгие годы публикуемый том одного из ярчайших представителей клуба «Поэзия», ныне живущего в США. Поэзия Друка формально могла бы считаться иронической (и многими так и воспринималась на рубеже 1980-90-х, публикуясь в сатирико-ироническом пространстве), однако поэтика его гораздо ближе той части участников клуба, что исповедовали

полистилистику, лингвопластику и т.д. (Нина Искренко, Владимир Строчков, Александр Левин, отчасти Евгений Бунимович). Циклические структуры, построенные на повторах и совмещении несовместимых контекстов, — как и абсурдистские миниатюры, — выводят Друка из иронического ряда в поставангардный.

в этом городе сходятся все прямые / всюду запад, хотя на восток — правее: / лучше чёрным и бедным, чем англосаксом / и конечно — женщиной, чем евреем

Д. Д.

Игорь Жуков. Готфрид Бульонский. М.: Центр современной литературы, 2008. — 80 с. (Серия «Русский Гулливер»).

Пятая книга московского (в прошлом — ивановского) поэта (р. 1964) начинается рядом малых поэм, по авторскому определению «микровербофильмов» — многочастных сюрреалистических коллажей, в которых средневековое (обеда при дворе) переплетается с современным (сдача бутылок, мобильные телефоны). Далее — просто стихотворения, стилистически пребывающие на грани детской поэзии — в которой Жуков тоже работает, наследуя обэриутским традициям абсурда. Но, в отличие от игры ради игры, всё серьёзно, трагично и страстно.

для древних греков звёздное небо — / буквальная Австралия / они ссылают туда всех кто достоин каторги / вместе с живностью и скарбом // любовь всегда рядом со звёздами / мне всегда было страшно в планетарии

Дарья Суховой

Сергей Зубарев. На бульваре имени Тупого. М.: Дети Ра; Вест-Консалтинг, 2008. — 128 с. — (Библиотека журнала «Дети Ра»).

Сборник избранных стихотворений липецкого поэта. Зубарев относится к той ка-

тегории поставангардных авторов, которых можно было бы назвать «наивными авангардистами»; наряду с Айвенго и, быть может, Германом Лукомниковым, Зубарев — один из самых ярких представителей этого не проявленного течения. Установка на языковой и/или дискурсивный эксперимент сочетается у Зубарева с игровой, иронической или нарочито инфантильной манерой. Среди текстов Зубарева — и примеры минимализма, и пространные перечислительные ряды в духе автоматического письма, и риторические конструкции, и образцы гротескного лиризма.

Будь героем крепче олова — / и любая боль пройдёт. / А не то кирпич на голову / неприятный упадёт!

Алексей Илюшкин. Размеры зверств. М.: Гилея, 2008. — 48 с.

Сборник московского поэта и режиссёра, вызвавшего неоднозначную реакцию публикацией текстов в Сети. Поэзия Илюшкина относится к социальному радикализму, однако это не наивное, прямое говорение о социальном теле, но весьма структурно сложное высказывание. В этом смысле Илюшкину ближе поэтика Андрея Родионова, нежели стихотворная манера Эдуарда Лимонова последних лет (впрочем, ранний Лимонов, как, кстати, и Илья Кормильцев, могли повлиять на Илюшкина).

Ты, / что когда-то сумел легион отыметь, / отсосать яд гремучей и не облысеть, / ныне копишь подкожную жижу и ждёшь, / сам не зная того, ждёшь звонка, руку ждёшь, / на которой повиснет бумажным платком / контрамарка на фронт.

Д. Д.

Маргарита Каганова. Пустой караван. М.: Memories, 2008. — 74 с.

Первая книга московского поэта (р. 1975) делится на 4 раздела, в каждом из

которых — своя фантастичность. «Звери и люди» — бестиарий наподобие аполлинеровского. В блоке «Люди и вещи» особенно впечатляет небольшой цикл «Скандинавские телефоны», возводящий мелкие вещицы и современные технологии к величю Эдды. В следующем цикле «Вещи и города» метро предстаёт дорогой троллей и ведёт в Китай. Раздел «Силы города, силы природы» — самый объёмный, в нём стихи о погоде, психологическая лирика, то и дело мелькнёт то эльф, то гном.

Луна — это оборотень, сродни волкам. / Они поднимают морды и говорят «вэлкам». / И оборачиваются враз / в дни полнолуных фаз. / А я просыпаюсь в других краях / утром, развешенным на воробьях, / луч прицельно стреляет в окно — / лучше бы было темно.

Дарья Суховой

Литературный дебют, можно сказать, в классическом роде — наряду с типично «девчачковыми» стихами, написанными в предчувствии, «в ожидании чуда, а может, знака», наряду с трогательной и беззащитной любовной лирикой — тексты, демонстрирующие неожиданно зоркий и безжалостный взгляд и поэтическую незашоренность:

Сложно, наверное, жирное тело нести на тоненьких, кривеньких ножках; / трудно вертеться, да так, чтобы влево смотрел правый глаз, укрепленный на маленькой круглой головке, / хвост в равновесии держать, чтоб об землю не тёрся, за ветки-стволы не цеплялся... (Голубь).

Лучшее в книге — ироническая лирика, причём ирония здесь часто реализуется в форме лингвистической свободы (*Женщина брила мамонта, / сдерживая смех, / и нарезала бефстоганта, / бефстоганавта на всех. // Мамонт теперь не нужен, / как прошлогодний снег. / Отчего до сих пор не дружит / с женщиной человек?*).

Столь же свободно и иронично Кагано-

ва осваивает современные реалии, причём при помощи демонстративно традиционных форм (цикл «Китайские верстальчики» или цикл, посвящённый сотовым финским телефонам).

Мария Галина

Бахыт Кенжеев. Крепостной остывающих мест: Стихотворения 2006-2008. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2008. — 80 с. — (Серия «Линия прилива»).

Новый сборник знаменитого поэта, неожиданно вышедший в приморском издательстве. Неоромантический (авто)иронизм Кенжеева, кажется, усиливается в новых его стихах. Кенжеевское лирическое говорение не становится, тем не менее, изготовлением отдельных художественных объектов; творчество Кенжеева предстаёт единым потоком поэтической рефлексии.

Когда бы отпала нужда выходить на связь, / как вольно бы жил разведчик в чужой стране! / И я помолчу, проигрывая, смеясь / над той бесконечной, что больше не снится мне.

Тимур Кибиров. Стихи о любви. Предисл. А. Немзера. — М.: Время, 2009. — 896 с. — (Поэтическая библиотека).

В новый том Тимура Кибирова вошли чуть ли не все доселе выходившие его поэтические книги. Иными словами, перед нами — собрание сочинений знаменитого поэта. Так же, как и нынешний том, называется первый (и по расположению, и хронологически) из помещённых в книгу циклов. Кибиров — поэт никак не философский (стоит хотя бы вспомнить его поэму «Кара-барас!», в общем-то издевательскую по отношению к самому процессу философствования), но сторонник «житейской мудрости». То, что ранее прочитывалось у Кибирова как пародирование, соц-арт, едва ли не концептуализм (хотя разумные исследователи всегда понимали

принципиальное отличие кибиrowsкого метода от концептуалистского), сейчас может и должно восприниматься в рамках традиционного лирического модуса. Центон и перечислительные ряды в ранних поэмах и циклах Кибирова имели ту же функцию — не остраивающую, но, напротив, присваивающую, подключающую субъекта говорения к неохватному полю языкового производства. Не сиротство концептуализма, но некая избыточность лежит в основе картины мира кибиrowsкого лирического «я», и эта избыточность предстаёт лишённой метафизического дна, она вовсе не барочна. Стихи Кибирова 2000-х годов кажутся непохожими на стихи 1980-90-х только по формальным признакам; Кибиров отбросил в новых стихах соцартистские подпорки и перешёл к открытому говорению.

Лечь бы здесь на берегу / и лежать бы навсегда! / И не думать о тебе, / и не думать о себе. / Просто так. // Солнце, воздух и вода. / Облака. Табак. // Хорошо-то как.

Константин Комаров. На ощупь иду: Лирика.

Екатеринбург: Старт, 2008. — 40 с.

Первый сборник молодого уральского поэта. Стихи Комарова построены на гипертрофированном иронизме, отчасти отсылающем к эгофутуристическим и имажинистским опытам, однако использующем данные поэтики как своего рода поэтический метаязык.

Смотри: развратная заря / с собою день козлёнком тащит. // Сдержись, нюхни нашатыря / и бритву отложи подальше.

Игорь Котюх. Попытка партнёрства: Стихи и эссе 2004-2008.

Выру: Kite, 2008. — 92 с.

Новая книга эстонского русскоязычного поэта и организатора литературной жизни. Стихи Котюха часто представляют собой

внутренние монологи, поток разорванного, децентрализованного сознания, другие являются опытами риторического преодоления штампов современного языка или рефлексией над современностью как особой формой распределения смыслов, третьи предстают лирическими зарисовками.

Ты ушла, и я трижды / подумал о самом плохом: / сбила машина, забыла / дорогу, разлюбила меня. // Ты ушла, и я понял, / что без тебя одичаю. / Я уже лазал по скалам, / и написал на одной из них // твоё имя.

Д. Д.

Сергей Круглов. Переписчик: Стихотворения и поэма.

Предисл. Б.Дубина. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 288 с. — (Серия «Новая поэзия»).

Объёмный том минусинского поэта и православного священника (р. 1966) вышел в момент визита поэта в Москву и Петербург — в октябре 2008. За эту книгу, а также за вышедшую годом раньше в библиотеке журнала «Воздух» книгу «Зеркальце» Круглов был удостоен премии Андрея Белого в поэтической номинации. Приняв сан в 1998 году, Круглов на несколько лет забросил поэтическое творчество, однако пришли новые стихи, в которых православная оптика органично вписалась в мировую культуру, бывшую у раннего Круглова главным основанием поэтического высказывания. В книге «Переписчик» собраны стихи последних двух лет. Острое чувственное переживание культурной и реальной действительности в новых стихах не угасло, наоборот, стало более красочным и острым в своём наивном и непосредственном радикализме.

Какой в этом году апрель ранний, / Не терпеливый! продирая слипшиеся глаза, заспанная природа / Встряхивает свои биологические часы, недоуменно / Подносит к

уху, не может поверить. // Вера апреля — парнишки-протестанта, / Буквально только что обратившегося в православье — / Наивна, однозначна, не знает компромиссов, / То есть — плоти. Плоть придёт позже. / Сегодня апрель — впервые в храме. Впервые / Он хочет поставить свечку перед иконой / (Язычество, мракобесие!..) — впервые, / Как мальчик-мажор, сбежав из дома, / Головокружительно ныряет в запретное — / В первое своё путешествие автостопом: / Гитара, травка, весна, отчаянная свобода! // Вот двигается неуклюже, как верблюжонок, / Пересекая все мыслимые табу храмового пространства, / Проходит между солей и аналоем / (Его счастье ещё, думает наблюдающий всё это священник, / Что нет вокруг сейчас службы / И благочестивых прихожан святого храма сего!..) / И поджигает свечу зажигалкой.

Дарья Суховой

Биографически Круглов непривычным образом сочетает сан и поэтическую (мирскую) деятельность, не допуская подавления одной из этих сфер другой: такое сочетание, однако, весьма характерно для европейской традиции — уже это обстоятельство заставляет воспринимать творчество поэта в глобальном контексте. Круглов непривычным образом выделяет тело как отдельное воспринимающее начало, наравне с душой контактирующее с мирозданием («Тело ведь тоже душа, только другая»), что особенно масштабно эксплицировано именно в данной книге поэта. При подчёркнутой барочности поэтики это заставляет вспоминать творчество Джона Донна, также прославившегося на церковном поприще и знаменитого сходными онтологическими установками. В отличие от предыдущей книги «Зеркальце», посвящённой скорее метафизическим и теологическим вопросам, «Переписчик» демонстрирует погружение поэта в самую гущу со-

циального: книга содержит множество высказываний на самые актуальные темы мировой жизни. Видимо, отчасти эта тенденция обусловлена тем, что Сергей Круглов в последнее время активно ведёт блог на ресурсе livejournal (этому ресурсу и встречаю на его просторах посвящено несколько стихотворений книги).

Мы — дети, а взрослые — наши умершие. / Мы в их прошлом живём. / Никому не вернуться в детство. / То-то я замечаю, / Насколько наш мир мал, прост, шаток, / Яростно, аляповат — манеж для игр / При постоялом дворе! Особенно / В сравнении с тобой, живой смертный голос, / В следовании за умершим сам истаять готовый, / Ветреную весной в часовне поющий / Славу неизвестному, отчаянно чаемому / Предвечному Богу.

Кирилл Корчагин

Анатолий Ливри. Посмертная публикация. М.: Изд-во Р.Элинина, 2008. — 40 с. — (Серия «Русский Гулливер»).

Сборник скандально известного работами о Ницше и Набокове писателя и философа, живущего между Францией и Швейцарией. Поэзия Ливри близка опытам представителей «мистического подполья», особенно поэзии Евгения Головина или Юрия Стефанова, наследуя «проклятым поэтам» и символистам.

Никак нельзя! / Пространство жаждет жатвы / Да двух оболочек с барщиком хромым. / Вдовой соломенной за слово царской клятвы / Спиралит Соломеей винный дым.

Д. Д.

Станислав Львовский. Camera rostrum: Стихотворения и переводы. М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 164 с. — (Серия «Новая поэзия»).

Название новой книги московского поэта можно интерпретировать как неподвижную оптику наблюдателя, а камеру — как киноустройство, это да, но ещё и как пространство, в котором замкнут. Пространство языка, может быть. Пространство необязательных наблюдений, воспоминаний, предположений, фантазий, что, например, наши средства связи сами собой связываются между собой. Вздохи московской зимы, библейские аллюзии, ожидание катастрофы. Действительно, весь современный мир — камера, которую можно представить по аналогии с некоей общей границей местечка для Субботы, по которому можно переносить туда-сюда вещи. В частности, переводы. Наряду с настоящими переводами, в основном из американских поэтов XX века (Ч.Симик, Дж.Бэгготт, Дж.Оппен, Д.Фрайд, Ч.Буковски, Л.Коэн, Д.Тил, В.Плиура), есть игровые, аграмматичные переводы американских песен — от Фрэнка Синатры до Ника Кейва, собранные в разделе «Evergreens: Опыт наивного перевода».

покури напоследок в тамбуре глядя на снег и шум. / проводницу, юлечку, трахнул, — не жмись, заплати за бельё. / а уснёт — смотри: сухиничи пролетают мимо, полыхает сухум, / суздаль трогает лоб литве, вспоминая лето, море, как он её. // всё, что ты считал своим — не твоё.

Дарья Суховой

Кинематографичность изобразительных средств Львовского, которую подкрепляют названия разделов книги (XXth Century Fox, Movies are better than ever etc.), даёт возможность работы с травматическим опытом истории ушедшего века, непосредственно отсылая к реальным или гипотетическим кинофрагментам. Представленные в книге опыты наивного перевода известных англоязычных песен демонстрируют, как может рождаться неожиданная

смысловая многозначность из пословной трансляции с достаточно близкого языка. В то же время это как бы отпечаток песен эпохи, столь же обеднённый и избирательный, как и её кинохроника, на работе с которой выстроена основная часть книги. Тексты расположены в хронологическом порядке, что позволяет заметить динамику усиления остросоциальной тематики, характерную для ряда поэтов смежного литературного поколения. Можно отметить постепенное растворение постконцептуалистской проблематики, особенно заметной в предыдущей книге поэта, в общеисторической, что можно понимать как своеобразное встраивание индивидуального бытия в общественное.

где наши слова / утренние передовицы / улицы вязов, школьный учебник / жаль что я не с тобой, что я не пелей / жаль что ты не парис, я не гонец / вот и всё, что / но это / не конец ещё. // не конец

Кирилл Корчагин

Арсен МИРЗАЕВ. Дерево времени. Изборник I. Книга стихотворений.

Послесл. В.Сосноры; Ю.Орлицкого. — СПб. — М.: Центр современной литературы, 2008. — 80 с. — (Издательский проект «Русский Гулливер»).

Новая книга избранных стихов известного петербургского поэта (р. 1961), оформленная художником книги Алексеем Веселовым. Рукотворная неровная черта делит страницу пополам. Наследуя традициям первого русского авангарда, Мирзаев выходит в пространство наивного, чуть ли не примитивного письма. Письма природного, очищенного от традиции в её суконо-консервативном виде, при этом — не без элементов зауми, не без трёх палиндромических стихотворений, да и дерево — принадлежит Великим. Французско-петербургские тексты («Петербургская постивристика»), сны («Самсон(г)»), факты литературной жизни и литературного быта

(«Хазарско-нигерийские мантры» и др.) вступают во взаимосвязь в пространстве книги, объединённые нарисованной Алексеем Веселовым чертой. Можно сказать, что эта черта орнаментирует жизнь поэта, претворяя её в жизнетворчество. При этом в полной мере авангардной книгу делает балансирование между двух полюсов-последствий — рукописного посвящения Виктора Сосноры «Умная заумь» и эссе Юрия Орлицкого, который ставит вопрос, как остаться поэтом, будучи литератором.

не понятно / как (и на чём) / стоит до сих пор / это / умалишённое дерево / на перекрёстке / где Время / уступило место / Пространству

Дарья Суховой

Юнна Мориц. По закону — привет почтальону.

М.: Время, 2008. — 576 с.

Книга новых стихотворений известной представительницы шестидесятичной поэзии. Публицистичность совмещается в стихах Мориц последних лет с элементами абсурдизма, повествовательность — с исповедальностью. Книга иллюстрирована многочисленными графическими работами самой Мориц.

Выкапывать труп, говорить ему правду в глаза, / Судить его зверства, глумясь над его отруплением, / И храбро таскать за усы, за пиписку и за / Свой заячий страх, за ползучесть свою по ступеням.

Наталья Наволокина. А леди видела... Палиндромы.

М.: ООО «ИПЦ Маска», 2008. — 232 с.

Палиндромическая (и шире, комбинаторно-поэтическая) книга, кажется, перестала быть диковинкой. По крайней мере, сложение перевёртышей из занятия вполне эзотерического превратилось в забаву широких народных масс (при этом «внутрен-

ний круг» адептов, конечно же, сохранился). В книге Наталии Наволокиной — только палиндромические тексты, однако представлены и монопалиндромы, и составные, и палиндромические однострочия. Некоторые тексты Наволокиной кажутся довольно «безличными», скомбинированными из имеющихся блоков (проблема авторства вообще — одна из важнейших в палиндромистике), другие — впечатляют.

То в монахи ли — или — ханом вот? / Но монах — хан-Омон! / Невидим и дивен, / Лёг на монаха ханом ангел...

Антон НЕЧАЕВ. ПомоГимн.

М.: Дети Ра; Вест-Консалтинг, 2008. — 328 с. — (Библиотека журнала «Дети Ра»).

Чуть ли не первая книга красноярского поэта Антона Нечаева сразу претендует на статус избранного. Жаль, что не указаны даты: это помогло бы читателю разобраться в механизмах творческого пути автора, в его эволюции. Нечаев — поэт скупых средств, наследующий не футуристической (что странно, поскольку он — один из ведущих авторов поставангардного журнала «Дети Ра»), но и не акмеистической линии; пожалуй, в его поэзии есть нечто от скупой, суровой и одновременно щемящей, тонкой поэзии «парижской ноты.

После долгих скитаний, / зарешеченных зданий, / непризнанья, вины / остаются победы / в виде нудной беседы / и заоблачной тьмы.

Нил Нерлин. Вверх вниз.

Tallinn: Vene Entsuklopeedia, 2008. — 48 с.

Новый сборник живущего в Эстонии поэта. Находясь в культурной изоляции, Нерлин смог выстроить поэтику, близкую к открытиям поэтов неподцензурной словесности, переосмысливающим опыт исторического авангарда (от Георгия Оболдуева и Яна Сатуновского до Всеволода Некрасова и Геннадия Айги). Жёсткий, конкретистский стих Нерлина должно считать значи-

мой частью послевоенного инновационного поэтического движения.

бабочка-рыбочка / сядь покури // босый да хворый // Сибирь покорив / крылышки / скомкал / шелков её // сами / вспыхнули молнии // волосами

Д. Д.

Валерий Нугатов. fAKE: Стихи 2004-2008. Тверь: Kolonna Publications; Митин журнал, 2009. — 192 с.

Конёк Валерия Нугатова — перечисление. Это такой же «жанр», как драматургия: там — реплики-диалоги, из которых выстраивается романно-эпическое пространство, тут — чем дальше движется перечисление, тем яснее прорисовывается та же онтологическая полнота: штрих карандашом, ещё три, ещё двадцать — портрет (пейзаж) проступает из этих как бы механических штрихов. На перечислении построены два известных стихотворения, «Сонет о том, чего нет» Г.Сапгира и «Баллада Джону Донну» И.Бродского. У Нугатова это — самодостаточный лирический язык. Позволю себе самоцитату: «Словарь — первый и последний текст». Нугатов — поэт рушащейся цивилизации, субъект и инспектор апокалипсиса. Цитату из такого стиха надо брать не подряд идущими строками, а как делают рекламный ролик фильма, фрагментами:

поколение менеджеров и веб-дизайнеров / поколение топ-моделей и энергетических вампиров / я говорю от твоего имени моё великое никчёмное / поколение / мне никто не давал такого права / но я не могу ждать пока мне его дадут / тем более что его не дадут никогда / потому что я рупор моего поколения / я глашатай и соглядатай его абсолютной несостоятельности / его неправомочности

Татьяна Щербина

Валерий Нугатов, на первый взгляд, делает ставку на провокативное художественное высказывание и провокативный же образ автора этого высказывания; тексты книги «fAKE» сообщают собственную демонстративную провокативность на всех уровнях: от строфики до лексического состава:

мудаки-пассажиры / при пользовании метрополитеном / не обратили внимания на подозрительных лиц / когда они обнаружили подозрительных лиц в вагоне метро / то не сообщили об этом по переговорному устройству машинисту / а обнаружив подозрительных лиц на станции / сотруднику милиции / или хотя бы / дежурному по станции

Тем не менее характерные нугатовские длинноты, перенасыщенные повторами, деталями и подробностями, скорее травестируют классические провокативные сюжеты, разглядывают их изнанку, разбирают на составляющие, обнажая каркас, демонстрируя методы и элементы преломления смысла в современной частной реальности.

Владислав Поляковский

Давид Паташинский. Случайная почта. М.: Водолей Publishers, 2008. — 456 с.

Собрание стихотворений живущего в Америке поэта. Паташинский (р. 1960) мог бы, при иных обстоятельствах, стать одним из младших авторов легендарной группы «Московское время», но не стал; однако стилистическая доминанта, присущая «левому постакмеизму» «московсковременцев», обнаруживается в стихах Паташинского с очевидностью. Плотность, густота речи, некоторый эффект сплошного, непрерывного говорения — при сохранении в общем-то ортодоксальной просодии, пожалуй — важнейшее свойство поэзии Паташинского. Это никак не кирпичики строф, это монолит возвышенного и одновременно самоиронического монолога. При этом

эта «высокая монологичность» не мешает собственно звуковому аспекту стиха — среди текстов Паташинского немало образцов чрезвычайно тонкой фонической работы. В этой книге — стихи Паташинского разных лет, написанные в России, Израиле, США. Определённая эволюция, конечно, может быть прослежена, однако более очевидна целостность авторского мироощущения.

Последний год подкрался незаметно, / дрожала клинопись еловых голосов, / роняли пыль раскрашенные медно / фарфоровые лопасти часов, // пора лепить полные пельмени, / я мимо жил, и ты меня прости, / последнее закончилось время, / а первое забыли подвезти.

Д. Д.

Петраэдр. Выпуск тринадцатый.
Сост. А. Горнон. СПб., 2008. — 188 с.

Издание, трансформирующееся за 13 лет своей истории от ежегодного альманаха до поэтической серии и обратно — к поэтическому сборнику, объединяет тринадцать тринадцатистраничных авторских подборок поэтов неоавангардных практик. В «Петраэдре» (а название сборника, как свидетельствует в предисловии его основатель Александр Смир, взято из стихотворения Александра Горнона) напечатаны произведения московских поэтов Наталии Азаровой, Владимира Аристовы, Татьяны Грауз, Даниила Давыдова, живущих в Германии Сергея Сигея, Ры Никоновой и Сергея Бирюкова, а также петербуржцев Александра Горнона, Александра Смира, Бориса Констриктора, Ларисы Березовчук, Бориса Шифрина. Завершает сборник последняя авторская книга Анны Альчук, высланная составителям по электронной почте в марте 2008 года. Примерно половина авторов «Петраэдра» публикуется редко, событием сборника можно признать публикацию Александра Горнона: стихотворение в коллажах «Блей-при-хоть-бе» (1988) и

разнонаправленно записанный текст «Праз-дни ку-ма-ч-ты».

Как комариный взгляд звенел! / Когда безумия зола / под лапой кошки заскрипела (Ры Никонова)

Дарья Суховой

Александр Петрушкин. Кыштым: Книга избранных стихотворений 1999-2008 годов. Челябинск: ИД Олега Синецины, 2008. — 196 с.

Книга избранного кыштымского поэта и культуртрегера, плод почти десятилетней работы. Для стихов Петрушкина характерна своеобразная уральская брутальность тематики, принципиальная эклектика поэтического метода, за счёт которой ведётся диалог с коллегами по поэтическому цеху (такими, как А. Драгомощенко, А. Санников, Е. Туренко), обращение к совершенно разным метафизически фундированным поэтикам, получившим распространение в последнее время. Книга дополнена блоком критических материалов, в которых делается попытка встроить творчество поэта в общекультурный контекст.

даже ты не поймёшь из голландии вялой своей / как разобрано было всё горе и горы и печи / онемелый стоял этот бог и смотрел / как внизу жили дети что его отрезали от речи

Кирилл Корчагин

Плюсовая поэзия. Молодые вологодские стихотворцы начала XXI столетия.
Под общ. ред. А. Чёрного. — Вологда: Союз Российских Писателей, 2008. — 150 с.

Сборник молодой вологодской поэзии. Среди авторов — немало сугубо советских по своему творческому устройству, сугубо «литозных» авторов, однако ими сборник не исчерпывается. Помимо хорошо известной за пределами города Наты Сучковой и Наталии Боевой, а также старших поэтов — Антона

Чёрного и Галины Шекиной.

Большеротым птенцом, садоводом прожжённым / Я глотаю шмеля, как мохнатый крыжовник, / И на вкус не могу узнать. / И стою рядом с мамой, шмелём поражённый, / Но гудит во мне шмель, он — живой, не прожёван, / И в ладони мои, как крыжовник тяжёлый, / Опускается благодать (Н. Сучкова).

Д. Д.

Веро4ка Полозкова. Непоземание.
СПб.: Геликон Плюс, 2008. — 212 с.

Первая книга автора, известного и популярного в русской блогосфере, объединяет стихи 2004-2007 годов, являясь, по сути дела, двухсотстраничным авторским избранным. Чем эти стихи притягивают к себе тысячи (в книге тираж не указан, будем довольствоваться более доступными сведениями из профайла livejournal.com) читателей-блоггеров? Лирическим героем, который отчаянно похож на автора — московскую барышню, греющую руки об наладонник, влюбляющуюся или говорящую «нам не по пути» со всей чистотой и силой чувства, фрилансера — в общем, тот образ, за перипетиями чьего бытия интересно наблюдать в динамике. Этаким роман! Чем ещё берёт? Может быть, психологической точностью и детализирующим описанием этих перипетий. Общим набором имён и топонимов. Или, наконец, плохо скрываемой иронией, наследующей почерку Саши Чёрного.

Летит с ветвей ажурный лист. / Приходит осень. Зябко ёжась, / Садится юный журналист / Искать фуллтаймовую должность. // Да, он, трепло и егоза, / Берётся, наконец, за дело. / Не хочет быть как Стрекоза, / Что лето красное пропела, / А тут зима катит в глаза. // Он алчет славы и бабла. / Свою визитку; пропуск; статус. / Сменить весёлую поддатость / На деловое бла-бла-бла.

Дарья Суховой

Вера Полозкова, Ольга Паволга. Фотосинтез.

М.: Livebook / Гаятри, 2008. — 112 с.

Новый сборник молодой, но весьма уже известной (во многом благодаря Сети) поэтессы Веры Полозковой (известной также как Веро4ка) сопровождается фотоработами Ольги Паволги, убедительно иллюстрирующими поэтический мир Полозковой, в котором непринужденно сочетаются трагизм и самоирония.

Ну какая суть, ну какая божия благодать? / Ты свинцовая гладь, висишь на хребте, как плеть; / Был ли кто-нибудь, кем хотелось так обладать / Или отболеть?

Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Большие снега. Книга избранного.

Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2008. — 352 с.

Известный новосибирский писатель, фантаст и не-фантаст, предстаёт в настоящем издании как поэт. Его стихи — часть независимой культуры Академгородка, отзвук великой шестидесятнической утопии. Стоическая, немного отстранённая позиция историка человеческой морали, взгляд скептического наблюдателя, лишённый болезненности непосредственного участия, но на более глубоком уровне как раз участливый, как раз наиболее адекватный материалу.

Дожди дождями. Сон как сон. / Легки и радость и тревога. / Убита ливнями дорога. / Сезон иллюзий завершён.

Д. Д.

Юрий Соловьёв. Убежище: Книга стихотворений.

Предисл. В.Месяца. — М.: Центр современной литературы, 2008. — 112 с. — (Издательский проект «Русский Гулливер»).

Первая книга стихов поэта, историка и филолога (р. 1969), живущего в Брянске. В неё вошли стихи и поэмы 1993-2005 годов.

Военная и мирная история, мифология и бытовые мелочи переплетаются, складываются будто бы сцены батальных привалов и сельских пейзажей средних веков, детализированные гравюры. Рифмованные стихи и верлибры слаженно работают на одно общее метафизическое впечатление и когда «едет, едет кошка верхом на зайце», и когда «Призрачные леса подступают под самые стены». В «Убежище» автор будто бы прячется от XX века, итожащего цивилизацию, иначе бы последний раздел книги включал в себя не одно это стихотворение.

Местный житель уже позабыл имена зверей, / он устал называть и засушил сухарей, / он дожждётся чёрного часа, езды под уклон, / дожждётся тусклой пары обложных дождей. / Часто хочется стать таким же, как он, / так же дремать и видеть такой же сон.

Дарья Суховой

Александр Сопровский. Признание в любви: Стихотворения, статьи, письма.

СПб. — М.: Летний сад, 2008. — 640 с. — (Волшебный хор).

Среди изданий последнего времени, представляющих наследие классиков неподцензурной поэзии, выделяется долгожданный том Александра Сопровского (1953—1990), легенды поэтической Москвы, неформального лидера знаменитой группы «Московское время». Легендой этот поэт остаётся чуть ли не в буквальном смысле — имя его многим любителям поэзии известно более стихов, и эту несправедливость данный том может отчасти исправить. Поэзия Сопровского сочетает щемящую безытнность с представлением о романтическом преображении мира; позиция, заведомо ставящая лирического героя в положение отверженного. Сопровский был, ко всему, не только самобытным поэтом, но и незаурядным мыслителем — это

можно увидеть в его философских эссе, записях, письмах, также опубликованных в томе.

Налей и за старое выпей. / Наплюй на уик-энд и поп-арт. / Уже сочиняет нам гибель / Какой-то февраль или март. / Затем нас не глядят по шёрстке, / Что сказано: время — вперед! — / И ласточка взором пижонским / Обмерила твой самолёт...

Сорок. четыре.

Сост. Р.Айткалиев, П.Банников. — Алматы, 2008. — 64 с.

Сборник назван так, поскольку включает подборки четырёх казахских русскоязычных поэтов, в каждой подборке — по десять стихотворений. Своего рода трёхмерная композиция, возможность уравнивать неуровновешиваемое — т.е. авторский язык. Среди представленных авторов наиболее известен в литературной среде, кажется, Павел Погода, во многом близкий по своему языку тому, что делают молодые поэты, условно говоря, леворадикальной направленности (Очиров, Дунченко, Огурцов). Заслуживают, однако внимания и Наталья Банникова с её тонкими миниатюрами, и исповедальная лирика Владимира Воронцова, и медитативные композиции Рауила Айткалиева. В целом сборник хорошо представляет авангард поэтической молодёжи Казахстана.

Больше не будет дней, / Наполненных винным туманом... / Ты уходишь в вечер / Без меня. / Утро / Разбивается в кровь. / Сон / Пройдёт, / Только бы / Дожить / До кофе (Н. Банникова).

Д. Д.

Владимир ТАРАСОВ. Догадаться до души. М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 120 с. (Поэты русской диаспоры)

Четвёртая книга иерусалимского поэта (р. 1954) объединяет и стихотворения памяти Анны Горенко, и венки сонетов «Эль-

брус», сочинённый дедом поэта М.Д.Байтальским (а Тарасов его дописал), и цикл миниатюр «Семечки с базара», и цикл «Негромкие песни Маджнуна». Раздел книги «Голубой асфальт» исчерпывает возможности алкогического субкода русской лирики — от словословов в «Похмельном дриблинге мизантропии» до стихотворения «Зрелище»: Р Ы Б И Й П О Т. Тарасов пишет так, как если бы несколько разных поэтов писали, каждый в своей манере.

кровеносная — на ощупь — речь / на слух безукоризненно подробна / как просвечивающей в чёрной стуже / снежинки строение / (доверчиво она ложится на рукав / она таит в себе / и тает) // непоправимы очертания молчанья / безупречно присутствие тишины / её акценту / не перечь

Мария Ташова. Все рыбы: Первая книга стихов.

М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2008. — 48 с. (Серия «Поколение», вып. 26).

Поэт Мария Ташова (р. 1982) — один из самых ярких молодых поэтов Нижнего Новгорода. Её первая книга — экспериментальная лирика, суть которой в сотворении пространства через поиски зримых границ. Особенно отчётливо это являет себя в последнем стихотворении книги, где «повторяешь “полость лета” / и голос тонет в этой пустоте». Границы могут быть между формами и значениями слов и разными языками: «не части ты меня задушишь / то есть за душу и молчалк / то есть мел / как разгрызенные ракушки / это море говорю и иду к доске ... у меня плечо чешется и облезает». И через рефлектирующее преодоление этих границ появляется новый смысл: белый цвет, ангеловы крылья, бесконечность времени. В общем, поэтика Ташовой демонстрирует предельно возможную неопределённость высказывания.

доктор выключает тебя из сети / говорит маленькая лети / у тебя душа что мои потёмки / дёргает за тесёмки со спины /

*вырастают такие большие крылья / что он
заворожён / и все ничего не видят / одним
отрицанием меньше / но боли / ли меньше
/ не знаю / т*

Дарья Суховой

Александр Тимофеевский. Краш-тест: Книга поэм.

М.: Время, 2009. — 96 с. — (Поэтическая библиотека).

Поэмы Тимофеевского по преимуществу имеют родство с лирическими циклами-дневниками (особенно характерны в этом смысле «Письма в Париж о сущности любви»). Поэзия Тимофеевского кажется прозрачной, однако эта прозрачность обманчива. Сложный баланс эмоциональных состояний, помноженный на неожиданное переключение стилистических регистров, делает «средний штиль» его стихотворений не таким уж и средним. От меланхолического созерцания до активной тоски, от добродушной иронии до жёсткого сарказма, от умеренного, насторожённого оптимизма до экклезиастического скепсиса — таковы настроения, играющие и переливающиеся в этих текстах.

*Если тебя не станет, / То и меня не станет,
/ И ничего не станет. / Настанет / Бесконечная ночь. / Без звёзд.*

Андрей Торопов. На нашей стороне.

Каменск-Уральский: Агентство культурной информации «Культпросвет», 2008. — 48 с.

Второй сборник поэта из Каменска-Уральского. Жёсткий неоромантизм, встраивающийся в ортодоксальную линию уральской поэзии, в поэзии Торопова не приобретает черт гротескного излома картины мира (и, как следствие, языковой картины), но выливается в саркастическую исповедь.

*Такая в целом дребедень / Без остановки,
без воленья, / Одни житейские суж-*

дья / В глуши уральских деревень.

Три столицы: Межрегиональный сборник произведений поэтов Нижнего Новгорода, Поволжья, Москвы и Санкт-Петербурга. М.: Вест-Консалтинг, 2008. — 200 с.

Книга составлена по результатам второго поэтического фестиваля «Литература-Москва» (март 2008), поэтому его состав не мог не быть весьма эклектичным. Московский раздел не слишком репрезентативен, хотя в числе его участников такие авторы, как Евгений Лесин, Света Литвак, Дмитрий Тонконогов, Всеволод Емелин. Чуть ли не полным составом представлены участники объединения «Фронт радикального искусства», среди которых как автор значим только Владимир Никритин. Среди нижегородских поэтов мы встречаем Арсения Гончукова (одного из инициаторов проекта), Дмитрия Зернова, Евгению Риц, Марину Кулакову, но не видим многих других ярких имён. Можно отметить также подборки Игоря Белова и Владимира Кочнева. При вполне профессиональном уровне ряда материалов к изданию как целому приходится отнестись, скажем осторожно, критически.

О как искусно — тили-тили — / Подходит тесто — / Любое место будет пусто — / И наше место (Е. Риц).

Трое: Стихи.

Каменск-Уральский: Агентство культурной информации «Культпросвет», 2008 — 48 с.

Сборник трёх каменск-уральских поэтов. Наиболее ярким, вероятно, может быть назван Андрей Шалобаев: в его стихотворениях обнаруживается интонационная близость с постметаметафорической линией, весьма активной в уральской литературе; отдаёт поэт дань и абсурдизму. Стихи Ильи Ненко построены на горькой иронии отчётливо романтического происхождения. В текстах Евгения Черникова подчас центральным становится достаточно убедительная в художественном смысле прямая апелляция к тра-

диции просвещённой советской поэзии (от фронтовиков до Ю.Мориц).

В тишине проходят годы / Стих мучителен как роды / То ли клапаны в мозгах / То ли насморки в ноздрях // В темноте рыдают губы / То ли ток идёт по трубам / То ли вода / По проводам (А. Шалобаев)

Сергей Фёд. Трёхстрочия. Ежедневник 2005-2008.

М.: Вест-Консалтинг, 2009. — 250 с.

Своего рода лирическо-иронический дневник в минималистических формах. Трёхстишия Сергея Феда (псевдоним Сергея Шанаева) лишь отчасти встраиваются в привычную манеру верлибрических подражаний поэзии хайку; здесь обнаруживаются и внутренняя рифма, и иные звукописные приёмы. Многие тексты сборника несамоценны, будучи именно «записями в ежедневнике».

Берегите вещи, дети. / Они помогут жить на свете. / И, может быть, не только вам.

Людмила Ходынская. Маскарад близнецов.

М.: Изд-во Р.Элинина, 2008. — 65 с. — (Серия «Русский Гулливер»).

Сборник московской поэтессы, последнее время живущей между Россией и Западной Европой. Ходынская — признанный мастер неоавангарда (она известна как один из трёх — совместно с К.Кедровым и Е.Кацюбой — создателей Добровольного Общества Охраны Стрекоз, от ассоциаций с которым, впрочем, в последние годы решительно отрещивается). Поэтический язык Ходынской можно обозначить как максимальную радикализацию метаметафорической школы, подчёркивающую в большей степени её экспериментальные (чуть ли не приближающиеся к автоматическому письму), а не более популярные среди адептов и продолжателей барочные корни. Не обходит вниманием Ходынская и

поле визуальной поэзии.

это может быть мило и бабочка на твоём животе / раздумывает примеряясь это ли место / вдалеке мареводвигающее-ся корабельных кренделей / и тесто письма делают разговор вязким и неуместным

Дмитрий Цесельчук. Непрерывный фотомонтаж. Избранное. 1964-2008 гг.: Стихи, поэмы, переводы поэзии, эссе, интервью, диалоги.

М.: Библиотека газеты «Мол», 2008. — 180 с.

Стихи Цесельчука можно было бы назвать прямолинейными (недаром Юрий Проскуряков так много говорит в предисловии о поэзии революционных демократов), однако их публицистичность оттеняется жёстким примитивистским стиховым строем. Среди переведённых Цесельчуком авторов — латышские, литовские, азербайджанские, грузинские поэты; из переводов с английского можно выделить рок-баллады Боба Дилана. В эссеистике интересны воспоминания о Леониде Губанове и вообще СМОГе).

как солдат идёт на штык / так и я к тебе привык

Д. Д.

Валерий Черешня. Шёпот Акакия.

СПб.: Алетейя, 2008. — 256 с.

В четвёртую книгу петербургского поэта (р. 1949) вошли стихи и проза «Герой ушедшего времени», по непонятным причинам не обозначенная в содержании (хотя обширное стихотворное собрание пересекается сквозными мотивами с «Героем ушедшего времени», жанр которого можно было бы определить как мемуарное эссе). Завершается «Герой ушедшего времени», помещённый в конце книги, «прологом», первый поэтический раздел книги, наоборот, именуется «Иов. Послесловие», что может тоже указывать на взаимнообратимость поэтического и мемуарно-эссеистического начал. Образно плотный поэтический язык Валерия Черешни — жи-

вой, со своей интонацией, временами скептической, временами восторженной, но всегда настоящей.

*Крыши, выше маши, дуй, взлетай, /
ведь на то существует подъёмная сила, /
чтобы землю взбесив, вдруг её превратила
/ в долготу улетающих стай.*

Дарья Суховой

ДОПОЛНИТЕЛЬНО

Проза на грани стиха

ка, полностью основанная на традиционалистском минимализме: излюбленная форма поэта — восьмистишия. Несмотря на принципиальное указание учительской фигуры — Ходасевича — Чечик имеет отношение и к другим фигурам эмигрантского «сиротства» — Борису Божневу и позднему Георгию Иванову.

*Подняться над собой, / как если бы над
бездной, / растаяв в голубой / безбрежно-
сти небесной. // И зацветает медь, / и воду
лижет пламя, / где ласковая смерть / скло-
няется над нами.*

Алексей Чуланский. Прототороид.
М.: Абракадабра, [2008]. — Без пагин.

Сборник московского поэта, изданный в традициях техногенного бук-арта. Поэзию Чуланского можно определить как психоделическую (автор в своё время был близок к кругу легендарного журнала «Птюч»): для этих стихов характерен максимум дегуманизации, выведения поэтической речи за пределы личностного как человеческого; здесь возникают интересные и крайне неожиданные параллели с циклом Игоря Холина «Космическое», однако то, что у старшего поэта звучало иронически, здесь приобретает совершенно серьёзные черты.

*мультисмерть / аннигилятор / крови ток
/ формула информ / эластика / пентаграмма
/ анаграмма / статика / антианиматика /
антианиматика*

Феликс Чечик. Муравейник.
М.: Водолей Publishers, 2008. — 144 с.

Сборник живущего в Израиле поэта предварён предисловием Владимира Гандельсмана, что само по себе — весьма значительная рекомендация. Впрочем, поэзия Чечика способна существовать и вне рекомендаций: скупая, обнажённая лири-

Виталий Штемпель. На уровне дыхания.

СПб.: Алетейя, 2009. — 184 с. — (Серия «Русское
зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).

Сборник живущего в Германии с середины 1990-х поэта. Иронический взгляд на обстоятельства быта позволяет Штемпелю преобразовать обыденные обстоятельства и стёртые каждодневные чувства в материал для письма.

*Стареющий поэт с симптомами нарцис-
са, / Отменно плодовит и мудр как гюрза. /
Он в боги не попал и в мэтры не записан, /
Но он умел быть против, когда другие — за...*

Михаил Бару. Один человек: Большая книга малой прозы. М.: Livebook, 2008. — 400 с. — (Просто хорошие книги).

Сборник прозаических миниатюр московского поэта и писателя. В основе фрагментарной прозы Бару часто лежат развёрнутое размышление, бытовой эпизод или парадоксальный анекдот; другая излюбленная творческая основа для писателя — очерк, рассказ о путешествии, незнакомом пространстве и людях, его населяющих. Проза Бару отличается явственностью, выписанностью лирического «я», которое готово комментировать самые разнообразные обстоятельства и явления.

Одиннадцатое августа. Ещё вчера было лето. Жаркое и пыльное. С огрызком облака в правом, вылинявшем углу. А сегодня уже ещё лето. С мелким замшевым дождиком. Ещё тёплым. Ещё созвонимся. Ни к чему записывать. И так запомним.

Борис Ванталов. Записки неохотника: Неполное собрание текстов. К.: Птах; СПб: Алетей, 2008. — 320 с.

Том прозаических сочинений известного петербургского поэта, писателя, художника и перформера (также известного под псевдонимом Борис Констриктор). Основную часть сборника составляет фрагментарная трилогия «Конец цитаты» (не путать с одноимённым сочинением Михаила Безродного!) — собрание записей в дневниковом духе, квазидзенских медитаций, разного рода занимательных цитат и т.п., — текст, написанный в традициях поэтической проза Леона Богданова. В томе также — повесть «Утром три», фрагментарная проза «Записки неохотника», заметки и мемуарные очерки Ванталова.

Люди, которые оплакивали свою участь ещё до появления на свет, обычно плохо видят.

Линор Горалик. Короче: Очень короткая

проза.

М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 144 с.

Хотя Фёдор Сваровский и называет стихи Линор Горалик в качестве примера «нового эпоса», сама Горалик, по его словам, стихи свои к «новому эпосу» не причисляет, уж «очень они личностны». Однако если обратиться не к стихам, а к микроновеллам «Короче» — новому жанру, открытому и разрабатываемому Горалик, то можно легко увидеть, что именно эти микроновеллы и носят все признаки «нового эпоса», перечисленные Фёдором Сваровским в его известном манифесте: «1. Эстетический эффект достигается при прочтении произведения до конца. Отдельные строки в основном не имеют собственного художественного значения, т. ск. эстетического “веса”. 2. Все эти тексты похожи на фрагменты киносценариев, на наброски романов, на куски диалогов из фильмов, на закадровый текст, на синопсис. Они нарративны в широком смысле слова. 3. Эстетический эффект наступает от манипуляции, игры контекстом. 4. “Катарсис” при прочтении текста возникает именно от узнавания контекста и находящейся за пределами текстов подразумеваемой обширной фабулы...» Не будучи стихами в прямом смысле слова, тексты Горалик легко попадают под все эти определения — это некие «свёрнутые» истории, сверхплотные фрагменты бытия отдельных и частных людей, застигнутых на пике эмоционального накала. Эти фрагменты теоретически можно «развернуть», «разархивировать» в сценарий или роман; в каждом отдельном случае это может сделать сам читатель, домысливая подразумеваемое на основании своего личного опыта или воображения. Тот редкий случай, когда лакуны и пробелы в сказанном значат едва ли не больше самого сказанного.

С ПЕРВОГО РАЗА

Было только начало июня, и от всего мира шёл мокрый зелёный запах.

— Давай, — просительно сказала вто-

рая, поспешно слезая с качелей и потирая ушибленный локоть, — давай, как будто это была Начальная Пробная Попытка, а теперь мы будем делать всё по-настоящему.

— Нет, — сказала первая, поднимаясь с мокрой чёрной земли и пытаюсь очистить ладони от жирной грязи, — нет. Давай, как будто это была Программа Испытания Верности, — и ты срезалась.

Мария Галина

Проза — принципиально сюжетна, в том числе и малая проза, которая объёмом меньше страницы текста. Линор Горалик изобретает (или транспонирует, не исключено, что именно этого не «не было», а «не хватало» словесности) новый жанр, в канонах которого полуторастраничный текст выглядит объёмнее «Войны и Мира» или какого-нибудь сильно затянувшегося детектива, и в нём, тем не менее, ничего не становится ясно до последней буквы. Чужая речь (а именно эта рамка — подслушивание в «Говорит», подглядывание в «Found life») в поэзии и прозе — диаметрально противоположные стилистические приёмы. В поэзии чужое становится существеннее, в прозе — неощутимее как чужое. В ультракороткой прозе Линор Горалик от подслушанного («Говорит») — чаще всего трясёт, случайно увиденное («Found life») тянет полуулыбнуться, не столько абсурду бытия, сколько тщательно подмечаемой безграничной доброте и нелепости разных людей. Назывные предложения и помещение минимальных текстов блоками создаёт необходимый остранённый контекст.

* * *

Две немолодые продавщицы в кругло-суточной стекляшке, в два часа ночи танцующие вальс среди вёдер с цветами и декоративных целлофановых лент.

* * *

Девочка, в слезах кричащая: «Динозавр

вымер!!!», когда от её огромного воздушно-го шара остаётся только ошмётки оскаленной пасти и кусок чешуйчатого хвоста.

Дарья Суховой

Александр Иличевский. Ослиная челюсть: 87 рассказов
Предисл. В.Губайловского. — М.: АСТ; Астрель, 2008. — 222 с.

Однако, всё же стихи, хотя и трансформированные, метаморфированные. Во всяком случае, по словам самого автора. («История «Ослиной челюсти» нелинейна. Проще говоря, это подборка стихотворных текстов, переписанных прозой, причём разрыв между некоторыми текстами был порядка десяти лет» — Интервью сайту «Литературная Москва»). Мало того, в текстах прослеживается вполне уловимая система рифмовки, структуры, ритма:

Ночной вокзал. Бессонницы песок из ламповых часов в зрачок, натёртый потоком воздуха, наискосок входящим в темь мозжечка — на вёрсты. Глаз опухает — как осы сосок, спикировавшей сквозь свой жёлтый обруч, — и вертится, краснея, на восток. Мент на себя похож. И глаз — на глобус.

Иличевский — импрессионист, фиксирующий мгновение не потому, что оно прекрасно, а потому, что оно полноцветно и плотно; иногда кажется, что именно здесь, отказавшись от обязательного для прозы сюжетного каркаса, он ощущает подлинную свободу и полноту бытия. Он, как и Горалик, предлагает читателю некий плотный пакет информации («Критики часто упрекали прозу Иличевского в перенасыщенности: хорошо прочитать один абзац, а потом наступает утомление и внимание рассеивается. В этой книге писатель предоставил возможность прочитать один абзац как законченный текст» — Владимир Губайловский, из предисловия). Читателю, однако, здесь предстоит не заполнять лакуны, а раскручивать метафоры: наградой ему станет иллюзия присутствия, соучастия, восприятия чужих ощущений / воспоминаний как своих

А В Т О Р Ы

Шамшад Абдуллаев (Фергана; 1957). Книги стихов: Промежуток (1992), Медленное лето (1997), Неподвижная поверхность (2003); премия Андрея Белого (1993), премия журнала «Знамя» (1998); проза, эссе. + **Василис Аманатидис** (Βασίλης Αμανατίδης; Салоники, 1970). Книги стихов: Υπνωτήριο. Εννια νυχτικές παραβολές (1999), Σπιτι αλο παγο ολο (2001), Τριαντατρια (2003), Καλοκαρι στο σπιτι + εξι αποδειξεις ικανοτητων (2005), 4-D: Ποιηματα τεσσαρων διαστασεων (2006); два сборника рассказов, пьесы. + **Владимир Аристов** (Москва; 1950). Книги стихов: Отдаляясь от этой зимы (1992), Частные безумия вещей (1997), Реализации (1998), Иная река (2002), Реставрация скатерти (2004), Месторождение (2008), Избранные стихи и поэмы (2008); роман «Предсказания очевидца» (2004); Премия Андрея Белого (2008). + **Олег Асиновский** (Москва; 1964). Книги стихов: До и после (1989), Полотно (2005), Триада (2006, совместно с Б. Констриктором и Т. Михайловской). + **Николай Байтов** (Москва; 1951). Книги стихов: Равновесия разногласий (1990), Времена года (2001), Что касается (2007); две книги прозы, премия-стипендия Фонда Иосифа Бродского (2007). + **Олесь Барлиг** (Олесь Барліг; Запорожье, 1985). Стихи в украинской периодике. + **Полина Барскова** (Беркли; 1976). Книги стихов: Рождество (1991), Раса брезгливых (1993), Метору (1996), Эвридей и Орфика (2000), Арии (2001), Бразильские сцены (2005); малая премия «Москва–транзит» (2005). + **Наталья Боева** (Вологда; 1985). Публикации в региональной периодике и в Интернете. + **Евгений Бунимович** (Москва; 1954). Книги стихов: Просто нет такого города Парижа (1990), Потому что живу (1992), Естественный отбор (1999), Ежедневник (2006). + **Алексей Верницкий** (Колчестер; 1970). Стихи в журналах и альманахах Арион, Вавилон, Митин журнал, Новая Юность, Урал, Воздух, в Интернете; статьи в периодике. + **Иона Волах** (דָּלוּן הַבּוֹרִי; Израиль, 1944–1985). Книги стихов: דְּבַרִּים (1966), שֵׁן גַּיִם (1969), שִׁירָה (1976), אֹרֶן פְּרָא (1983), צוֹרוֹת (1985), מוֹפֵעַ (1985). + **Мария Галина** (Москва; 1958). Книги стихов: Вижу свет (1993), Сигнальный огонь (1994), Неземля (2005); девять повестей и романов; премии «Anthologia» (2005), «Московский счёт» (2006). + **Георгий Геннис** (Москва; 1954). Книги стихов: Время новых болезней (1996), Кроткер и Клюфф (1999), Сгоревшая душа Кроткера (2004), Утро нового дня (2007). + **Анна Глазова** (Чикаго; 1973). Книги стихов: Пусть и вода (2003), Петля. Невполовину (2008); переводы немецкой поэзии и прозы XX века. + **Павел Гольдин** (Симферополь; 1978). Книга стихов: Ушастых золушек стая (2006). + **Линор Горалик** (Москва; 1975). Книги стихов и малой прозы: Не местные (2003), Подсекай, Петруша! (2007); два романа, три книги non-fiction; молодёжная премия «Триумф» (2003). + **Фаина Гримберг** (Москва; 1951). Книги стихов: Зелёная ткачиха (1993), Любовная Андреева хрестоматия (2002); несколько десятков романов и популярных книг по истории. + **Данила Давыдов** (Москва; 1977). Книги стихов: Добро (2002), Сегодня, нет, вчера (2006); премия «Дебют» (2000) за книгу прозы «Опыты бессердечия»; критические и литературоведческие статьи во всех основных российских журналах. + **Настя Денисова** (Санкт-Петербург; 1984). Книга стихов: Ничего нет (2006). + **Аркадий Драгомощенко** (Санкт-Петербург; 1946). Книги стихов: Небо соответствий (1990), Ксении (1993), Под подозрением (1994), Описание (2000), На берегах исключённой реки (2005); три книги прозы, Премия Андрея Белого (1978, за прозу). + **Сергей Завьялов** (Санкт-Петербург; 1958). Книги стихов: Оды и эподы (1994), Мелика (1998), Мелика (2003). + **Николай Звягинцев** (Москва; 1967). Книги стихов: Спинка пьющего из лужи (1993), Законная область притворства (1996), Крым НЗ (2001), Туц (2008). + **Гали-Дана Зингер** (Иерусалим; 1962). Книги стихов: Сборник (1992), Адель Килька. Из (1993), Осаждённый Ярусарим (2002), Часть це (2005); книги стихов на иврите, переводы поэзии с иврита. + **Светлана Иванова** (Санкт-Петербург; 1965). Книги стихов: Тень на камне (1990), Появление бабочки (1995), Небесная Фонтанка (2002). + **Геннадий Каневский** (Москва; 1965). Книги стихов: Провинциальная латынь (2001), Мир по Брайлю (2004), Как если бы (2006), Небо для лётчиков (2008). + **Бахыт Кенжеев** (Монреаль; 1950). Книги стихов: Избранная лирика 1970-1981 (1984), Осень в Америке (1988), Стихотворения последних лет (1992), Из книги АМО ERGO SUM (1993), Стихотворения (1995), Возвращение (1996), Сочинитель звезд (1997), Сняющаяся под утро (2000), Из семи книг (2000),

Невидимые (2004), Названия нет (2005), Вдали мерцает город Галич (2006), Крепостной остывающих мест (2008); премия «Антибукер» (2000), большая премия «Москва–транзит» (2003). + **Василий Кондратьев** (Санкт-Петербург; 1967–1999). Стихи в журналах Митин журнал, Звезда Востока; переводы англо- и франкоязычной прозы и поэзии XX века, книга прозы; Премия Андрея Белого (1998, за прозу). + **Кирилл Корчагин** (Москва; 1986). Стихи в журнале Воздух. + **Константин Кравцов** (Москва; 1963). Книги стихов: Приношение (1998), Январь (2002), Парастас (2006). + **Григорий Кружков** (Москва; 1945). Книги стихов: Ласточка (1982), Черепаха (1990), Бумеранг (1998), На берегах реки Увы (2002), Гостя (2004), Новые стихи (2008); книга статей и эссе, переводы англоязычной поэзии; Государственная премия России (2003). + **Дмитрий Кузьмин** (Москва; 1968). Книга стихов: Хорошо быть живым (2008); переводы и статьи в периодике и Интернете; Премия Андрея Белого «За заслуги перед литературой» (2002). + **Олег Ленцой** (Рига; 1958). Книги стихов: Атолл, Подарок-тупик (обе 2007) + **Александр Макаров-Кротков** (Москва; 1959). Книги стихов: Дезертир (1995), Тем не менее (2002), Далее — везде (2007). + **Ямарбер Марко** (Jamarbër Marko; Албания, 1951). Книги стихов: Rastësisht me dashje (1995), Pro nobis (2001). + **Ольга Мартынова** (Франкфурт-на-Майне; 1962). Книги стихов: Поступь январских садов (1989), Сумасшедший кузнечик (1993), Четыре времени ночи (1998), Brief an die Zypressen (2001, с переводами на немецкий), Французская библиотека (2007). + **Глеб Морев** (Москва; 1968). Публикации и комментарии произведений М. Кузьмина, Ю. Юркуна, Э. Багрицкого и др.; главный редактор журналов «Новая русская книга» (1999–2002) и «Критическая масса» (2002–2007). + **Евгений Никитин** (Москва; 1981). Книга стихов: Зарисовки на ветру (2005). + **Олег Петров** (Харьков; 1979). Стихи в журналах Воздух, ©юоз писателей, Дети Ра, альманахах «Левада» и «Вавилон», антологии «Освобождённый Улисс», а также в Интернете. + **Владислав Поляковский** (Москва; 1987). Публикации в журналах «Знамя», «Воздух» (стихи), «Критическая масса» (статьи), в Интернете. + **Петя Птах** (Тель-Авив; 1978). Публикации в журналах: Солнечное сплетение, Двоеточие, Стетоскоп, антологии Освобождённый Улисс. + **Анастасия Романова** (Москва; 1979). Книги стихов: Распутье. Самшиты. Осока (2001), Варварские земли (2005), Большой соблазн (2007). + **Фёдор Сваровский** (Москва; 1971). Книги стихов: Все хотят быть роботами (2007), Все сразу (2008, с А.Ровинским и Л.Швабом); Малая премия «Московский счёт» (2008). + **Андрей Сен-Сеньков** (Москва; 1968). Книги стихов, визуальной поэзии и поэтической прозы: Деревце на склоне слезы (1995), Живопись молозивом (1996), Тайная жизнь игрушечного пианино (1997), Танец с женщиной, которая немного выше (2001), Дырочки сопротивляются (2006), Заострённый баскетбольный мяч (2007). + **Александр Скидан** (Санкт-Петербург; 1965). Книги стихов: Делириум (1993), В повторном чтении (1998), Красное смещение (2005); две книги статей о литературе и философии, переводы американской прозы; премия Андрея Белого (2006) + **Мария Степанова** (Москва; 1972). Книги стихов: Песни северных южан (2001), О близнецах (2001), Тут-свет (2001), Счастье (2003), Физиология и малая история (2005), Проза Ивана Сидорова (2008); премии журнала «Знамя» (1993), имени Пастернака (2005), Андрея Белого (2005). + **Дарья Суховой** (Санкт-Петербург; 1977). Книга стихов: Каталог случайных записей (2001); статьи о современной поэзии. + **Александр Уланов** (Самара; 1963). Книги стихов: Направление ветра (1990), Сухой свет (1993), Волны и лестницы (1997), Перемещения + (2007); книга прозы: Между мы (2006), переводы поэзии с английского, французского, немецкого, критические статьи в периодике. + **Елена Фанайлова** (Москва; 1962). Книги стихов: Путешествие (1994), С особым цинизмом (2000), Трансильвания беспокоит (2002), Русская версия (2005); премия Андрея Белого (1999), премия «Московский счёт» (2003) + **Олег Филиппов** (Москва; 1959). Две книги non-fiction. + **Борис Херсонский** (Одесса; 1950). Книги стихов: Восьмая доля (1993), Вне ограды (1996), Семейный архив (1997), Post Printum (1998), Там и тогда (2000), Свиток (2002), Нарисуй человечка (2005), Глаголы прошедшего времени (2006), Вне ограды (2008), Площадка под застройку (2008); стихотворные переложения библейских текстов. + **Андрей Черкасов** (Челябинск; 1987). Стихи в журналах «Крещатик», «Волга – XXI век», в Интернете. + **Леонид Шваб** (Иерусалим; 1961). Книги стихов: Поверить в ботанику (2005), , Все сразу (2008, с А.Ровинским и Ф.Сваровским). + **Аркадий Штыпель** (Москва; 1944). Книги стихов: В гостях у Евклида (2002), Стихи для голоса (2007). + **Татьяна Щербина** (Москва; 1954). Книги стихов: 0–0 (1991), Жизнь без (1997), Диалоги с ангелом (1999), Книга о хвостом времени... (2001), Прозрачный мир (2002), Побег смысла (2008); книга эссе «Лазурная скрижаль» (2003), роман «Запас прочности» (2006).

КНИЖНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Вениамин Блаженный.
МОИМИ ОЧАМИ

Александр Скидан.
КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ

Гали-Дана Зингер.
ЧАСТЬ ЦЕ

Александр Ожиганов.
ЯЩЕРО-РЕЧЬ

Галина Ермошина.
КРУГИ РЕЧИ

Сергей Морейно.
ТАМ ГДЕ

Полина Барскова.
БРАЗИЛЬСКИЕ СЦЕНЫ

Андрей Сен-Сеньков.
ДЫРОЧКИ
СОПРОТИВЛЯЮТСЯ

Алексей Кубрик.
ДРЕВЕСНОГО ЦВЕТА

Виктор Полещук.
МЕРА ЛИЧНОСТИ

Александр Беляков.
БЕССЛЕДНЫЕ МАРШИ

Валерий Нугатов.
ФРИЛАНС

Игорь Булатовский.
КАРАНТИН

Константин Кравцов.
ПАРАСТАС

Мара Маланова.
ПРОСТОРЕЧИЕ

Елена Сунцова.
ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ

Бахыт Кенжеев.
ВДАЛИ МЕРЦАЕТ
ГОРОД ГАЛИЧ

Андрей Тавров.
САМУРАЙ

Валерий Земских.
ХВОСТ ЗМЕИ

Данила Давыдов.
СЕГОДНЯ, НЕТ, ВЧЕРА

Игорь Жуков.
ЯЗЫК ПАНТАГРЮЭЛЯ

Егор Кирсанов.
ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ

Фёдор Сваровский.
ВСЕ ХОТЯТ БЫТЬ РОБОТАМИ

Георгий Геннис.
УТРО НОВОГО ДНЯ

Аркадий Штыпель.
СТИХИ ДЛЯ ГОЛОСА

Линор Горалик.
ПОДСЕКАЙ, ПЕТРУША

Катя Капович.
СВОБОДНЫЕ МИЛИ

Геннадий Алексеев.
АНГЕЛ ЗАГАДОЧНЫЙ

Евгения Риц.
ГОРОД БОЛЬШОЙ,
ГОЛОВА БОЛИТ

Сергей Круглов.
ЗЕРКАЛЬЦЕ

Александр Уланов.
ПЕРЕМЕЩЕНИЯ +

Янина Вишневская.
НАЧИНАЕТСЯ УЖЕ
НАЧАЛОСЬ

Василий Чепелев.
ЛЮБОВЬ «СВЕРДЛОВСКАЯ»

Владимир Аристов.
МЕСТОРОЖДЕНИЕ

Татьяна Щербина.
ПОБЕГ СМЫСЛА

Елена Михайлик.
НИ СНОМ, НИ ОБЛАКОМ

Александр Месропян.
ВОЗЛЕ ВОЙНЫ

Александр Мещеряков.
ЗДЕСЬ БЫЛ ЛЕДНИК

Геннадий Каневский.
НЕБО ДЛЯ ЛЁТЧИКОВ

ПРОДАВЦЫ ВОЗДУХА

МОСКВА

Пироги

Зеленый пр-т, д.5/12

ОГИ

Потаповский пер., д.8/12

Фаланстер

Малый Гнездниковский пер., д.12/27

Книжная лавка Литинститута

Тверской б-р, д.25 стр.2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Борей

Литейный пр., д.58

РОССИЯ

www.vavilon.ru/order

ЗАГРАНИЦА

www.esterum.com

ВОЗДУХ

журнал поэзии

4/08